

ВАЛЕНТИН КОЛЕСНИКОВ

V. Speys

ЧАСТЬ-2

ФАЕТОН

**НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН**

Валентин Колесников

Фаэтон. Часть 2

«Издательские решения»

Колесников В.

Фаетон. Часть 2 / В. Колесников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516450-6

Сборник состоит из четырех ранее опубликованных книг «Фаетон». Роман основан на «реальных» событиях, произошедших на Фаетоне. Космические посланцы — кто они, друзья или враги? Тайное Правительство Земли. Кто влияет на ход истории? Изложено в этой книге...

ISBN 978-5-00-516450-6

© Колесников В.
© Издательские решения

Содержание

Глава тринадцатая	11
Глава четырнадцатая	18
Глава пятнадцатая	30
Глава шестнадцатая	36
Глава семнадцатая	44
Глава восемнадцатая	52
Глава первая, Книга – VII, Эдем	57
Глава вторая	64
Глава третья	74
Глава четвертая	78
Глава пятая	88
Глава шестая	95
Глава седьмая	100
Глава восьмая	107
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Фаэтон. Часть 2

Валентин Колесников

© Валентин Колесников, 2020

ISBN 978-5-0051-6450-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-6445-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава двенадцатая, Книга – VIЩепная реакция (продолжение)

Коперник, открыв дверь своей комнаты, ключом, который носил всегда при себе, снял одежду, повесив ее на плечики в шкафу и в одних трусах, напевая песенку, прошел в ванную комнату. Хорошо помывшись, свежий и чистый, он прошел к холодильнику и, не обнаружив там традиционной бутылки с водкой, подумал, что забыл ее на столе. Так и есть, бутылка, отпитая наполовину, стояла рядом с граненым стаканом на столе. Он налил себе стакан водки и выпил, как пьют воду, даже не скривился. Удовлетворенно крикнув, выключил свет и прыгнул в постель. Внезапно как клещами был схвачен объятиями Маши Зарудной, как сумасшедшая она затрепетала в его постели и без умолку повторяя:

– Люблю! Люблю! Люблю!

Коперник сначала опешил, а затем всей мощью, не знавшей женщин до сего дня, уцепился в это податливое создание и целовал, и целовал, как голодный лев рвет окровавленные куски добычи, так и он срывал покрывало невинности с нее и со своего естества...

Они появились вдвоем в приемной Гаринова. Маша Зарудная с сияющей и цветущей улыбкой. И Коперник, подтянутый и помолодевший. Генерал удивленно смотрел во все глаза, не мог поверить собственному взгляду, кто перед ним. Коперник или кто—то другой? Из сутулого боязливого и невзрачного человечка Афанасий Петрович вдруг превратился в почти стройного мужчину с орлиным взором в серых глазах, с какой-то уверенной походкой и уверенными движениями. Руки его уже не дрожали и смелость, с которой он вошел в кабинет Гаринова, сразила генерала, как шальная пуля парящего орла. Вошедший Коперник громким голосом приветствовал опешившего генерала:

– Здравствуйте Алексей Алексеевич! – протягивая руку для пожатия, Коперник подошел к рабочему столу. Генерал с удовольствием крепко пожал, не преминув сказать:

– Афанасий Петрович, что произошло сегодня ночью? Я вижу, у Вас синяк под глазом запудрен женской розовой пудрой.

– Да, Алексей Алексеевич, произошло. Мы с капитаном Зарудной решили пожениться. И пришел к вам, чтобы вы разрешили нам жить вместе, пока будем ждать очереди на регистрацию бракосочетания в загсе.

– А вот мы сейчас и спросим у предмета вашего обожания? – Гаринов нажал кнопку вызова. Маша Зарудная появилась с сияющей улыбкой, сверкающей счастьем и жизнерадостностью. Гаринов, недолго думая, задал один единственный вопрос: —Это правда?

Маша с нескрываемой нежностью посмотрела на предмет своего обожания. Коперник улыбался ей, и в его улыбке было что—то лошадиное. Крупный нос с горбинкой и крепкие передние зубы, напомнили генералу его детство, когда он с мальчишками пас совхозных жеребцов. Особенно ему припомнился один. Он громко ржал и показывал свои крепкие передние зубы, точь-в-точь, как сейчас улыбался Коперник.

– “Ну и дела”? – подумалось Гаринову. Маша отвечала: —Правда, Алексей Алексеевич. Разрешите нам пожить вместе? – она нервно теребила папку для деловых бумаг, которую держала в руках, – Я уже и вещи к Алику перенесла.

– К какому такому Алику? – притворившись, что не понимает о ком идет речь, спросил генерал.

– Это, Машенька так меня называть стала. – Оправдывался Коперник, – У меня, знаете ли, фамилия знаменитая, а вот с именем не сложилось, сами понимаете, вот она и придумала меня Аликом называть.

– Ну, что ж, дети мои, – начал говорить генерал голосом, как священник в церкви на проповеди, – живите вместе, благословляю вас. – Простодушная улыбка засветилась на его лице. Подумав, добавил, —Я сегодня же напишу приказ и передам коменданту, чтобы он поселил вас вместе.

– Алексей Алексеевич, позвольте передать вам проект приказа. – Маша достала со своей папки напечатанный на бланке центра проект.

– Давай сюда. – сказал Гаринов. Взял протянутый Машей листок и, не глядя в него, подписал, сказав Копернику, —Я ей полностью доверяю. Умная и грамотная девушка, береги ее. – Он впервые сказал Копернику ты, а это значило, что теперь и Афанасий Петрович вошел в круг полного доверия к генералу, – Идите, дети мои и живите счастливо.

Афанасий и Маша вышли из кабинета. Гаринов сидел некоторое время в глубокой задумчивости, пытаясь собрать мысли в логический порядок, и не мог сосредоточиться на текущих делах из—за хаотического нагромождения, следовавших одно за другим, событий последних дней. А ведь надо было готовить отчет по итогам истекающих на этой неделе ста дней работы НИИ Проблем антигравитации...

Генерал встал со своего места, подошел к окну. Деревя, видневшегося парка за окном, уже кое—где были укрыты желтеющей листвой и хорошо были видны из его кабинета. Гаринов долго смотрел на кроны в глубокой задумчивости. Прикидывая, что он скажет Ученому Совету, и ни на миг, не сомневаясь в том, что Президент, конечно, тоже будет внимательнейшим образом следить за работой Совета и лично за докладом Гаринова. Генерал перебирал в уме все за и против экспериментальных испытаний и находил все больше положительных фактов в пользу разработок конструктивных параметров. В конечном итоге все будет зависеть от доклада. Успешно проведенные испытания давали, конечно же, зеленую улицу новому направлению в науке. И это открывало хорошую перспективу широчайшему использованию вихревого эффекта пространства, и как следствие этого эффекта антигравитации. Но, как все это изложить в простой и доходчивой форме, чтобы получить одобрение Ученого Совета, что в данном случае не маловажно, особенно для дальнейшей организации широкомасштабных исследований, которые положат началу запуску производства различных конструкций дисколетов. Конечно же, без обсуждения проекта с пилотами Кразимовым и Собиновым отчет не будет полноценным, да и без компетентного Коперника, хорошо оснащенного в кратчайшие сроки дисколеты, отчет будет бедным. И генерал решительно повернулся от окна и снова уселся за своим столом. На листке бумаги стал энергично набрасывать шариковой ручкой план построения доклада по будущему отчету...

На следующий день, счастливый и звонкий голос Маши, сообщил, что в приемной уже находятся пилоты и ее Алик.

– Пусть войдут! – приказал генерал.

Все трое вошли и расселись на указанные Гариновым места у журнального столика. Так было легче создать непринужденную обстановку, в которой легче выявлялись скрытые места в прошедшей работе. Которые можно было бы устранить здесь, а не выслушивать едкие замечания коллег на Совете, которые воспринимаются там, как удар в спину, ощутимее и больнее. Гаринов, рассадив гостей по местам, начал читать набросок проекта доклада, гости внима-

тельно слушали. Когда он закончил, сказал, обращаясь к коллегам: —Итак, вы все прослушали. Ваши дополнения, замечания по этому плану я хочу услышать здесь. От того, как мы преподнесем это блюдо, будет зависеть многое.

– Нам не надо говорить, что будет зависеть и от чего, – взял слово Собинов, – нам не надо говорить этого, мы и так, как на иголках были все это время. И, слава Богу, к финишу пришли с успехом.

– Я думаю, – начал говорить Коперник, – что в процессе доклада, в его самой середине, надо показать фрагмент старта дисколета.

– К чему бы это? – сорвался Кразимов.

– А к тому, – парировал Коперник, – чтобы привлечь внимание к самому эффекту мгновенного набора высоты.

– Так, так, кажется, понимаю, – вставил реплику генерал, – мы создадим интригу, как бы заинтересуем аудиторию ученых?

– Ведь скачек на три тысячи метров за три секунды должен был сделать по идее из пилота лепешку, – Коперник повернулся к Леониду, – а ты даже не почувствовал, как оказался на трехтысячной высоте, едва успел выключить вихрь.

– Так и есть, ты говоришь истинную правду. Но я не пойму к чему все это? Объясни? – спросил у него Леонид.

– А к тому, что ты едва успел выдержать переключатель вихря три секунды, как оказался снова на стометровой высоте, поэтому то и есть смысл вначале показать стартовый подъем. Это, как уже сказал Алексей Алексеевич, привлечет внимание Совета и кое-кто, я уверен в этом, начнет ехидно посмеиваться, что, дескать, огромные средства выброшены на ветер, а толку—то никакого.

– Да и этот кадр надо прервать, – вмешался в разговор Гаринов, – и строить доклад, рассказывая об эффекте пространственного вихря и как должен этот эффект проявиться в полете?

– Затем включить кадры набора высоты с помощью пространственного вихря. – неторопливо продолжал Коперник.

– Конечно, такие кадры, несомненно, произведут впечатление. – Подхватил Собинов.

– И как взрывная волна, эффект эмоций? – подхватил Гаринов, – И мы сможем уже диктовать наши условия.

– Конечно, – согласился Коперник, – Ученый Совет наш после такого построения доклада и выводы напрашиваются сами собой.

– Ну, вот, это как раз то, что я хотел услышать от вас, коллеги. – Одобрительно сказал Гаринов, – И в Москву мы полетим все вместе. Ученый Совет продлится ну, максимум три дня. Затем будут прения и доклады других ученых. Так что две недели с лихвой хватит.

Коперник вдруг заерзал на месте, было видно, что он хочет, что—то сказать. Гаринов перевел взгляд в его сторону.

– Мне можно не ехать? – каким-то просящим голосом, похожим на отдаленное глухое эхо, спросил Коперник.

– Это почему же? – удивился Гаринов.

– У меня срочная доработка дисков, а мои спецы, если их оставить без присмотра могут сделать не так как нужно. – Оправдывался ученый, изобразив на лице несчастную мину.

– Да ведь он у нас молодежен! – сказал Собинов. Кразимов улыбнулся. Гаринов с улыбкой на лице добавил, —И то и это, уважительные причины. Оставайтесь Афанасий Петрович. Я на вас возложу руководство работами в мое отсутствие. Займете мой кабинет, и будете держать связь с нами вот по этому компьютеру и вообще форсировать доработки дисколетов. Надо, как можно быстрее, запустить их в космическое пространство. А я сделаю заявление, что мы готовим испытания в космосе. Это будет еще один плюс к нашей деятельности! – затем Гаринов обратился к пилотам, – Что скажете, орлы?

– Что тут скажешь, когда и так все ясно. – За всех ответил Леонид, – Вот за командировку спасибо, три месяца не виделся с семьей.

– Спасибо, Алексей Алексеевич, – поспешил присоединиться к Кразимову и Собинов, – мы с Анной, как перебрались с Н—ска в Москву, так вообще редко видимся. Я здесь она там, а тут такая возможность, спасибо.

Распрощавшись с Гариновым, все направились к выходу, следуя за Афанасием Петровичем.

Коперник задержался у стола Маши. Девушка возбужденно стала ему что—то говорить и звонко смеяться. Собинов и Кразимов в это время проходили мимо них и оба с легкой завистью смотрели на влюбленных, так как им еще предстоит, свидится со своими женами.

– Ты уже домой? – спросила Маша.

– Конечно, зайду за тобой, а сначала приготовлю, что-нибудь вкусненькое. Схожу в наш магазинчик, сделаю запасы.

– Смотри, мы договорились.

– Ну, Машенька, я же обещал, ни грамма. С момента нашей встречи ни грамма, Солнышко. Столичной для меня, ровно, как и другого спиртного, уже не существует! – уверенный его тон, вызвал у Маши прилив новых нежных чувств.

– Будем, наедаются. Ну, иди уже, а-то вон люди смотрят?

В приемной собрались сотрудники центра и люди в военной форме технических служб космодрома, дожидаясь своей очереди на прием к генералу, они с любопытством наблюдали за влюбленной парой. Когда, наконец, Коперник распрощался с Машей, все почтительно поздоровались с ним. Было со стороны заметно по реакции Зарудной, как это ей нравится по ее довольной улыбке и потеплевшему взгляду.

Коперник вышел из резиденции генерала в послеобеденное время, направляясь к гастроному, что на территории центра. Сегодня он решил удивить Машу своими кулинарными рецептами. За годы холостяцкой жизни ему довелось перепробовать массу разных блюд собственного приготовления и некоторые ему очень пришлись по вкусу, одно из них он решил преподнести и Маше. В магазине, закупив все необходимое, он не шел домой, он просто летел на крыльях, которые, казалось, выросли у него за спиной. Так ему хотелось поскорее удивить любимую. “Взлетев” на третий этаж, в комнату, которую выделил им комендант центра, он сразу же прошел на маленькую кухню распаковывать покупки. Разложив все купленное по своим местам, вернулся в комнату и, переодевшись в домашнюю одежду, приступил к готовке.

Первым делом, помыл в содовом растворе куриные яйца, отобрал из купленного десятка шесть, поставили вариться. Пока яйца варились на газовой плитке, он принялся за чистку картошки. Начистив и измельчив картошку в эмалированную миску, налил в нее холодной воды. Затем очистил три зубка чеснока, выбрав из головки крупнее. Промытую и нарезанную дольками картошку посолил, перемешал в миске, и разложил на две сковородки, тщательно сдобрив их постным маслом. Затем, накрыл сковородки крышками из кастрюль, поставил их на плиту, жарится. Пока он возился с картошкой, яйца успели уже, сварится. Поставив кастрюлю с яйцами под струю холодной воды, принялся за чеснок. Очищенные зубки он тщательно измельчил и оставил на блюде. В это время яйца уже охладели, и их можно было чистить от скорлупы, что Коперник и сделал. Картошка прожарилась до хрустящих и подрумяненных долек. Вот на эту то картошку сверху он стал набрасывать измельченный чеснок, распределяя его на две сковороды и сверху на терке натирать яйца, по три яйца на сковородку. Картошка, получив чеснок и яйца, стала издавать ароматы непередаваемой аппетитной снеди, возбуждающей еще сильнее и без того хороший аппетит. Добавив щедро на слой потертых яиц майонез, по одной пачке, примерно сто грамм, на сковородку, тщательно размазал его по протертым яйцам кулинарной дощечкой и накрыл снова кастрюльными крышками. Эти обе ско-

вородки Коперник поставил одну на одну в духовку газовой плиты, с тем, чтобы, когда они с Машей придут, картошка была бы уже не горячей, а еще теплой, а майонез за время этого томления пропитает блюдо до полной вкусовой готовности. Такой букет из простого набора продуктов приобретает вкусовые качества блюда, которое достойно истинных ценителей вкусной и питательной пищи...

И Коперник с нескрываемой гордостью пошел встречать Машу, которая уже спешила домой. Когда они вошли в комнату, на девушку аромат блюда дохнул таким возбуждающим желанием немедленно испробовать этот удивительный вкус. Ей было приятно, что ее Алик, и готовит, и бросил ради нее пить. И Маша стала думать уже о том, как ей повезло в жизни, что она встретила нежданно не гадано этого сутулого и невзрачного с виду человечка, невзирая еще и на то, что он намного старше ее, и как ей с ним стало вдруг легко и уютно...

Накрыв на стол, из так любовно приготовленного блюда, Коперник сидел на кухне, поджидая Машу. Молодая женщина в это время плескалась в ванной под душем. Когда она вышла в розовом махровом халате, разгоряченная и счастливая, они принялись за еду. Откушав, Маша сказала, —А вот теперь не плохо было бы запить хорошим глотком кофе?

Коперник недовольно поморщился, он никогда, кроме водки и чая не пил кофе. Он ей сказал об этом. Маша сделала огромные глаза, соображая, что же теперь делать, но, приняв какое—то решение, поспешила сообщить об этом, —Ты это серьезно? — пытаюсь понять, шутит он или говорит всерьез.

— Да, серьезно. А почему ты так удивляешься? Ведь человек не может в своей жизни испробовать все из еды и питья, всегда останется что—то, что ему не достается в силу тех или иных причин.

— Да просто это такой уникальный случай, что я думала, уж нет таких людей, которые, прожив пол века, ни разу не пробовали этого удивительного и вкусного напитка.

— Машенька из твоих рук я готов испробовать все, что ты предложишь мне, ведь мы одна семья, так ведь?

— Да, милый! — согласилась, улыбаясь, Маша, — Я сейчас тебя угощу. У меня есть отличные зерна и кофемолку я захватила с собой.

Маша, быстро смолов кофе, сварила его. От аромата, исходившего из кофеварки исходил приятный и насыщенный аромат высококачественного кофе, от запаха которого Коперник поморщился. Видно было по его лицу, что он борется с чувством брезгливости, стараясь изо всех сил скрыть от любимой, то, что запах кофе ему напоминает нечто не лицеприятное. Но маленькая чашечка с дымящимся черным напитком уже стояла на кухонном столе. И Коперник, набравшись храбрости, в конце то концов кофе ведь пьют все и еще восхищаются этим напитком, решил одним глотком расправиться с этой проблемой. Маша взяла чашечку и блюдце, поддерживая блюдце под чашечкой, стала маленькими глоточками вкушать сладость напитка. Ей это так нравилось, что с каждым глотком кофе она закрывала глаза, вкушая и аромат, и вкус и получая бодрящий эффект от этого удивительного напитка. И одновременно растворяясь в домашнем уюте, рядом с любимым человеком. Коперник, улучив момент, сделал быстрый глоток, проглотив и кофе и гущу в ней. И нервно, не рассчитав, по-видимому, сил, громко стукнул чашечкой о блюдце. Маша открыла глаза, —Ты, что стучишь? Выпил уже? Коперник выпучил глаза, ожидая, что будет дальше. Вопреки ожиданиям, неприятных ощущений не было. Вместо этого, бодрость и невероятный прилив сил, вдруг стал ощущаться во всем теле. С ним никогда такого еще не было. Он привык к водочным ощущениям, когда после выпитого, наступает расслабленное и успокаивающее состояние и хочется лечь поскорее в постель и забыть все неприятности текущего дня. Быть может, благодаря водочным вливаниям он и сохранил в себе присутствие духа и здравомыслия, так ему казалось. Да, может быть, так оно и было на самом деле, до тех пор, как Маша появилась в его жизни. Теперь же другое дело. Мысли от выпитого кофе, прояснились и засияли краски вдруг. И Копернику даже пока-

залось на миг, что вокруг головы Маши обмотанной махровым розовым полотенцем, засиял светлой дымкой ореол. Он хотел сказать ей об этом, но внезапный резкий телефонный звонок прервал идиллию созерцания нимба вокруг головы любимой. Коперник вскочил с места и бросился в комнату к телефону.

– Да, Коперник у телефона.

– Привет, доктор. – В трубке послышался знакомый голос, но где он его слышал, Коперник никак не мог взять в толк.

– Здравствуйте. А, кто говорит?

– Что, опять напился как свинья?

От такого обращения Афанасий Петрович чуть не бросил трубку, но сдержался, такое обращение мог позволить по отношению к выпившему Копернику только один человек.

– Это твой бывший начальник, пьяница, Глушко Петр Семенович.

– Вы? – удивлению Коперника не было предела, – Вы же почти бесследно исчезли? Откуда?

– Я теперь могу говорить. Знаешь, есть в Испании такое княжество Андорра?

– Слышал, конечно, есть.

– Так вот я получил гражданство за вклад в тамошнюю науку и теперь занимаюсь исследованиями торсионных полей, правда, не цепной реакцией. Они там наслышаны страшилок о ней и категорически запретили это направление.

– Слава Богу. Значит, еще проживем на свете.

– Я, почему звоню? Мне не хватает твоих мозгов. Такого ассистента как ты. Давай ко мне. У меня здесь отличные условия, а насчет того, как тебе сюда доехать я уже позаботился, нужно только твое согласие.

– Да вы, что? Я ни за что не согласен.

– Ты, что дурак? У тебя здесь будет все, что твоей душе угодно, соглашайся и не медли? – трубка внезапно разразилась короткими гудками. Глушко прервал разговор. Коперник стоял в застывшем оцепенении, не двигаясь с места и с трубкой в руке. Маша неслышно вошла настроенно и молча смотрела на него, затем, не выдержав затянувшейся паузы, стала говорить, — Кто звонил? – в ее голосе появились ревнивые нотки. Коперник молчал.

– Я еще раз спрашиваю, кто звонил?

– А, что? – очнулся, наконец, он.

– Не, а и что, а кто звонил? – Маша уже стояла, держась за бока. Ее острые локти, как две пики, угрожающе торчали с двух сторон.

– Машенька, завтра ты можешь легко проверить, позвонив начальнику политотдела центра полковнику Чижикову Анатолию Васильевичу. Он тебе скажет то, что скажу я тебе сейчас.

– И что же ты мне скажешь? – не сбавляя категорического тембра ревности в голосе, стояла на своем Маша.

– Это академик Глушко Петр Семенович, он теперь гражданин Княжества Андорра. Между прочим, звал меня к себе.

– О, это очень интересно? И ты, конечно же, согласился?

– Конечно, согласился. – смеясь, ответил Коперник.

– Ах ты, предатель! – Маша сорвала с головы полотенце и стала гоняться за Коперником по комнате. Халат ее при этом распахивался, демонстрируя красивые линии и соблазнительные изгибы тела. Коперник, до крайности возбужденный этими догонялками, резко повернулся и схватил Машу в свои цепкие объятия. Они стали неистово целоваться, и скоро были уже в постели, наслаждаясь своей любовью и близостью...

Глава тринадцатая

Ученый Совет собрался в том же составе, что и был при академике Глушко Петре Семеновиче. Его последователи сидели с недовольными лицами отдельной кучкой без своего руководителя в составе шести маститых академиков. Все они после закрытия направления остались без работы и вели свои теоретические научные труды в уютной домашней обстановке. Публикации этих трудов в научных изданиях приносили неплохие дивиденды. Некоторые из них даже держали штат сотрудников и консультировали коммерческие фирмы, и банки по средствам связи в сфере банковских операций с использованием торсионных полей. Такая связь давала выигрыш во времени получения сводок котировок по ценным бумагам покупаемых и продаваемых на биржах. Для аналитической системы банка, работающей в автономном режиме, этого преимущества было достаточно, чтобы застолбить покупку или продажу того или иного векселя либо пакета акций. Принимались правильные и всегда точные решения за счет скоростей информационных систем, работающих на торсионных полях. Это приносило не малые дивиденды банку и естественно неплохие барыши ученному внедрившему этот механизм связи. Так что существование отставных академиков можно было бы назвать вполне комфортным и безбедным. Их мучило только одно, обида. Обида, накопившаяся за время отставки на Гаринова, не давала покоя и всякими правдами и не правдами им, во что бы то ни стало, хотелось помешать направлению молодого и перспективного НИИ Проблем антигравитации. Безработных академиков никто не лишал голоса, напротив они сохраняли статус члена Ученого Совета, закрепленного за ними Академией Наук пожизненно и принимали участие в каждом заседании.

Гаринов понимал, что его сторонников тоже было шесть, и его голос давал решающее преимущество. Теперь зависело все от того, чтобы все его сторонники присутствовали на Совете. Гаринов понимал так же и то, что если он изложит абсурдные доводы или отрицательные результаты, то в одночасье может лишиться и этой поддержки. Итак, Гаринов построил свой доклад, как подсказали ему его соратники и коллеги Коперник, Собинов и Кразимов. Когда он продемонстрировал взлет дисколета на стартовом двигателе, из зала полетели реплики недоброжелателей, —Вы этот самовар нам серьезно намерены предоставить для обсуждения?!

Или еще такое, —Блеф! Вас судить мало за растратирование средств на псевдонаучные исследования?

Гаринов стоически выслушивал реплики, затем, когда зал поутих, сказал, —Уважаемый Ученый Совет, я еще не до конца сделал свой доклад. Знаете, народная мудрость гласит; "Кто спешит, тот народ смешит". И этим вызвал новые уколы зала:

– Вы пока что насмешили только нас.

– Товарищи, тише, давайте до конца все же выслушаем это.

И одна реплика прозвучала оскорбительно, —Пациент принес не совсем адекватный диагноз. – Под всеобщий хохот академиков, который доносился из кучки сторонников Глушко. Гаринов подумал в сердцах: —"Надо было не слушать Коперника, а начинать с положительного результата. Хотел же, нет, выслушал и изменил доклад".

А зал гудел: —А что его слушать? По-моему, нам все ясно?

Гаринов до этого держал себя в руках, но после последней реплики со всего размаха двинул кулаком по трибуне, графин с водой, подскочив, рухнул на ковровую дорожку и вода, булькая, пролилась на ткань.

– Я требую тишины! – заорал он в зал. Академики неожиданно притихли, удивленно уставились на докладчика. Воспользовавшись минутным затишьем, генерал дал кадры сверх быстрого перемещения дисколета к облакам и мгновенного возвращения на стометровую высоту.

В зале воцарилась звенящая тишина. Через некоторое время со стороны приверженцев Глушко кто—то выкрикнул: —Хватит нас дурачить? Вы что не видите, что это банальный фотомонтаж?

Но большинство ученых, пропустив реплику, мимо ушей, стали внимательно слушать доклад, в котором Гаринов подробно изложил, как ведет себя время в аномальной зоне за диском, на сколько распространяется этот феномен и так далее. А что самое главное, пилот внутри дисколета каким-то образом остается изолированным от влияния аномалии и перегрузок. Фактически внутри кабины нет инерции. Из зала вновь последовала реплика: —А где же Закон Сохранения Энергий? Абсурд!

Гаринов возразил: —Завихрение пространства порождает аномалию, в которой время и законы материального мира протекают иначе. Мы пока не знаем, как, но это вам, товарищи, предстоит выяснить. А моя задача создать аппарат нового поколения способный перемещаться, как по воздуху, так и под водой, и в космическом пространстве.

– А сквозь стены вы не пробовали проникнуть на вашем аппарате? – не унимался все тот же голос, бросая ядовитые реплики. Гаринов стойко молчал, не реагировал на подобные замечания. Наконец взял слово Председатель Президиума Академии Наук: —Уважаемые товарищи, приступим к голосованию. Кто за то, чтобы продолжить дискуссию и доклад принять за основу к дальнейшему анализу, прошу голосовать.

Гаринов, стоя на трибуне с замиранием сердца стал наблюдать за ходом голосования. Его сторонники все подняли руки. Значит победа за ним. Но какое было удивление, когда из числа академиков, сторонников Глушко, один поднял руку "за" и Председатель Президиума тоже поднял руку "за". Значит, подавляющим большинством голосов против пятерых доклад убедил ученых в правоте экспериментов и правильном направлении исследований...

После возвращения из Москвы Гаринов уже в своем кабинете сообщил: —Итак, мы получили одобрение по всем направлениям. Новое средство передвижения будет разрабатывать конструкторское бюро создаваемое при нашем НИИ Проблем антигравитации. Возглавит это Кабэ Коперник Афанасий Петрович, он же назначается генеральным конструктором. И обращаясь к ученому, генерал спросил: —Как, Афанасий Петрович, не возражаете?

Улыбаясь новому назначению, Коперник ответил, —Приказ начальника, закон для подчиненного.

– Ну, вот и ладненько. Но это еще не все. После встречи с Президентом, который особо подчеркнул, что утвердит направление широкомасштабного производства дисколетов, если аппарат покажет все те характеристики, которые я в эйфорическом экстазе ему красочно расписал.

– И что вы Алексей Алексеевич там ему наговорили такого, что Президент выдвинул новые условия? – не сдержался Собинов.

– Имейте терпение, товарищи! – осадил его генерал, – Я сообщил, что теперь мы получили средство передвижения, которое способно перемещаться как в воздухе, так и под водой, и в космическом пространстве. Вот он то и сказал, что пока не увидит этого средства собственными глазами, указ не подпишет.

– То есть? – начал говорить Коперник, – Под водой, в воздухе и в космосе?

– Именно так. Вы правильно поняли. – Подтвердил генерал, – Так, что друзья нам дали время в течение одного года подготовить один экспериментальный и показательный экземпляр. Какие будут мнения?

– Во—первых, – начал Коперник, – это кардинально меняет конструкцию. Стартовый двигатель под водой работать не будет.

– Значит, надо обойтись без стартового двигателя? – сказал генерал.

– Я полагаю, – вмешался в разговор Кразимов, – что надо провести исследования с пространственным вихрем, что в течение трех секунд я взмыл к облакам и за эти три секунды

опустился к ста метрам. А что, если исследовать возможность регулирования этой скорости перемещения.

– И причина кроется в захвате пространства электронным винтом? – подхватил Коперник, – Я думаю, что если уменьшить время включения нижнего импульса после включения верхнего, то мы, как бы условно, резко увеличим угол атаки, ну, например, на семьдесят пять градусов.

– И тем самым затормозим движение? – подхватил Леонид.

– А если увеличим время нижнего импульса, то уменьшим угол атаки, – дополнил Собинов, – до одного двух градусов.

– И можно этот эффект использовать при старте? – поддержал его Леонид.

– И тогда конструкцию можно выполнить в полном герметическом исполнении, – стал говорить Коперник, – изолировать полностью от окружающей среды пилота в кабине.

– Таким образом, – резюмировал генерал, – мы получим дисколет как подводное, воздушное и космическое средство передвижения.

– А то, что скорость в первом экспериментальном полете была сверх высокой, говорит о том, что условный угол атаки у нас был сорок пять градусов. – Сказал Кразимов.

– Ну, скажем, мы еще не знаем, как поведут себя различные углы атаки. Ведь захват пространства углом атаки электронного винта зависит от многих факторов и от частоты импульсов, и от напряжения тока, и от силы тока, и от радиуса расположения винта относительно центра дисколета? – вмешался Коперник, – А у нас еще и базы серьезной нет. Мое мнение такое, что двух лет на подготовку опытного образца будет маловато.

– Итак, всем внимание! – стал говорить Гаринов, – На все, про все, вам Афанасий Петрович, дается шесть месяцев. За это время два экспериментальных дисколета должны быть подготовлены к испытаниям. И еще полгода в процессе испытаний будем вести доработки и устранение мелочей, чтобы можно было достойно представить проект Президенту. Задача ясна? Вопросы есть?

– У меня вопрос предложение. – Взял слово Коперник.

– Слушаю вас Афанасий Петрович?

– У вас есть лаборатория, где занимался цепной реакцией Глушко?

– Конечно, и что?

– Мы там проводили первые испытания, помните?

– Вы говорите то, что мы с вами пережили вместе? Конкретнее, пожалуйста?

– Думаю если вывести дистанционное управление, чтобы фактор изменения времени не влиял на процесс эксперимента, то можно будет найти оптимальное решение управления электронным винтом и это ускорит работу. Останется пульт управления винтом смонтировать на дисколет, за герметизировать кабину и аппарат к испытаниям готов.

– Вот видите Коперник, не зря вы носите знаменитую фамилию. Я подготовлю приказ, и еще в ваше распоряжение поступает транспортный самолет. Заказы на изготовление частей дисколета можете размещать где угодно по всей России матушке, так распорядился сам Президент.

– Но сроки? – стал, обеспокоено говорить Коперник.

– Сроки остаются прежние! – возразил генерал, – И менять их никто не будет, вам ясно? Все, можете быть свободны.

Генерал по связи вызвал Машу Зарудную, все трое выходили из кабинета, когда секретарь вошла.

– Прошу, приглашайте, кто там, на прием в порядке очередности.

– Есть! – Маша по-военному повернулась и вышла из кабинета...

На стенде успешно были отработаны режимы работы электронного винта. Коперник со своими специалистами построил уменьшенную модель дисколета, точную копию с настоя-

щими функциональными параметрами. Эту модель он намеревался испытывать для отработки режимов скоростей дисколета и испытать ее в лаборатории.

Гаринову он показал эту модель, когда все уже было подготовлено к испытанию.

– Это мой подарок вам Алексей Алексеевич ко дню вашего рождения. – Не без гордости заявил он генералу, когда они вошли в застекленный бокс лаборатории. Посреди освещенного помещения на трех телескопического типа опорах стоял диск полтора метрового диаметра.

– В масштабе один к пяти в точности выполнено до мелочей, и в кабине тоже. – объяснял Коперник.

– А эти кабеля к чему? – указывая на тянущуюся проводку к диску, спросил Гаринов.

– Радиоволны не пробивают аномалию, да мы собственно толком и не знаем еще, как ведет себя кабельная связь?

– Да, кажется, понимаю, – стал говорить Гаринов, – значит, запуск и управление будет осуществляться дистанционно?

– И да и нет. – Поспешил ответить Коперник.

– Объясните точнее?

– Я уже говорил, что непонятно поведение кабельной связи, поэтому я смонтировал и установил в кабине автопилот, он запустится от сигнала, который пройдет по кабелю. Затем будет работать автоматически. Так как мы знаем, что внутри дисколета аномалия отсутствует и это дает нам возможность установки автопилота. Он будет работать в режиме пяти минут на минимальных скоростях. Подъем и спуск полностью на автономном режиме, управляя электронным винтом. Наблюдение будет вестись вот этой камерой, вон она в углу под потолком. Такие же две камеры установлены и на модели и внутри кабины, чтобы четко отслеживать ход эксперимента. С камер дисколета будет вестись запись по методу черных ящиков. Затем мы их расшифруем и уже с учетом этого эксперимента внесем корректировку на основные модели, чтобы к концу марта, шестимесячного срока, два дисколета можно было бы испытать в естественных условиях.

Гаринов терпеливо слушал. Было видно, что к пространственным изъяснениям ученого генерал уже привык и не пытается прерывать диалог.

– Так, когда мы начнем? – задал самый главный вопрос генерал.

– Сейчас мы поднимемся к вам в кабинет и начнем. – Ответил Коперник.

– Как это? – удивился Гаринов.

– Сигнал от наружной камеры поступает в приемное устройство, которое передает изображение на ваш компьютер. Я это сделал, когда вы с пилотами отбыли в Москву с докладом. Собственно, тогда-то и начался монтаж этой вот модели. Я понял, что все этим вот и кончится, что надо торопиться.

– Так вот почему ты отпирался и не хотел ехать с нами?

– Отчасти. Я ведь не люблю, когда мне мешают и дают глупые установки и распоряжения.

Гаринов счел камень в свой огород и еле сдерживал себя от взрыва негативных эмоций, но Коперник, как ни в чем не бывало, продолжал, —Я не имею в виду нашу команду и если быть честным, то и вас тоже. Это у меня осталось еще от работы с Глушко. Он не стеснялся в выражениях и часто наезжал на меня. Я из—за него и пить—то начал водку. Бывало, придешь домой, настроение, как после инквизиторских пыток, а примешь на душу, и все как рукой снимает. А на следующий день уже эти пытки легче

переносить.

Они поднялись лифтом и вскоре были уже в приемной. Маша, увидев Коперника, улыбнулась ему. Генерал следовал мимо Маши, мельком взглянув на ожидающих приема служащих, на ходу сказал, —Машенька, объяви, пожалуйста, что сегодня приема не будет и все торжества, по-моему, шестидесяти трехлетию отмени. Все.

– Есть! – коротко ответила капитан.

Когда Гаринов вошел в свой кабинет, Коперник уже сидел за компьютером генерала, настраивая связь с приемником сигнала, находящегося глубоко под землей в лабораторном корпусе. На мониторе появилось изображение, на котором хорошо был виден диск, полностью готовый к испытаниям.

– Ждем вас, Алексей Алексеевич. – Подымаясь с кресла Гаринова и улыбаясь ему, сказал Коперник.

– Ну, так давай запуск! – скомандовал генерал.

– Есть! – коротко ответил ему ученый, набирая кнопками пароль запуска. Изображение вдруг стало рябить, сквозь рябь на экране было видно, что диск медленно стал подниматься, затем завис на высоте в метре от потолка и медленно опустился на свое место. Рябь на экране исчезла.

– Ровно пять минут. – Отрапортовал Коперник.

– Поздравляю, доктор, это действительно подарок и хороший подарок ко дню рождения.

– Ура—а! – внезапно с победными криками ввалились в кабинет Собинов и Кразимов, впереди себя они толкали раскрасневшуюся от смущения Машу Зарудную с букетом красных роз. Появившись в кабинете, Маша вдруг уверенно подошла к генералу и вручила ему букет со словами, —Мы можем только мечтать о таком руководителе, как вы Алексей Алексеевич, но нам повезло, вы наша реальность. Поздравляем!

– Ура! Ура! Ура! – все четверо, троекратным “ура” приветствовали юбиляра. Вышибив из него сентиментальную слезу.

– Сегодня к семи вечера все ко мне. И у меня будет просьба к тебе, Леонид, приведи Эльзу, я знаю пригласить по телефону ее невозможно, вот я приготовил специальное приглашение. – Он открыл папку для деловых бумаг, которая лежала на его рабочем столе и достал оттуда конверт с красивой надписью на нем: “Эльзе Эдуардовне, ПРИГЛАШЕНИЕ”, —Там открытка, пусть вскроет конверт при тебе, прочтет, и без нее не уезжай!

– Есть, товарищ генерал лейтенант! – по-военному отчеканил Кразимов.

– Ну, а теперь, друзья у меня дела. Надо разослать много писем в учреждения и НИИ по разным министерствам и ведомствам. Ведь теперь у нас будет много работы после успехов лабораторных испытаний...

Леонид, оставив друзей, ушел выполнять возложенную на него миссию генералом. Середина февраля в Н—ске, это месяц, приносящий весенние первые теплые дни, когда ночи еще с изморозью, а дни согреты теплом Казахстанского солнца. В Москве в это время года стоят трескучие морозы, либо непролазная слякоть с секущим мокрым снегопадом. Месяц февраль для столицы полон контрастов в непредсказуемом поведении погоды.

Эльза Эдуардовна встретила гостя с сияющей улыбкой. Она взяла конверт, хотела спрятать в карман передника, но Леонид запротестовал.

– Приказано, вскрыть и прочитать.

– Ну, разве только для вас, – с загадочной улыбкой Эльза Эдуардовна вскрыла конверт начала читать. Леонид не сводил с нее глаз, а выражение лица у женщины начало меняться. Дочитав до конца с изображением розовых сердечек, она вдруг густо покраснела и стараясь не смотреть в сторону Леонида, сказала ему, —Ану—ка, пошли за мной!

Леонид удивился ее тону, —“Ничего себе, никогда не замечал такой реакции за фрау Эльзой” – и покорно последовал за ней. Не успели они, после смены обуви на домашние тапочки, дойти до двери спальни, как дверь с быстротой молнии отворилась, и с диким визгом оттуда набросились на него две Анны, —Ага, попался! Ну, мы тебя не отпустим просто так! – они уже были слегка под домашним виноградным вином. Искристая радость была ключом от счастливых жен и схватив Леонида за руки, они втащили его в комнату. У окна стоял накрытый стол с яствами и графин с домашним виноградным вином.

– Ану—ка садись и рассказывай, чем вы тут без нас занимались все это время? – начала говорить Аня, – А я в свою очереди скажу, что Димочку я оставила на попечение Насти, помнишь свидетельницу. Так вот у нее родилась девочка уже, как и нашему Димочке три стукнет через месяц.

– Аннушка, ну ты и молодец? – а сам в уме прикинул, когда же это Варя успела, от бедняги Валентин Гаринов, похоже женился на беременной и невесть от кого ребенок? Да по рассказам Ани он безумно счастлив с Варей, и она кажется тоже. Тут рассуждения Кразимова о семейном бытие прервала Эльза Эдуардовна, —Это мне позвонил на кануне Алексей и попросил приютить на время девушек. Вот я и приютила.

– Леня, Петюне не сообщай, я ему сюрприз хочу сделать. – попросила Собинова.

– А, что, я уже ухожу? – шутливо ответил Леонид, – У меня миссия другая. – Перевел взгляд на хозяйку дома, – Мне приказано без вас Эльза Эдуардовна не возвращаться!

– Да не хочу я по гостям ходить. – Отнекивалась Эльза Эдуардовна. Леонид вдруг понял, что так сходу ничего у него не выйдет. Видимо генерал настроил что—то сильно сентиментальное, что бедная женщина не может еще окончательно придти в себя. Тогда Кразимов пошел на хитрость, —Тут такое дело, у него торжество, а помочь накрыть стол некому. Знаете, Эльза Эдуардовна, он мог бы заказать сервис с ресторана, все бы привезли и накрыли, но человеку в его то годы хочется домашней привычной обстановки. Женщины, поддерживая уговоры Леонида, дружно закивали головами, Аня даже сказала, —А правда, Эльза Эдуардовна, мы бы сами пришли на помощь, но Алексей Алексеевич, строго настрого нас предупредил, что это сюрприз для Петра приезд Анны и мой для Лени. – Она перевела взгляд на мужа, – Петру ни слова. Только вечером с Анной завалимся с подарками.

– А, правда, что вы Эльза Эдуардовна подарите крестному Димочки?

– Я вот вышивку делала длинными одинокими вечерами. – Она ушла в свою комнату, затем вернулась с вышитым портретом Гаринова. Где он был изображен в генеральском мундире и почему-то с двумя золотыми звездами Героя России на груди. Леонид взглянул на портрет с поразительной схожестью вышитый на полотняной ткани разноцветными нитками.

– Пусть ему присвоят эти две звезды Героя, он этого заслуживает. – Сказала женщина.

– Эльза Эдуардовна, после такой искусной вышивки надо немедленно собираться и в путь, ведь он там ждет, и я выполню приказ. Ведь я не пешком. Служебная машина вон у забора дожидается.

– Ну, хорошо, хорошо. Сейчас соберусь. Вы пока угощайте Леонида. – Сказала она женщинам и вышла. Леонида долго уговаривать не пришлось. Он уселся за стол и взял наполненный стакан с вином и со словами, —Девушки, я так рад вашему приезду, вы не представляете?

– Подожди, мы нальем и себе. – Сказала Анна Собинова, наполняя стаканы себе и Ане. Все взяли наполненные стаканы в руки и громко почокались. Анна и Леонид выпили вино до дна, Аня лишь пригубила, не стала пить, сказала, —Там у вас появился вундеркинд.

– А, это ты о Копернике? – уточнил Леонид.

– Нужен нам твой Коперник, вмешалась Собинова, – нас интересует его пассия, некая Зарудницкая.

– Очень интересная девушка, только фамилия у нее Зарудная, – уточнил на свою беду Леонид. Аня сверкнула взглядом разъяренной тигрицы, ревнующей своего тигра.

– Да я о том, что она так ухватилась за этим гением, что мазохисты дети по сравнению с ее методами.

– Ого, да ты нам целого Цербера, какого-то рисуешь? – сказала Анна.

– Да нет, не Цербера, а поразительно, как они подходят друг для друга. Копернику она очень нравится, а он ей, это видно даже не вооруженным взглядом, сами увидите.

– Да знаете, что я вам скажу, – вмешалась Аня, – ученые это люди в большинстве своем, со странностями. Вот у нас в университете есть один профессор. Дожил старикан до преклонного возраста, до шестидесяти лет, и, что вы себе думаете?

– А, что? – заинтересовался Леонид.

– Пришла на первый курс платного отделения одна девица, вся намалеванная, ей было уже двадцать три, как мне сейчас. На учебу она заработала себе, Бог знает, чем, ну я думаю не трудно догадаться чем. А этот профессор прожил всю жизнь одиноким холостяком, и наша Элеонора вцепилась в него, как клещ осиноный в дойную корову. Смотрю, уже он возит ее в своей служебной машине, весь студенческий народ был в шоке, когда они поженились. А еще, когда она стала ходить, беременна и родила ему негритенка. И что вы думаете, он усыновил его, и говорит, что в роду его предки были Негроидной расы, как у Михаила Сергеевича Пушкина. Леонид и Анна вдруг дружно покатались со смеху. Аня недоуменно захлопала глазами, —Вы чё? Вы чё хохочете? – ее красивые глаза были полны удивительной прелести и излучали такое по-детски наивное удивление, что Леонид таял от чувственного блаженства, как воск на теплом весеннем солнышке. И все же поправил жену, —Александром звали, когда—то Пушкина.

– Боже мой, какая ошибка, – слегка даже обиделась Аня, – можно подумать, умники?

Но все это закончилось веселым и дружным хохотом.

– Над чем смеемся, господа? – вошла Эльза Эдуардовна в комнату нарядная, приветливо улыбаясь.

– Ну, нам пора. – Вскочив со своего места, сказал Леонид, – Девчонки, до вечера.

– Ты смотри там не проболтайся? – напутственно сказала ему Анна вдогонку.

– Не бойсь? Ответил Кразимов и вышел следом за хозяйкой дома. Женщины остались одни, и даже в уютном коридорчике слышался их веселый жизнерадостный смех.

Эльза Эдуардовна сказала Леониду, когда он возился с обувью, надевая туфли вместо домашних тапочек, —Вон корзина стоит в углу, – Леонид взглянул на прикрытую белым полотенцем корзину с плетеной ручкой, – возьмите ее Леонид, а-то она для меня тяжелая.

Справившись с обувью, Кразимов подхватил корзину, и они вышли из дома...

Глава четырнадцатая

В машине Эльза Эдуардовна начала говорить о своих кулинарных наклонностях. — Сегодня я Алеше хочу приготовить кролика.

– А можно узнать рецепт? – спросил заинтригованный Леонид.

– Конечно, Леня. Я, когда выходила замуж в свои девятнадцать лет, у меня ведь разница с мужем была такая, как у вас, тринадцать лет, и совсем не умела готовить, он меня всему научил, кстати, и этот рецепт. Так вот, кролик должен быть выращен на зеленой травке, то есть весеннего приплода. За лето к осени он вырастет и наберет мясной массы довольно упитанной и, что самое важное это мясо будет хороших вкусовых качеств.

– А как быть, когда я не могу вырастить кролика? – спросил вконец заинтригованный Кразимов.

– Ну, у вас с Аней теперь есть тетушка Эльза. – Смеясь, заговорила ласковым голосом женщина, – Ну, так слушай дальше. Затем заготовки лучше производить в конце сентября, когда кролик нагулял хороших запасов мяса на зиму. Но, конечно, когда вот в нашем случае, то лучше для февральского кролика, кормить надо овсом, чередуя сено, тогда получается особый вкус мяса, напоминающий куриную грудку, но намного, намного вкуснее. Сейчас я везу Алексею именно такую тушку, выращенного весеннего приплода. У меня там за домом хорошие клетки, добротные, еще мой Фердик делал.

– Скажите, а почему вы не уезжаете к сыну? – неожиданно и не уместно спросил Леонид. Эльза Эдуардовна нахмурилась и умолкла. Она отвернулась от Леонида и стала делать вид, что ее интересуют мелькающие за окном виды Н—ска. Леонид понял, что сделал непоправимую ошибку, растеребив нечто, что не должно было быть услышанным для постороннего слуха. Что бы как—то исправить ситуацию, он вернулся к теме кролика.

– Эльза Эдуардовна, вы обещали досказать мне рецепт.

– Ах, да, – ухватившись за спасительную тему в разговоре, женщина вернулась к рецепту, – Итак, кролик выбран, как я уже сказала, это должен быть из весеннего приплода. Итак, надо правильно его забить, чтобы животное не мучилось долго и мясо при этом не пострадало. Кролик берут за задние лапки левой рукой так, чтобы уши его повисли к земле. Затем наносят очень сильный и точный удар по темени деревянным чурбаном. Это мгновенно перебивает ему шейные позвонки и артерию и сразу же убивает животное. Из перебитой артерии через его носик и рот должна стечь кровь. Крови должно стечь как можно больше, чтобы запекаясь кровь, ее остатки в мясе не отразились на вкусовых качествах. Если кровь не стечет в достаточном количестве и, как следует, то мясо будет немного отдавать привкусом рыбы. Итак, кролик забит и кровь слита. Теперь с тушки надо снять шкуру. Для этого протыкают на концах задних лапок дырки, это делается острым ножом, в них вставляется деревянная распорка. Подвешивается на веревках за задние лапки тушка на удобную ветку в саду. Затем, сделав круговые надрезы на задних лапках, снимают шкуру, помогая острым ножом в местах, где необходимо. Сняв шкуру, ее растягивают на специальном деревянном станке, который заблаговременно сооружают в виде буквы "А". На этом станке закрепленная шкура высохнет, затем ее можно будет выделывать и пошить полушубок, если таких выделанных шкурок наберется достаточное количество.

Леонида от таких живодёрных рассказов слегка стало подташнивать, но делая вид, что он крайне заинтересован, продолжал внимательно слушать. Эльза Эдуардовна тем временем продолжала.

– Затем разделяется тушка. Выбрасываются Кишки и желудок, из печени аккуратно, чтобы не разлить, удаляется желчный пузырь. Отрезается голова, задние и передние концы лапок. Все это закапывается в ямке, чтобы не привлекать бродячих собак. Далее тушка рас-

членяется на части и вымачивается в уксусе. Это необходимо, чтобы придать мясу во время готовки рассыпчатый и приятный вкус. Всю ночь мясо кролика вымачивается в уксусе, примерно одна столовая ложка уксуса на два литра воды. Утром, перед готовкой, необходимо уксус слить и за три часа до этого, необходимо выдержать мясо в одном литре хорошего терпкого домашнего виноградного вина. И вот тогда-то и приступают к готовке.

Леонид подумал, – “Лучше бы она с этого места начинала свой рассказ”. А Эльза Эдуардовна продолжала, —Затем кролик вынимается из вина и прожаривается на сковородке с обеих сторон, предварительно подсолвив мясо, конечно, прожаривается на постном масле. Потом прожаренное мясо складывается в гусятницу и туда добавляется перец, лук кольцами и немного воды, тушим сорок пять минут. После этого, добавляем остатки того вина, где вымачивалась тушка, кидаем туда сельдерей, кинзу, лавровый лист и продолжаем тушить еще сорок пять минут, следя за тем, чтобы влага не выкипела из гусятницы, если это случается, добавляем немного воды. Получается мягкое ароматное и полезное блюдо. Машина подъехала к контрольно пропускному пункту центра реабилитации. Подошедший к ним солдат спросил у водителя пропуск. Но, появившейся из сторожки майор дал отмашку. И машина въехала на территорию. Остановившись у резиденции Гаринова. На крыльце их встретили Маша Зарудная и Петр.

– Генерал у себя, дожидается. – Сказала Маша, – Я вас проведу.

Леонид с корзиной последовал за Машей, Эльзой Эдуардовной и Петром на второй этаж, где были апартаменты генерала. Алексей Алексеевич встретил Эльзу Эдуардовну с сияющей улыбкой и расцеловал ее в обе щеки. Она посмотрела на Гаринова, покраснела и сказала, — Алексей я желаю тебе всего того, чего желают в такие дни хорошим людям, и вот прими от меня этот скромный подарок на долгую память. – Она вынула из корзины сверток и сунула ему в руки.

– Ану ка посмотрим, Эльзочка, что тут? – он развернул свой портрет, стал разглядывать его, восхищаясь работой и мастерством, – Ты просто талант! Это же просто произведение искусства.

– Алеша, не льсти мне, лучше покажи мне, где тут у тебя кухня, я займусь истинным искусством. Я накрою тебе такой стол, что все обзавидуются, вот увидишь.

– Машенька проведи Эльзу Эдуардовну.

– Идемте, тетушка Эльза. – Зарудная увела гостью.

– Петр, а где же наш гений? – спросил Леонид.

– В лаборатории, копается с черным ящиком.

– Нашел время?

– Что ты будешь с ним делать, трудоголик.

У Гаринова внезапно зазвенел мобильный телефон.

– Да, Гаринов у телефона.

– Это Коперник из лаборатории, я расшифровал черный ящик. Интересные довольно-таки результаты получаются.

– Афанасий Петрович, я же тебя неоднократно предупреждал, мне нужна конкретика, а не научно—популярные лекции для юных техников. Тебе ясно? – жестко, почти в приказном тоне завершил диалог генерал.

– Алексей Алексеевич, извините за назойливость, но конкретика уже на вашем мониторе томится, можете взглянуть, если вы у себя?

– Нет, я не у себя, вернее у себя, но наверху. Тьфу ты, Афанасий, ты меня совсем запутал. Короче, это приказ, немедленно поднимайся ко мне. Мы готовимся к вечеру в кругу самих близких мне людей. А все прочее завтра.

– Как приятно слышать от вас эти слова?

– Да, и сегодня я разрешаю, надо выпить. Не только за мой день рождения, но и еще по одному поводу, по какому я сообщу на торжестве.

– Есть, товарищ генерал, подымаюсь уже! – завершил Коперник разговор.

Мужчины во главе с генералом стали раскладывать раздвижной стол в просторной гостиничной комнате. Над столом по середине комнаты на потолке висела большая и красивая хрустальная люстра с двенадцатью электрическими лампочками, в обрамлении хрустальных висюлек различной формы и огранки. В ночное время от этой люстры исходило много света. А сейчас в это дневное время, а было уже около шестнадцати часов по полудни, свет проникал сквозь два широких окна, между которыми была дверь на балкон. С этого балкона открывался прекрасный вид на парк реабилитационного центра и каждый гость, кто побывал на этом балконе, ощущал присутствие какого-то эффекта парения над кустами, росшими внизу у подножия деревьев и над кронами деревьев и парком. В этот солнечный февральский день, деревья парка стояли с голыми ветками, которые приветливо колыхались, как крючковатые лапы причудливых химер. Уже в парке пахло весенней свежестью, но почки на деревьях еще не набухли. Значит, еще держатся ночные заморозки, еще цепляется зимняя прохлада за тенистые и сырые кустарники и кочки зеленых трав. В комнате под этими окнами с выходом на балкон стояли стулья, какого-то старинного гарнитура с красными мягкими сидениями и спинками, и красивыми кривыми ножками. Мужчины закончили устанавливать стол со сверкающей полировкой красного дерева, когда в комнату в белом халате влетел Коперник. Полы его лабораторного халата развивались, как крылья, которые, казалось, внесли его на себе сюда.

– Вы только посмотрите? – сходу начал говорить ученый, указывая на стулья, – ровно двенадцать штук. – И обратившись к генералу добавил, – Вам, Алексей Алексеевич, сам Киса Воробьянинов их одолжил или как?

– Судя по твоему сарказму, можно кричать ура. Опыт прошел на все сто? – серьезно спросил Гаринов.

– Более того? Мы получили уникальные данные и теперь можем достигать любого замедления скорости, равно, как и с практического нуля мгновенно достигать сверх световой скорости. И при этом, учтите, и при этом никакой инерции и пульт управления у меня практически уже готов.

– То есть? – спросил Кразимов, – Как готов? И можно посмотреть потрогать?

– Ну не совсем, я знаю, как это в максимально сжатые сроки смонтировать для управления генератором импульсов электронного винта дисколета. При этом, генерируя скорость практически любую, как я уже сказал даже с нуля и сразу мгновенно сверх световая.

– Фантастика? – вмешался Собинов, – Если бы я не был свидетелем твоего полета, Леня, в жизнь бы не поверил.

– Друзья, давайте хоть на вечер забудем о работе. – Заговорил генерал, – Давайте сегодня от души и от сердца расслабимся и уйдем в нирвану, как говорят индийские йоги.

У генерала явно было лирическое настроение. Не похоже было, что он расстроен датой в шестьдесят три, как многие его одноклассники пенсионеры и еще служащие генералы, чувствующие себя в эти годы глубокими стариками. Но не Гаринов. Его полная фигура никак не подходила к худобе индийского йога, который и в 74 года мог сделать комплекс гимнастических упражнений, демонстрируя чудеса гибкости. Но внутренний мир Алексея Алексеевича был богат идеями, которые он умел воплощать в жизнь, или говоря языком йоги материализовать реальность.

– А сейчас мы расставим напитки, – продолжал руководить генерал, – за мной, товарищи. – И он увлек всех за собой в свой кабинет. Там стояли возле секретера и на журнальном столике картонные ящики с винами и коньяками.

– Каждый берет по ящичку и наверх!

Ящиков оказалось ровно четыре, в каждом по 8 бутылок. Леонид подумал: — «Ничего себе, мы же столько не выпьем».

И словно, читая мысли Кразимова, Гаринов ответил, — «Это на будущее. Эти подарки я получил из Франции от Мишеля. Очень дорогие и редкие коллекционные вина, и коньяки. Они там стоят тысячи евро, это куплено все на закрытом аукционе для гурманов, истинных ценителей королевских напитков».

– Коими теперь являемся мы. – Заключил несдержанный Коперник.

– Можешь не сомневаться в этом, – подхватил Гаринов, – с твоими мозгами да с моими пробивными способностями мы через год будем строить базы на Луне и будем возить туда экскурсии туристов нашими дисколетами. – Восхищенно говорил генерал, при этом хитро улыбаясь.

– Ну, на пенсию, вам Алексей Алексеевич, еще далеко, чтобы мечтать о свечном заводе, то бишь о туристическом агентстве? – подхватил Коперник.

– Ну, сдаюсь, сдаюсь. Да я купил этот гарнитур двенадцать стульев под впечатлением прочитанной книги «Двенадцать стульев». В одном из антикварных магазинов Москвы. Изъеденный древесным короедом он сиротливо пылился там под вывеской «Гарнитур княжны Апраксиной работы Французского мастера времен Императора Наполеона». Я его купил за бесценок. Вы не поверите за сто долларов. Хозяин лавки сказал, что хотел его уже выбросить. – Устанавливая ящики на балконе, где было еще прохладно, Гаринов продолжал, – А вот за реставрацию я заплатил пять тысяч долларов. Чувствуете разницу?

– Да – а. – Удивленно протянул Леонид.

– А скажите Алексей Алексеевич, ну зачем вам это, ведь наш Российский гарнитур не хуже и дешевле раз в пять? – вмешался в разговор Собинов.

– Дань искусству старинных мастеров. – Отшучивался Гаринов, – Это, как хобби, или, как бальзам на душу? Ведь этот гарнитур прожил свою жизнь и был выброшен почти на свалку, а сейчас. Вы только посмотрите, да от него веет спокойствием и размеренностью той жизни русской мещанской семьи знатного происхождения. Обладая этим гарнитуром, чувствуешь в себе некую непреодолимую силу, индивидуальность и уверенность в собственной правоте, которая не раз и не два, согласитесь со мной, спасала наши начинания и подвигала на верные решения.

И генерал был, конечно, отчасти прав. Но не в гарнитуре тут дело, а в самом характере Гаринова. В его настойчивости и умении держать удар, в умении убедить окружающих в своей правоте. Вовремя предоставить неоспоримые факты убеждения.

– Так что, товарищи, быстренько разобрали стульчики от окон и к столу. Мы сегодня будем торжественно восседать на них, и говорить друг другу только хорошее, и расточать комплименты нашим любимым и дорогим женщинам.

– «Тут только Гаринов и одинок, а мы все с нашей, как говорится, второй половинкой». — не без чувства удовольствия, что Аня здесь, подумал Гаринов и с хитрецей взглянул на полные грустные уныния Собинова. Петр, заметив его взгляд, едко заметил: — «А ты чего жмуришься, как кот на печке, а, жены наши в Москве мы тут, один Коперник, как новая копейка, сверкает тридцатью двумя лошадиными силами».

– Если быть точнее, жеребьчьим ржанием. – Продолжая довольно улыбаться, ответил Леонид.

– Это кто тут тяговая лошадь? – не на шутку в свой адрес, отреагировал Коперник, – Сами вы жеребцы строевые, я лошадка гражданская. – Представляя, как будет целовать обожаемую Машу, почти нежно, ответил Коперник, делая ударение на слове «гражданская».

Леонид снова взглянул на Собинова. Его грустная физиономия напомнила Леониду персонаж из старинного мультика про Вини Пуха: — «Как ослик Иа, такой же поникший и грустный».

Но все вдруг резко изменилось. С визгом и с веселым хохотом ввалились в комнату Анна и Аня. Собинова бросилась к мужу, зажигая его искристой радостью, как огни на новогодней елке. Аня вела себя скромнее, так как с Леной они уже виделись. Петр понял это и укоризненно высказался в адрес Леонида, —А ведь знал же?

– Это я просил не говорить, сделать тебе и Лене сюрприз! – поспешил разрядить обстановку Гаринов. У Собинова отлегло от сердца, и он от души был рад приезду Анны. В комнате воцарилась теплая семейная атмосфера. Все были счастливы и заняты подготовкой торжества...

Когда восемь стульев были аккуратно расставлены вокруг стола, мужчины принялись расставлять хрустальные рюмки и бокалы для вина. Затем Гаринов достал из посудного шкафа стопку тарелок на стол. Женщины в это время колдовали с продуктами на кухне, там всем кухонным хозяйством заправляла Эльза Эдуардовна. И Гаринов был спокоен, так как знал, что порядок там будет отменный. Когда посуда, рюмки и вилки, ложки и ножи, были разложены, Гаринов достал из шкафа бутылку необычной формы и поставил ее на середину стола, сказав при этом, —Это вино из погребов французских королей. Ему уже триста лет. Этим вином, когда—то наградил дедушку Мишеля сам президент Франции, вручая три бутылки вместе с Орденом Почетного легиона, вот одна из этих трех бутылок. Я берег ее для самого торжественного случая. Я объявлю, когда все соберутся за этим столом.

Кразимов, Собинов и Коперник с неприятными мыслями стали поправлять посуду на столе, думая о том, что их генерал собрался на пенсию и, что теперь будет с ними с их работой и со всеми начинаниями? Да не вовремя затеял Гаринов свой уход. Настроение у всех пропало, один Гаринов сиял и был, казалось на седьмом небе. Женщины не могли читать мыслей мужчин и веселье на кухне било ключом, что чувствовалось в веселом смехе женщин. Собинов подумал про себя, —"Анна снова свои анекдоты травит, вот уж мастер".

И вскоре оттуда из кухни стали выходить с блюдами веселые женщины, расставляя яства возле тарелок. Когда все было расставлено, последней из кухни вышла Эльза Эдуардовна с большим блюдом, в котором были приготовлены ароматные ломтики кролика, инкрустированные вокруг зеленью. Блюдо было необычайно красиво выполнено и пахло изысканными пряностями, придавая накрытому столу, законченный со вкусом накрытый натюрморт. И как выуженная из дна морского, посреди стола стояла грязного вида полтора литровая бутылка с запечатанной сургучом пробкой. Когда все расселись и Гаринов, обращаясь к гостям, сказал, – У меня, мои дорогие, сегодня двойной праздник. Первый, вы знаете какой, а вот второй? – он интригуяще обвел всех умиленным взглядом, и продолжил, – Ленья, я попрошу тебя, откупорь, пожалуйста, это вино, и когда бокалы украсит этот божественный напиток с королевских погребов, я объявлю второе торжество.

Кразимов принялся открывать бутылку, а Собинов не сдержался и стал уныло говорить, – Алексей Алексеевич, вы же знаете, что мы вас не отпустим, вам еще рано уходить на пенсию?

На что Гаринов со свойственной ему улыбкой отвечал, —Дорогой Петр, то, что я никоим образом не уйду на пенсию, понятно и ежу, а вот тебе, опытнейшему пилоту и командиру делать такие заявления, по—моему, не серьезно, согласишься со мной?

– Так не тяните, вы, что не знаете, что вы для нас, как отец родной и мать, вместе взятые, а напустили тут таинственности, что мы уже стали думать такое, что и в страшном сне не приснится. – Закончил свою тираду Собинов. Все облегченно вздохнули, но были заинтригованы таинственным заявлением Гаринова и с нетерпением ждали, когда, наконец, Леонид откупорит старинное вино. Кразимову это, скоро, удалось, и он принялся разливать рубиновый цвет ароматного напитка по фужерам женщинам. Гаринов же разлил мужчинам коньяк тридцати летней выдержки.

– Итак, друзья, вот и настал этот торжественный момент в моей жизни. Так вот я хочу, чтобы вы все, кто здесь присутствует, были свидетелями того, что я сейчас буду говорить. – Он сделал паузу, испытывая терпение гостей и продолжил, – Дорогая Эльза я прошу твоей руки?

Эльза Эдуардовна вдруг покраснела, затем спрятала лицо в ладони, повернулась и убежала на кухню, Гаринов бросился за ней следом. А гости в недоумении поднялись со своих мест, один Леонид нашелся, он поднял рюмку с коньяком и тихо сказал, —Друзья! Ура! – все его поддержали и тихое троекратное, – Ура! Ура! Ура! – вперемешку со звоном бокалов и рюмок, прозвучало в комнате, наполняя ее пространство праздной атмосферой веселья и счастья. Юбиляр и Эльза Эдуардовна задерживались на кухне и не выходили, поэтому было принято решение пройти и посмотреть, что они там делают? Когда Собинов и Кразимов прокрались туда, то перед ними возникла картина целующейся пары. Тихо на цыпочках они обратились обратно за стол и с поднятыми кверху пальцами, означающими "Окей! ", стали разливать вино в пустые бокалы и рюмки. Все сидели тихо в ожидании пары из кухни. Вскоре пара появилась. Эльза Эдуардовна, как ни в чем не бывало, уселась на свое место, а Гаринов, заняв свое место за столом начал говорить, подняв свой бокал, —Итак, мое предложение принято! Теперь мы с Эльзочкой обсудим вместе нашу регистрацию брака после торжества. А вы все будете почетными гостями на нашей свадьбе, которая состоится я, думаю в ближайшее время...

Спустя некоторое время, Эльза Эдуардовна переехала в резиденцию Гаринова. Генерала в эти дни не узнать. Цветущий и счастливый, помолодевший лет на двадцать светился радостью и щедрой улыбочкой. Некоторые сослуживцы, приезжавшие из регионов по служебным делам, с трудом узнавали в нем прежнего генерал лейтенанта Гаринова и крайне удивлялись тому, что старый служака женится, да еще и на молодой вдове. Возраст пятидесятилетней Эльзы Эдуардовны никто из них не хотел брать в расчет, все отталкивались от возраста шестидесяти трех летнего генерала. Но генералу было глубоко на это не обращать внимания, он себе жил с Эльзой Эдуардовной супружеской полноценной жизнью, мечтая от нее получить в подарок ребенка. Виновата в этом была Анна Собинова. Как—то в приватной беседе с генералом на кухне она обмолвилась, что де англичанки в порядке вещей считают своим долгом рожать детей в возрасте под сорок, а то и в пятьдесят. Конечно, Гаринов пропустил это мимо ушей, пока не сделал предложение Эльзе, и вот теперь эта мысль стала сверлить его сознание. Потеряв так рано сына, и жену ему вдруг захотелось возродить полноценную семью особенно сына. И эта мысль не покидала его ни днем, ни ночью, став навязчивым кошмаром для Эльзы. И Эльза Эдуардовна однажды сказала ему, —Алеша, давай уж решим раз и навсегда, что скажет врач. Если я еще могу рожать, то почему бы и нет?

Безмерно обрадовав Гаринова таким решением, они решились на обследование Эльзы, и Гаринов отвез ее в лучшую клинику военного госпиталя для высших армейских чинов...

Тем временем работы по доведению дисколетов до экспериментальных испытаний шли полным ходом. Под непосредственным патронажем Президента заказы, которые рассылал Коперник на военные заводы, выполнялись беспрепятственно, не срывая ни одного срока. И к концу марта два дисколета, поблескивая дюралевой обшивкой, стояли в просторном ангаре космодрома полностью подготовленными к испытаниям. Аппараты поражали своим изяществом и необычной формой. Обслуживающий персонал, привыкший видеть перед собой громоздкие конструкции космических кораблей с массивами защитных функций жизнеобеспечения космонавтов, которые несли в себе эти махины, не уставал удивляться этому. И никому из специалистов не верилось, что тонкие стенки дисколета могут обеспечить защиту пилота от трения об атмосферу планеты и от космической радиации, с которой космонавтам придется сталкиваться, повсеместно пребывая в космосе. Коперник устал объяснять всем и каждому из любопытствующих, что свойство пространственного вихря влиять на фактор времени является идеальной защитой от всех неприятностей, которые несет космонавту космос,

а в случае его выхода в открытый космос то космонавта надежно защитит скафандр. Гаринов вынужден был особым приказом оградить экскурсии обслуживающего персонала космодрома от посещения ангара, поставив там контрольно пропускной пункт и военную охрану. Хождения прекратились, и работать Копернику и его команде стало комфортнее...

Испытания назначил Гаринов на 29 марта. И снова пилотом номер один выбран Леонид Кразимов. Облаченный в космический скафандр он стоял рядом с генералом Коперником и Петром Собиновым. Гаринов давал последние инструкции, —Помни, твоя задача достичь Атлантического океана, погрузится в него. Поскольку работающий электронный винт дает стабильный пространственный вихрь, то давление воды никоим образом не должно воздействовать на обшивку дисколета. Затем пройдешь глубины. Внимательно прочувствуй, как реагирует скорость и вся конструкция дисколета на перемещение в различных глубинах океана. Затем на максимальной скорости уходи в космическое пространство. Если сможешь, то попробуй достичь Луны. Сядь на ее поверхность, осмотрись там. Затем домой. Вот тогда-то у нас будет стопроцентная победа. Ну, сынок, с Богом! – Гаринов обнял Леонида, потрепал его по спине.

– Давай, друг! – Собинов дождался своей очереди, прижал его к себе, – Помни, я всегда на твоей страховке. В любую минуту дня и ночи, помни это и ничего не бойся.

– Ты ли мне это говоришь? – сказал Кразимов, – Береги лучше нервы наших жен.

– Как договорились! – ответил Собинов.

– А я постараюсь, чтобы в прессу ничего не попало, – вмешался Коперник, – И еще, Леонид в случае чрезвычайной ситуации, где бы она не произошла, оставишь маячок, будем знать, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Если маячка нет, значит с тобой все в порядке, и ты объявишься, так ведь, Алексей Алексеевич?

– Так-то так, а вот один вопрос, Афанасий Петрович, мы все же не сделали?

– А, что я могу, если на лазерное оружие у нас не хватило ни времени, ни результатов исследований. Чтобы разработать его компоненты нужно немало времени. А вот установить на дисколет конструктивное воплощение этого оружия не проблема. Но его у нас нет. И, кроме того, товарищ генерал, я не оружейник, моя задача дисколет.

– Афанасий Петрович, было бы вооружение, установил бы. Эта программа на контроле у Президента. – Заключил генерал.

– Я не возражаю, давайте вооружение, установим? – подраживая генерала, парировал Коперник.

– Ну, не кипятись, сейчас не время. – Гаринов взглянул на часы, – С Богом, Леня.

Кразимов со шлемом в руках, неуклюже, вразвалочку, двинулся к дисколету, который выкатили из ангара техники. Когда он стал взбираться по лесенке в дисколет, Гаринов скомандовал, —Всем в укрытие!

Собинов, Коперник и Гаринов уселись в черную служебную волгу, и машина укатила. Техники укрылись в наблюдательном пункте возле ангара. Он был оборудован в самолетном коммоне ПВО.

Леонид занял место под прозрачным куполом в кабине дисколета. Убрав лестницу, загерметизировал стыки. Приступил к минутной готовности по команде Гаринова. Леонид стал мысленно проигрывать свой старт. Как включить и выдерживать маршевую скорость полета. Скорость набора высоты, как установить наибольший угол атаки электронного винта, меняя частоту импульса генератора, чтобы зависнуть в пространстве. Проигрывая манипуляции с режимами скоростей, настраивался постепенно на полет и на выполнение маршрута полета, намеченного в ходе обсуждения испытаний с командой и утвержденного генералом. Внезапно в наушниках шлемофона послышался голос Гаринова, —Начинаю отсчет; девять, восемь, сем... – на слове "нуль", Гаринов скомандовал, – Старт!

Леонид ответил, —Есть старт! – и запустил генератор импульса. Затем ручкой “газа” стал менять частоту нижнего импульса, увеличивая угол атаки электронного винта от “0” до “1—2” градусов. Дисколет качнулся и медленно стал взмывать вертикально вверх. Леонид невольно взглянул вверх. Там на фоне голубого неба белели два небольших облака. Ему вдруг захотелось сбросить скафандр, чтобы вместо громоздкого одеяния полнее ощутить свободу полета. Но, вспомнив, что это испытательный и очень ответственный полетный маршрут, который надо пройти без сучка и задоринки, он переключился на его выполнение. Определив направление полета, увеличил скорость, и земля внизу на молниеносной скорости замелькала, превращаясь на сплошной ковер из цветной гаммы схожей на цветную картину из разноцветных лоскутов. Он уменьшил скорость. Дисколет так же внезапно замер в пространстве над зеленью крон из лесных массивов тропического леса, —“Похоже на соседний с Атлантикой тропический пояс”, – подумалось ему. Он еще не совсем свыкся с ощущением огромных скоростей, который может давать дисколет. Не переставая восхищаться и удивляться этому удивительному ощущению полета. Все в этой машине было необычно. И скорость и форма, и отсутствие ощущения перегрузок. Включив небольшую маршевую скорость, направил дисколет в сторону предполагаемого океана. Внизу плыли зеленые верхушки джунглей, это подстегивало увеличить движение к океану. И снова, бешено замелькали краски. И лишь, когда синева воды возникла внезапно вместо цветной гаммы, он остановил скорость полета, зависнув на высоте над волнами бескрайнего простора воды. Леонид не смог точно определить, когда он очутился среди водных просторов. Но на размышления по этому поводу времени было в обрез. Надо двигаться дальше, а дальше в океанскую глубину. И меняя угол атаки винта, дисколет ушел под воду. Темная ночь мгновенно укрыла прозрачность колпака. Это побудило Леонида приостановить погружение. Медленно, меняя направление движения, он стал выходить из глубины, направляя аппарат к поверхности. Над колпаком появилась стайка любопытных рыбешек, увидев скафандр пилота, они шарахнулись в сторону, очевидно, приняв его за громадного хищника. В кабине стало светлеть. Он изменил ручкой управления поднятие вверх. И поразмыслив, направил дисколет вперед, чтобы выяснить поведение аппарата в воде. Меняя скорости и направление движения, пытался ощутить хоть какое-то сопротивление океанской стихии, но все напрасно, пространственный вихрь исключал всякое сопротивление внешней среды. Он наблюдал, как за прозрачным колпаком кабины бежал бурный поток, сея за собой туманную рябь из пузырьков воздуха. Однообразие движения в воде стало надоедать своей однородностью. Решено взмыть из глубин в высь. Дисколет управляемый твердой рукой Кразимова, вылетел из воды, вызвав испуганный крик чаек. И этот взлет был сделан вовремя, так как на бешеной скорости впереди дисколета стремительно надвигался..... скалистый остров. Еще мгновение и от дисколета и его пилота не осталось бы и следа. Крапинки холодного пота выступили на лбу. Рука непроизвольно потянулась к лицу. Леонид хотел смахнуть пот со лба, но тяжелая перчатка лишь скользнула по шлему скафандра. Следующим этапом стало космическое пространство. Туда направил свой дисколет Кразимов. И лишь спустя одно мгновение он увидел Землю и звезды. Снова необыкновенные ощущения полета стали возникать в сознании, возбуждая приятное любопытство и жажду продолжения эксперимента. Но за долгие годы космических полетов у него выработалась высокая степень контроля над происходящим. В памяти часто в экстремальных случаях возникали пережитые мгновения его скитаний в когтях Двуликого мира и совсем недавнее путешествие в доисторический мир Земли. Где ему довелось столкнуться с катаклизмом, возникшим при захвате Землей Луны. Сейчас же в эти минуты мгновенного перемещения в космическое пространство настораживало. И будь он новичком, испугало бы, лишив всякой возможности адекватно оценивать происходящее. Леонид был уверен в своих действиях, и глубокая вера в надежность аппарата толкали его на новые исследования и продолжение полета. Вдруг в голову пришла неожиданная мысль: — “А что если махнуть на Марс?”

Кразимов осмотрелся, где он? В пространстве виднелся Земной шар, и рядом огромным диском висела Луна. Хорошо просматривались ее кратеры и шрамы на ее поверхности.

– “А Луна ведь рядом – подумалось ему, – а Марс, а, что Марс? Ведь на таком расстоянии в Солнечной системе не имеют значения. А, что если ну хоть мельком, ну хоть чуточку взглянуть на Марс и обратно?”, – задавал он сам себе этот интригующий сознание вопрос, и, кроме того, кто его может здесь контролировать, ведь связи никакой. И Леонид решил двинуться на Марс, затем уж оттуда уйти на Луну. Он посмотрел на встроенные в скафандр часы. От начала полета прошло уже ровно тридцать минут. Сквозь прозрачный колпак хорошо просматривались звезды, и некоторые планеты были в поле его зрения. Вот далекий Меркурий, кольца Сатурна хорошо видны на красивом облике планеты, казалось, протяни руку и вот он, трогай за эти удивительные кольца. А вот Юпитер, как надутый гелием шар висит в воздухе земной атмосферы, так планета, играя красками жидких газов, красовалась перед ним. И, наконец, красный шарик, величиной с бильярдный шар завис в пространстве среди ярких звезд. Это Марс. Вот туда он сейчас направит свой диск. Определив визуально маршрут и примерное время всплеска мгновенной скорости, Леонид отжал ручку “газ”. В одно мгновение за прозрачным куполом кабины звезды сорвались с места в сплошной ряби рывка. Но это длилось лишь мгновение. Зная уловки дисколета, Леонид останавливает движение, и красная планета становится огромным диском, закрывая собой звезды в пол неба над ним. Марс тут же захватил дисколет и потащил его к себе, наращивая скорость падения к поверхности. Леонид улыбнулся этому, затем аппарат сориентировал по вектору силы притяжения планеты и включил компенсационные обороты электронного винта. Диск качнулся, зависая неподвижно в пространстве. Надо осмотреться, и вообще есть ли смысл, садится на поверхность. Нет, его задача Луна. И осмотревшись, там, откуда он прибыл, он обнаружил Землю и рядом маленький шарик, в который превратилась Луна. Прикинув время, за которое он прибыл в окрестности Марса, Леонид дал “газ” и через мгновение он снова увидел лунный диск. Переключив скорость, стал медленно опускаться на Луну. Внезапно справа и с лева, словно не откуда, возникли два дисколета с прозрачными куполообразными кабинами. Пилоты внутри кабин были в необычные черные цвета скафандрах. Один из пилотов жестом руки, выдвинутым большим пальцем, приказал, на языке пилотов, следовать вниз за ними. Дисколеты черных пилотов были укутаны сверкающей ярким свечением пеленой из плазмы, так, что конструктивных особенностей дисколетов чужаков видно не было. Леонид крайне удивился этому возникшему практически не откуда конвою. Затем, вспомнив диски лунатиков, он решил не попадать больше под влияние незнакомцев. Кразимов мгновенно включил максимальные обороты электронного винта. Но диск по-прежнему двигался, не слушаясь Леонида. Вдруг в сознание стали внедряться слова и фразы на старинной латыни. Язык, которым в средние века читала приговоры инквизиция еретикам перед сожжением на кострах. Эти познания древнего языка Леонид почерпнул, когда в библиотеке изучал историю Средневековья, будучи студентом академии. Страх муравьями пробежал по спине. Он попытался мысленно ответить:

– “Говорите на русском языке? Я не понимаю латынь”.

В сознание немедленно стали внедряться бессловесная информация на уровне интуитивных ощущений, следовало понимать так — “Мы дадим информацию”.

Ощущая свое бессилие, он установил винт в нейтральное положение, покоряясь судьбе. Стал ждать развязки. Его конвоиры вели аппарат к большому кратеру с куполообразным образованием в середине. При приближении к центральной части кратера, Леонид стал замечать, что куполообразное образование – это сооружение искусственного происхождения. Оно напоминало по конструкции юрту, обложенную со всех сторон блоками, аккуратно подогнанными друг к другу, подобно тому, как заполярные эскимосы обкладывают свои юрты блоками спрессованного снега в зимний период. Когда все три дисколета прилунились у этой “юрты”, один из фрагментов блока исчез, образовав проход, в который высыпали один за другим живые

формообразования, внешне напоминающие тех пилотов сопровождения, что были в кабинах дисколетов чужаков. Их скафандры были похожи на панцирь с жестким щитообразным капюшоном. Цвет этого скафандра был отполирован до зеркального блеска и был черным, полностью скрывал от взгляда существо, которое находилось внутри. Из дисколетов конвоя спустились пилоты по приставным лесенкам, точно такие же в капюшон образных скафандрах. От головы к плечам и до туловища шли жесткие плоские панцире-образные щиты, формируя собой своеобразный капюшон. От подбородка до живота выделялась своими гофрами плоскообразная трубка, от которой гофры распространялись по внутренней поверхности щитов капюшона. Скафандр внешне был похож на угрожающий вид разъяренной кобры и все встречающие пилотов и пилоты, в том числе смотрелись угрожающе, как в каком—то кошмарном сне. Рост у всех семерых встречающих был полтора до метра семидесяти. Кразимову приказали выходить. Леонид запротестовал,

– “Я не намерен, подчиняться незнакомцам”, – мысленно передал он. В ответ получил сильнейший импульс в мозг. Удар был такой силы, что в глазах внезапно потемнело, затем запрыгали разноцветные огни и круги, вокруг кругов снопы из маленьких и больших искр. Голову пронизала страшная боль. Он с трудом поднялся, практически не соображая, что делает, и, преодолевая парализующую волю боль, стал спускаться выдвижной лесенкой вниз к поверхности Луны. С каждой ступенькой боль чудесным образом стихала и исчезла вовсе, как только ноги коснулись лунного грунта. Два конвоира ждали его, сутулясь под тяжестью своих черных капюшон образных скафандров. Один из них жестом указал в образовавшийся проход в сооружении. Леонид покорно последовал в указанном направлении. Его вели освещенным туннелем. Стенки этого туннеля были выполнены гладкими. Словно из стеклянной застывшей массы. Леонид внимательно следил за передвижением, используя любую возможность, чтобы найти выход из этого необычного и непредвиденного плена. Но ответвлений и входных дверей не было, стенки были отполированные до блеска, в котором он и его конвоиры отражались как в зеркале. Свет в этом тоннеле исходил, казалось из самих стен, и был мягким и приятным для глаз. Его вели эти конвоиры, неуклюже покачиваясь в панциреобразных черных скафандрах. Один шел впереди, второй за Леонидом. Однообразие бесконечного тоннеля действовало раздражающе на нервы, и он решился “высказаться” по этому поводу, — “Что вы намереваетесь делать со мной? ”, – мысленно спросил Кразимов, обращаясь в никуда. Ответ немедленно последовал, — “Мы дадим информацию! ”. Такой однообразный ответ не был сформулирован иначе, а повторял уже услышанные слова раньше, когда его дисколет вели захватчики к Луне. Леонид в сердцах “спросил” снова, — “Да кто вы такие, черт бы вас побрал?!”.

И снова ответ, последовал незамедлительно, — “Мы дадим информацию! ”.

До Леонида дошло, наконец, что спрашивать бесполезно. И он молча зашагал дальше. Вскоре они вошли в круглое куполообразное помещение выполненного в форме цирка. В зале вокруг просторной и круглой арены, стояли ряды кресел, которые были разбиты по секторам. Как только его конвоиры заняли места по сторонам Леонида, в середине арены из проходов стали быстро выходить похожие друг на друга, как две капли воды существа в черных капюшон образных скафандрах. Вскоре зал цирка заполнился до отказа. Когда все расселись по своим местам, начались странные телодвижения присутствующих в зале существ. Одни вставали и поворачивались в разные стороны. Другие это проделывали сидя. Это жуткое зрелище происходило как в каком—то кошмарном сне. Словно страшное сборище гигантских кобр собралось на свой людоедский пир, решать, какой кусок достанется и кому первому от приговоренного на съедение Леонида. Чтобы хоть как—то отвлечься от кошмарного представления, Леонид стал оценивать обстановку. Он обратил внимание, что все телодвижения существа проделывали в тишине. Ни единого звука не улавливал его слух, и это говорило о том, что в зале царил глубокий вакуум. Пока длилось это представление, он решил сверить количество оставшегося воздуха для дыхания в скафандре. Подняв левую руку с смонтированным пультом управления

скафандром, он увидел, что воздуха осталось на 30 минут. Пора включать автомат регенерации. Правой рукой он потянулся к кнопке включения, мгновенный и болезненный удар в кисть руки парализовала острейшая боль. Правая рука плетью повисла без признаков двигательных функций. Кразимов выругался, — “Вы, тараканье отродье! Что я сделал плохого вам?”.

В ответ, — “Мы дадим информацию!”.

Леонид обвел присутствующих помутневшим от боли взглядом, и понял, что в зале идет оживленная дискуссия, которой он не слышит. Черные скафандры шевелились, жестикулировали. Некоторые продолжали подниматься со своих мест и поворачивались с боку на бок, как бы спорили с соседями. Так продолжалось около часа. Леонид мельком осмотрел пульт на левой действующей руке и с облегчением вздохнул, увидев там мигающую голубую лампочку. Это означало, что каким—то чудесным образом автомат регенерации включился, и он не смог задохнуться от нехватки воздуха до сих пор. Неожиданно в голове замелькали “слова”, которые возникали в мозгу сами собой, — “Когда вы, люди, первый раз прибыли к нам, мы не знали, что вы хотите от нас и от нашей планеты. Но, когда вы стали посещать нас чаще, мы вынуждены защищать свою планету от вторжения, так как это наше жизненное пространство и наша обитель без которой мы не сможем жить и не сможем снабжать с вашей Земли себя пропитанием. Мы хорошо осведомлены о вашей агрессивной системе жизни и не хотим вторжения в нашу жизнь людей, которых мы в свое время развели для нашего блага и для нашего питания. На Земле, когда не было технического прогресса вы обрабатывали плантации и вели экологически чистый образ жизни и продукты вашей жизнедеятельности были хорошей пищей для нас. Но пора пришла, и вы стали мобильны. Мы будем защищаться. Мы не позволим нарушать установленный порядок вещей, и не позволим мешать нам, жить, на нашей планете и кормиться с нашего хозяйства на Земле. Убирайся и никогда больше не являйся к нам. Мы оставляем тебе жизнь лишь для того, чтобы ты донес это послание своим! Информация окончена!”.

В зале началось оживление. Существа стали покидать зал, вереницей устремляясь к выходу. Леонид во все глаза наблюдал за необычным зрелищем и в порыве непредсказуемой мысли “выпалил”, — “Как уродливые и мерзкие тараканы!”. Тут же получил ответ, — “Нам пять миллиардов лет, в Земном летоисчислении. Как ты думаешь, чему-нибудь можно за это время научиться?”. Леонид понял из этого обращения, что завязался диалог, — “Но, прогресс неизбежен и рано или поздно нам надо сотрудничать?”.

– “Нет! Мы развели вас для своего пропитания. Как ты думаешь, если бы корова, которая дает молоко, вдруг сказала вам, людям, что она будет теперь жить для себя и только, чтобы вы с ней сделали?”.

– “Сравнение неудачно выбрано. Потому, что, например, в Индии это животное считается священным и свободно ходит по улицам и питается всем, даже цветами из клумбы в индийских городах”.

– “Нет, мы не понимаем этого? Мы в свое время содействовали уничтожению планеты, которую вы называете Фаетон, будем содействовать уничтожению и вашей Земли. А отобранных особей из числа людей переселим на новую ферму, планету которую мы почти уже создали. Она имеет в два раза меньше диаметр, легче будет тормозить прогресс, чтобы этой аномалии больше не повторилось!”.

– “Вы уничтожите Землю?” – ужаснулся Кразимов.

– “Нет, вы очень примитивны и не умны. Мы просто не будем вмешиваться в ваше самоуничтожение. Будем терпеливо ждать, пока вы не отравитесь в собственных отбросах. А симптомов уже достаточно много. И придет время, наши корабли отберут из вас самых выносливых и самых сильных и переселят на приготовленную планету для нашего процветания и дальнейшего нашего существования”.

– “Вы несете бред!”.

– “Что такое бред?”.

– “Эта мысль не совместима с вашей жизнью”. – нашелся Леонид.

– “Он нам угрожает новым оружием БРЕД”.

Леонид сообразил, что логика мышления у этих высокоорганизованных существ равняется уровню муравьиной колонии, где все подчинено установленным миллиардами земных лет законам, которые с успехом подавили логику умозаключений свойственному человеку. Он так же понял, что эти существа никогда не пойдут на контакт. И что необходимы другие более организованные силы разумных иных представителей вселенной для усмирения агрессивных намерений жителей Луны. Размышляя над этим, он вдруг обнаружил себя в кабине своего дисколета на поверхности Луны. Леонид с любопытством осмотрелся вокруг. Кругом коричневая безжизненная пустыня лунного однообразного пейзажа расстилалась перед ним. Его дисколет стоит внутри огромного кратера. Вдалеке на его краю, виднеются два дисколета селенитов. Он понял, что за ним ведется пристальное наблюдение чужаков. И, что надо поскорее убираться восвояси, пока селениты не передумали. И он включил электронный винт. Дисколет качнулся, взлетая с поверхности Луны. Два диска мгновенно поднялись следом, сопровождая его полет к Земле...

Глава пятнадцатая

Леонид не спешил увеличивать скорость полета. Ему хотелось определить, куда его будут вести чужаки. Рискнут ли они двигаться в атмосфере Земли или нет? А дисколеты селенитов демонстративно двигались следом, но не так, как при захвате аппарата Леонида. Леонид управлял дисколетом как хотел и мог лететь куда угодно ему самому. Неожиданно для самого себя пришла шальная мысль, ему вдруг захотелось испытать решимость чужаков, последуют они за ним или нет? Кразимов остановил движение, зависнув на расстоянии, половина пути между Землей и Луной. Чужаки замерли в ожидании действий Кразимова. Леонид, улыбнувшись, рванул свой аппарат в сторону Марса. Красная планета возникла внезапно, закрыв собой пол звездного неба. Остановив движение, он осмотрел окрестности. Чужаки были рядом.

– “Уберетесь вы, наконец, или нет? ”, – с раздражением послал он мысленный запрос селенитам. Ответа не последовало. Леонид понял, что от чужаков, этих назойливых прилипал никак не отделаться. Вздохнув, он направил свой дисколет к Земле. И лишь только в верхних слоях атмосферы Земли селениты оставили дисколет Кразимова. Он вновь вздохнул, но теперь уже с великим облегчением и направил аппарат к космодрому Байконур. Убавив обороты электронного винта до минимальных оборотов, он увидел внизу ангар для дисколетов. Но аппарата Собинова возле ангара уже не было.

– “ Наверное, в ангаре? ”, – подумал Кразимову. Он взглянул на часы. Прикинул время его отсутствия, получалось, что его не было около двух часов. Наверное, Коперник принял решение увезти аппарат во внутрь. Пока он так рассуждал, дисколет приземлился возле строения. У ангара никого не было, кроме вооруженного солдата на своем посту. Складывалось впечатление, что Кразимова никто не ждал. Ангар закрыт и опечатан. Технический персонал отсутствует. Солдат некоторое время застыл, нерешительно наблюдая за приземлившейся неоткуда тарелкой. Затем неожиданно снял с плеча автомат и передернул затвор, приготовившись стрелять. Затем дрожащим от испуга и волнения голосом закричал, — Пароль? Буду стрелять? – когда Кразимов ступил по выдвижной лестнице на землю. Кразимов с добродушной улыбкой слушал как музыку этот окрик человека. Он улавливал всеми клетками своего тела этот родной голос землянина и был вне себя от радости и ощущения земной тверди под ногами. Он медленно и неуклюже повернулся лицом к солдату, державшему автомат готовый в любую минуту выстрелить и поднял отяжелевшие от скафандра руки кверху. Солдат продолжал кричать, — Стой! Не двигайся! – он дрожащей левой рукой пытался поймать ускользавшую от левой руки рацию. Наконец это ему удалось, и он снял ее с нагрудного ремня и громко, так, чтобы Леонид слышал, заорал в микрофон, — Лазутчик задержан на секретном объекте! – он перевел срывающее дыхание, – Как кто говорит? А, сержант Исымбаев! – солдат еще не успел договорить, как послышался вой сирены и со стороны служебных построек с мигалками на крышах показались вереницейдвигающиеся на большой скорости служебные машины постовой службы охраны. Они быстро оцепили ангар и два спецназовца в камуфляже и с короткими автоматами на перевес грубо стали толкать Леонида в спину, — Ану, пошел! Вперед!

Возле дисколета столпилась охрана. Майор давал какие—то распоряжения подчиненным ему солдатам. Они притащили из подсобного помещения, прилегающего к ангару, серебрястый чехол и укрыли прозрачный колпак кабины дисколета, взобравшись наверх корпуса. Тем временем Кразимова втолкнули в узик. Машина сразу же рванулась с места. Его привезли в караульное помещение. Вытолкнули из машины. В тяжелом скафандре в перевалку он зашел в помещение. В комнате за столом сидел дежурный майор караульной службы.

– Ну, снимай шлем? Будем вести допрос!

Леонид снял шлем. В нос сразу же врезался резкий затхлый запах сгустившегося годами настоя из сигаретного дыма, плевков прямо на пол этой комнаты и человеческого пота, и запаха солдатчины, который не поддается описанию и который невозможно вывести никакими моющими и чистящими средствами. Майор достал новую сигарету из пачки "Прима" и снова начал чадить. Леонид брезгливо поморщился.

– Ты что морщишься? Отвечай на поставленный вопрос?

– Я еще не слышал вопроса? – ответил ему Кразимов.

– Я тебя спрашиваю, ты кто такой?

– Можно снять одежду? – спросил Леонид, изобразив страдание на лице. Майор внимательно осмотрел Леонида. Ничего подозрительного не заподозрив, сказал, —Ладно, давай снимай!

– Мне нужна помощь! Скафандр громоздкий и его мне одному не осилить.

– Исымбаев! – крикнул майор. Дверь скрипнула и в дверях показалась узкоглазая физиономия солдата.

– Слушаю, товарищ майор?

– Помогите снять распашонку с младенца.

– Это скафандр, а не распашонка. Вы его вдвоем с трудом сможете снять. – Сказал Леонид.

– У меня один солдат. – Ответил майор.

– А что, майор, корона упадет, если будешь солдату помогать?

– Задержанный, не умничайте? – майор нехотя приблизился.

– Исымбаев, становись слева я справа. Что делать дальше?

– Сейчас сниму замки. – Сказал Леонид, манипулируя на левой руке кнопками встроеного в рукав пульта. Когда нужные кнопки были включены, он внезапно ухватил солдата и майора за шеи перчатками скафандра. Сильнейший электрический импульс парализовал движения военных. Они мягко осели на пол без чувств. Леонид снял с пояса майора наручники и пристегнул ими солдата и майора за ноги друг к другу. Захватив свой шлем, он вышел из караульного помещения на свежий воздух. У караулки стоял один солдат.

– Ну что там разобрались? – спросил он вышедшего Кразимова.

– Разобрались. Вот надо к командиру срочно!

– Ну, так я сейчас вас на джипе довезу!

– Я сам. – Леонид подошел поближе и свалил наивного солдата. Теперь можно спокойно сесть в уазик и доехать до командного пункта руководителя полетами и разобраться, наконец, что тут происходит? Он мчался по бетонке космодрома к строениям пункта управления, к которому было Километров с пять. Но вдруг что—то его остановило. Как же так, почему его так встретили? Да что тут стряслось и что в конце то концов происходит? Нет, нельзя ему туда ехать. Надо ехать в резиденцию Гаринова. Там уж точно он прольет свет на все происходящее. С каждым километром пути он убеждался в правоте своего решения. Он стал анализировать происшедшее событие. Почему его никто не ждал? Этот вопрос сверлил его как назойливая мысль мозг. Он попытался восстановить в памяти все этапы полета. Минута за минутой от самого начала и до конца, до встречи с селенитами, и до его возвращения на Землю. И вдруг как сверканье молнии до сознания Кразимова дошло то обстоятельство, что его полет был самостоятельным и не согласованным. И то, что до Марса обычный полет длится целых восемь месяцев туда и восемь месяцев обратно.

– "Боже мой! Ведь двигаясь со сверх световой скорости, а я побывал в окрестностях Марса целых два раза?", – Леонид схватился за голову. Ему стало понятно, что, казалось бы, невинный полет к марсианским окрестностям стоил ему трех лет? Трех Земных лет? Так, получается, по теории относительности, так получилось и в его жизни. Значит, произошли изменения. Когда Леонид исчез бесследно неизвестно куда. Естественно Гаринова спросили об этом.

И он не смог ответить. Тревожные мысли стали преследовать Леонида. Возник сам собой вопрос, а что в этой ситуации делать? И как быть? В России за это время уже прошли выборы и возможно избран новый глава государства. А как отреагировало правительство на исчезновение дискалета, было видно налицо. Нет, надо что—то предпринимать. Он не может вот так запросто показаться даже Гаринову. Его внешний вид, несомненно, привлечет внимание. Нужно было где—то быстро переодеться. Но где? Здесь, в Казахстанских степях нет лесной местности, нет даже небольших рощиц, где можно было бы спрятаться от постороннего глаза. Парк реабилитационного центра сейчас недоступен. Единственное укрытие этот узик. Благо он был с закрытым кузовом. Леонид съехал на обочину дороги. Стал снимать скафандр. В условиях ограниченного пространства, когда любое неосторожное движения намертво клинило, то руку, то ногу, то тяжелый ящик с напичканной регенерационной аппаратурой укрепленной на спине скафандра, все это делало освобождение от скафандра практически невыполнимой задачей. Но выход этот был единственным и Леонид, порой прилагая нечеловеческие усилия, все же освободился от его цепких объятий. Провозившись, битый час он остался в одном легком комбинезоне, который одевают перед облачением в скафандр. В этом одеянии его могли легко заметить. Зато как было легко и удобно после жесткого панциря, каким был до сего времени скафандр на нем. Леонида конечно уже начали искать поисковые службы спецназа. Необходимо было немедленно искать убежище и избавиться от узика. И он решил ехать к дому Эльзы Эдуардовны. В городке Н—ск он решил оставить свой УАЗ на самом видном месте, чтобы привлечь внимание поисковиков и таким образом отвлечь их внимание, указывая на то, что раз УАЗ здесь значит, оставлен умышленно. И того, кого они ищут, здесь в городе уже нет. Так рассуждал Леонид, выскакивая из машины. Осмотревшись по сторонам, он увидел на стоянке такси и быстро устремился туда. Пересекая площадь перед Центральным рынком, увидел отремонтированную гостиницу рядом с рестораном "Алтын Ашак". Названия он не видел, но гостиница великолепно смотрелась на этой площади и привлекала внимание своим помпезным видом. Возле машины одиноко стоял уже знакомый водитель. Тот самый, который доставлял с ним пьяного американского космонавта в центр.

– О! Здравствуйте! – завидев еще издали Леонида, крикнул ему таксист.

– Здравствуйте! Вы довезете меня до домика одной знакомой?

– Конечно! – обрадовано отозвался водитель, – Я вижу, что вы даже не успели переодеться?

– Очень спешное дело. Прямо туда и обратно.

– По двойному тарифу? – поспешил извлечь частичку своей выгоды таксист.

– Хорошо. Только у меня с собой денег нет, подождете меня, и на обратном пути я рассчитаюсь.

– Ну хорошо. А почему вы на своей машине не захотели доехать?

– Бензин как раз кончился! – нашелся Леонид. Леонид мельком взглянул на брошенный УАЗ. Там уже вертелся военный патруль. Дежурный офицер, что—то говорил по рации. Явно докладывал, что обнаружена машина. Леонид торопливо сказал, —Едем! Едем!

Таксист уселся, неторопливо, чинно по-хозяйски, завел свою легковушку и дал газ.

У домика Эльзы Эдуардовны они остановились.

– Я мигом! – сказал Леонид, вылезая из машины. Он быстро вошел в калитку. Затем, оглядываясь, не следит за ним таксист, юркнул за дом и перемахнул через забор, очутившись в садике дома, где жил, когда—то сын Эльзы Эдуардовны. У крыльца, в потайном месте он обнаружил ключ от входной двери. Надеясь только на случай, открыл дверь и вошел внутрь. В спальне, где, когда—то жила Аня было душно и пахло не жилым помещением. Он открыл шкаф и с облегчением обнаружил в нем свой костюм. Передевшись в него, в кармане пиджака обнаружил крупную сумму денег, а в нагрудном кармане паспорт на имя гражданина Германии Цюриха Адольфа Францовича. В шкафу стоял кожаный портфель с бумагами. Свой ком-

бинезон он сложил туда. В портфеле были прайс-листы на бриллианты и договора на поставку бриллиантов в страны бывшего СССР. Там среди этих бумаг он обнаружил конверт, запечатанный пятью сургучовыми печатями с грифом "СЕКРЕТНО" за подписью генерала Гаринова. Кразимов сразу догадался, что это послание предназначено ему. А такое угрожающе оформленное послание для людей сыска, чтобы при обнаружении одного пакета максимально оттянуть время вскрытия конверта и его экспертизу. Леонид подумал, что никто сюда не наведывался до сих пор только по одной причине. Ждали именно его, Леонида возвращения. И в случае его бегства, конечно, будут искать в первую очередь тут. Он быстро переоделся, схватил портфель и посмотрел в окно. На улице никого, кроме ожидавшего его такси, и водителя, который уже нервно высматривал своего пассажира за забором, не решаясь войти во двор дома Эльзы Эдуардовны. Сама судьба послала этого таксиста ему. И Леонид, заперев дом, аккуратно уложил ключ в потайное место. Он вышел с портфелем в руке на улицу, в метрах двадцати от калитки домика Эльзы Эдуардовны. Леонид неслышно подошел сзади таксиста и, открыв переднюю дверцу машины стал поджидать водителя, который нервно обернулся на стук дверных замков. На лице гримаса раздраженного беспокойства сменилась в одно мгновение на добрейшую улыбку, напоминающую улыбку людоеда, поймавшего человека на завтрак.

– Я было подумал, что вы уже не вернетесь?

– Это к нам не относится. Мы, космонавты, выполняем свои обещания.

– Куда путь держим, космонавт? – смеясь, спросил он.

– Пока вперед. В центр.

Таксист дал газ и лихо стал разворачиваться, чуть не врезался при этом в мчавшую на бешеной скорости патрульную машину.

– Вот, черти? С утра носятся. Похоже, кого—то ищут.

– А что—то слышно, что—то случилось?

– Да нет ничего особенного. Тут одна история была года три тому назад. – Водитель сделал паузу, пропуская грузовик с солдатами, – Но все только слухи. Сведения секретные. Как будто бы наши вошли в контакт и к нам на летающей тарелке приземлились инопланетяне и выкрали одного космонавта. Очень знаменитого. Тогда тут за это, что не уберегли космонавта, разогнали какой-то отдел генеральский. Понаехало столько всяких чинов. Но этот генерал улизнал. Мало того прихватил с собой секретаршу, жену и еще одного ученого и пилота.

– Не может быть? – обрадовано, с трудом скрывая свою радость, что теперь понятна судьба Гаринова, воскликнул Леонид.

– Странно. Вы меня разыгрываете? – неожиданно обиделся таксист.

– С чего бы это?

– Придуриваетесь, что ничего не знаете?

– Я давал подписку о неразглашении. – Нашелся Леонид. Таксист решил на всякий случай ретироваться и умолк. Ехали молча. Вскоре появился крытый рынок, машина выехала на центральную площадь городка.

– К гостинице. – Скомандовал Леонид. Таксист подвел машину к двери гостиницы. На крыльце гостиницы стоял разодетый в красную униформу швейцар. Его окладистая борода и форменная фуражка с золотым обводом, изображающим дубовые листья, шли к внешности напоминающей казака из личной охраны Стеньки Разина.

– А, что вы, вдруг и в гостиницу? – спросил любопытствующий таксист. Леонид шутливо ответил, —Чтобы инопланетяне не украли.

– А, наверное, отпуск? – строил догадки водитель, – Тогда если, что я вас буду поджидать, повезу в аэропорт. Вот возьмите моя визитка. – водитель протянул визитную карточку, – Хороший клиент, кто хорошо платит. – Довольно принимая деньги от Леонида, сказал с нежностью в голосе таксист. Кразимов вошел в открытую швейцаром дверь гостиницы. В фойе, за стойкой администратора стояла красивая казашка. Ее черные искристые и чуть раскосые

глаза, приветливо смотрели на вошедшего. Девушка одета темно-синий форменный костюм со значком на лацкане жакета, на котором золотом сверкала надпись "АСТОРИЯ".

– Места есть свободные? – быстро спросил Леонид. Девушка осмотрела его старомодный, пропахший нафталином костюм, и, выдержав минутную паузу, важно сказала, — У нас только номера люкс.

– Мне одноместный.

Девушка снова выдержала паузу, затем лениво ответила, – Боюсь напугать Вас ценами?

– Я привыкший. – Подыгрывая ей, прикидываясь простаком—работягой, отвечал Леонид. Администратор снова смерила его блуждающим взглядом, который внезапно застыл на потертом, выдавшем виды, портфеле, сказала, — Понимаете, одноместный люкс стоит полторы тысячи долларов за сутки. Боюсь, Вас не устроит такой расклад. Вам лучше снять раскладушку в частном доме это обойдется вам в сто раз дешевле. – Она испытующе взглянула на Леонида, затем добавила, – Могу подсказать частника.

– Давайте-ка номер, я согласен. – Не подавался Леонид.

– Боюсь, что вам придется заплатить аванс в семьсот пятьдесят долларов.

Леонид достал из нагрудного кармана пиджака не распечатанную пачку долларов в банковской упаковке. У девушки загорелись глаза, она, громко проглотив слюну, сказала, — Ну, тогда, – переведя дух, продолжила, – ну, тогда я вас поселю в четырнадцатый, там, в тринадцатом живет ювелир. Тут у него магазин рядом с нами. Он поведен на числе тринадцать. Кстати это его гостиница. Он такой интересный дядечка, говорит, что тринадцатое число все боятся и обходят стороной и ему больше достается простора и свободы там, ха—ха—ха. – Засмеялась она, заполняя паспортные данные, – О! Вы тоже немец, и так говорите без акцента. А ювелир ни слова не говорит без акцента.

– Я советский немец, выехал недавно, вот уже имею тут бизнес и неплохой скажу я вам. А костюм этот приносит мне удачу. Я в отличие от вашего Адольфа Адольфовича суеверный человек.

– А этот костюм у вас еще из тех времен?

– Что вы? Меня тогда еще на свете не было, а костюм этот уже был. – Не без гордости в голосе, пытаясь отшучиваться Кразимов, – Судя по ценам у вас мало постояльцев?

– Да, только иностранцы. У нас частная гостиница. Может пригласить кого-нибудь, ну, чтобы вечерок скоротать. – Намекая на деньги, и хитро щуря раскосые глаза, сказала администратор.

– Нет, спасибо, люблю одиночество и тишину.

– Ну, тогда заходите вечерком, мне тут до утра. – Девушка явно набивалась в компанию. Леонид взял у нее ключи от номера и хотел забрать паспорт, на что администратор ответила, — У нас такие правила, это почти залог, отдадите всю сумму за номер, получите обратно документ.

– Ну, спасибо вам. – Поблагодарив, удалился. И только в своей комнате, он, не раздеваясь, свалился почти без чувств от напряжения и усталости. Мысли запрыгали в голове одна нелепее другой. Справившись с их потоком, он собрался и решил, прежде всего, успокоится. Затем уж хладнокровно взвесить ситуацию и уже, потом сделать какие-то выводы. Он не заметил, как уснул. Проснулся от стука в дверь. За окном стояла темень ночи, хоть было еще десять часов вечера.

– Откройте? – настойчивый голос администратора разбудил его. Чтобы как—то отделаться от нее, Леонид крикнул, не вставая с постели:

– Девушка, я не одет!

Администратор повторила стук в дверь, — Не заставляйте нас взломать дверь! – ее настойчивый голос требовал, чтобы Леонид открыл дверь. Кразимов покорно встал с кровати и открыл. В комнату немедленно ввалился военный патруль, состоящий из офицера и двоих

солдат. В руках у капитана был паспорт Леонида. Капитан внимательно сверял фотографию Кразимова с оригиналом, — Вы немец? — спросил неожиданно офицер.

– Так точно, товарищ капитан!

– А почему так хорошо говорите по-русски?

– Так надо? — пытался отшучиваться Кразимов.

– А, так надо. Ану давай трёкни че ни будь по-ихнему?

– Не могу.

– Это, что еще за номера? — возмутился капитан.

– Я еще не успел выучить?

– Я же говорила, что это наш немец, сказал, что недавно переехал. — Вмешалась администратор. Капитан, помедлив с минуту, для порядка, вручил Леониду паспорт со словами, — Вы тут на одного типа похожи, которого мы ищем.

– Что—то серьезное? — не выдержал заинтригованный Леонид. Но капитан не успел ответить, вмешалась администратор, — Адольф Францович, верните, пожалуйста, паспорт?

– Да, да, пожалуйста. — Леонид отдал паспорт администратору. А капитан в это время выходил уже из комнаты, ворча по дороге, — Ну, где тут номер тринадцатый?

Администратор выбежала следом. И уже в коридоре сказала, — Он сегодня в своем магазине, боюсь, что будет там до утра.

– Ну, он нас особо не интересуется. — Обращаясь к своим сопровождающим солдатам, сказал, — Пошли парни, нам еще в ресторан надо.

Кто—то из солдат сказал, — Хорошо, что ресторан вы, товарищ капитан, оставили нам на закуску?

Что ответил капитан, уже не было слышно. И с облегчением, переведя дух, Леонид стал снимать с себя одежду, готовясь ко сну...

Глава шестнадцатая

В номере "Люкс" сверкающая великолепным дизайном ванна. Он с удовольствием вымылся и сменил нижнее белье, которое нашел в шкафу этого номера. Облачившись в махровый белоснежный халат и достав из холодильника коньяк, плеснул себе немного в квадратный стакан. Отпив глоток, стал думать, как быть дальше. Он вспомнил о конверте с сургучовыми печатями и, смакуя напиток, не торопился его доставать из портфеля. А вот, что за послание приготовил ему Гаринов и где он теперь? И как хорошо, что этот конверт не был прочитан никем. Да и вряд ли кому—то взбрело бы в голову делать обыск в доме Эльзы Эдуардовны. Очевидно, прилет его был столь неожиданным, что никто из охраны не смог опомниться. Леониду вдруг пришла в голову тревожная мысль, а ведь опомнятся же и завтра могут прийти за ним. Но не сегодня. Сегодня надо действовать, а не расслаживаться тут в тепле и комфортной обстановке. Инертный генералитет еще будет, по крайней мере, до утра раскачиваться. Он вытащил портфель из шкафа и достал оттуда конверт. Он был тяжелый и объемный, похоже, было, что внутри там спрятано что—то очень важное. Леонид взял кухонный нож из посудного шкафчика, начал вскрывать пакет. Внутри оказалась странная карта и чертежи какой—то постройки. Ага, вот и письмо. Он раскрыл сложенный вдвое исписанный листок и стал жадно читать.

– "Здравствуй, Леонид! Мы верим, что ты жив, хоть я в этом вначале сомневался. Но меня разубедил в моих грустных мыслях Коперник. Он утверждает, что ты решил "покататься", то есть тебе стало интересно поэкспериментировать и может быть даже махнуть на Марс, забыв о том, что существует теория Относительности Альберта Эйнштейна, согласно которой перемещение в пространстве со скоростью сверх световой как бы тормозит время. И то, что тебе показалось одно мгновение, вылилось тут на Земле в годы. Я, конечно, подвергся жестоким репрессиям из—за того, что якобы мы вступили в сговор с иностранными разведками и переправили дисколет за границу. Я и Коперник убеждали следственные органы в обратном. Но работы были прекращены, а второй дисколет планировали передать на доработку другой организации для запуска в серию, несмотря на протесты Коперника и мои. Коперник предупреждал, что запускать в серию сырой аппарат с неизученными свойствами крайне неразумно и крайне опасно. Нас не слушали. Я понял, что моей карьере пришел конец и все пошло прахом. Нам грозили судом и статьей за измену Родине. Надо было спасать наши научные достижения и мозг нашей научной мысли, Коперника. А чтобы не нанести вреда нашему народу повсеместным использованием дисколетов, влияющих на здоровье окружающих я принял решение бежать и укрыться в каком-нибудь недоступном районе. Риск конечно огромный. Но мы решились на это. Я, Эльза, Коперник, Маша, Собинов. Правда, Петр хотел вывести жену, но время было крайне ограничено. Если ты читаешь это послание, значит, нам побег удался, и мы пребываем в безопасности. У тебя есть твой дисколет. Не медли, захвати его и лети за своей женой и за женой Петра Собинова, на главпочтамте в Москве найдешь письмо до востребования на мое имя, ты знаешь, что предъявить, чтобы получить это письмо. – Леонид задумался, что же Гаринов имеет ввиду? Но тут осенила его мысль, ну конечно новый паспорт. И он стал читать дальше, – Там в этом письме найдешь инструкции, что делать дальше. Мне надо торопиться, время на исходе, уже всполошили спецназ, нас ищут. Надеюсь, скоро увидимся! Обнимаю тебя, как своего Диму. Береги себя! "

Леонид, дочитав письмо, стал внимательно изучать карты. Это была старинная карта незнакомого материка. Он не долго всматривался в очертания незнакомой земли, когда, наконец, понял, что это карта Антарктиды. А план был планом коммуникаций и подходов к ангару, где собирали дисколеты. Значит, есть один путь. Письма никакого нет, это придумано, для тех, кто найдет это письмо. Беглецов надо искать в Антарктиде. Леонид вспомнил, что там

во время окончания Второй Мировой войны гитлеровцы нашли свое убежище в теплых подземных пещерах, в которые можно было попасть только под водой. Прошло много, много лет. И пещеры эти конечно хранят не мало тайн. Вот туда—то и скрылись Гаринов и его близкие, и туда надо вывезти жен Анну Собинову и Аню с малышом. Леонид быстро оделся. Сон его как рукой сняло. Надо забрать паспорт. Он вспомнил, что администратор предлагала скоротать вечерок с ним, значит, она не спит. Закрыв номер на ключ, он спустился к администратору. Было уже час ночи. Девушка сидела в кресле и дремала за стойкой.

– Доброй ночи! – поздоровался Леонид. Крайне удивленная администратор, сонно смотрела на Леонида не понимая, что от нее хотят.

– Я уезжаю. Давайте мой паспорт.

Наконец девушке стало понятно, зачем к ней подошел постоялец.

– Но вам придется заплатить полную стоимость?

Леонид молча отсчитал 750 долларов и протянул ей.

– Давайте паспорт.

Она порылась в сейфе и, отыскав там, среди бумаг и денег паспорт, вернула его хозяину. Леонид поблагодарил и вышел из гостиницы.

Весенний майский ветерок ласково повеял, путаясь в волосах, и нежно защекотал в носу запахами весеннего буйства природы тончайшими, доносившимися сюда ароматами разнотравья. Из близкого ресторана доносились ритмы оркестра, там шла бесконечная гулянка. Ресторан работал до утра. Возле него сновали легковые такси частного извоза. Леонид подошел к подкатившему Мерседесу, из которого выбежала пара молодых людей и скрылась в дверях заведения. Не теряя зря времени, Кразимов подошел к водителю, —Свободно? – сходу, не давая ему, опомниться, выпалил.

– Да. —От неожиданности, ответил водитель, затем взял инициативу в свои руки, спросил, – А что?

– Так поехали?

– Видите ли, – начал торговлю водитель, осматривая в лучах ресторанных фонарей одежду Леонида, – мне надо подождать этих молодых людей.

– Я заплачу в двойном размере.

В глазах водителя сверкнули алчные искорки, и он уже мягче спросил, —Сколько?!

Леонид выдержал паузу, что бы выиграть время, это давало преимущество в инициативе, затем неторопливо сказал: —В двойном размере, – и как бы оглядываясь в поиске новых машин. На самом деле его интересовал милицейский патруль, который медленно двигался от центрального рынка в сторону ресторана. Водитель, конечно, знал, что в это время строятся совсем иные тарифы, и, что оплата в двойном тарифе, да кое—что значит.

– Ну, ладно, садитесь.

Леонид сел на переднее сидение. Но, водитель не спешил, ему хотелось еще подобрать пассажиров. Леонид попытался его подстегнуть, —Уважаемый, я плачу в двойном тарифе и мне срочно надо за город.

– Да? – неожиданно радостно воскликнул таксист, – Тогда сто долларов туда и сто обратно. – Подумав, добавил, – Я же буду возвращаться пустой?

– Да я согласен. Поехали.

Таксист медлил, —Давайте аванс, только тогда поедem.

Кразимов достал из нагрудного кармана распечатанную пачку долларов, оттуда вынул стодолларовую бумажку и небрежно сунул ее водителю. У таксиста загорелись глаза от увиденной пачки денег.

– Ну, теперь уже едем? – спросил Леонид.

– Да! Да! Конечно, едем! – отвечал торопливой скороговоркой тот, одновременно трогаясь с места, затем вдруг растерянно спросил, —Уважаемый, а куда ехать то?

– В сторону Байконура, там есть мастерские, туда.

– А вы, наверное, из общежития вольнонаемных рабочих?

– Как вы догадались? – раздраженно ответил вопросом на вопрос Кразимов. Водитель знал, куда ехать, похоже, не один раз возил туда подвыпивших рабочих после зарплаты. И машина, шурша шинами, быстро мчалась по асфальтированному шоссе в окружении черной ночной тьмы, рассекаемой ярким светом фар. Возле открытых настежь ворот въезда на территорию рабочего городка, машина остановилась.

– К какому корпусу везти? – спросил со знанием дела таксист.

– Я здесь выйду. Пройдусь пешком. – Леонид сунул правую руку в пиджак за деньгами и успел краем глаза заметить, как увесистый гаечный ключ, оказавшийся, каким-то чудом в правой руке водителя, движется к его голове. В последнее мгновение Леонид успел вытащить свою руку и перехватить удар. Завязалась потасовка. Таксист оказался не из хлипкого десятка. Но годы тренировок в отряде космонавтов у Кразимова не прошли даром. Он локтем левой руки нанес ответный удар в горло водителю. Тот стал хватать ртом воздух, как выброшенная на сушу рыба, затем сник и потерял сознание. Его выпученные глаза, обезумевшим от нехватки кислорода взглядом, остановились, но там еще теплилась жизнь. Леонид вытащил таксиста из машины и отволлок его в кустарник, росший на обочине. Сам быстро сел за руль и с выключенными фарами тронулся к мастерским. Не доезжая до ангара метров с двести, он остановился, взял портфель и бросил в него кусачки и плоскогубцы из инструментария водителя, двинулся к ангару. В сумеречном сиянии звезд, неожиданно наткнулся на проволочное ограждение из колючей проволоки. Он точно знал, что раньше этой ограды не было. Он внимательно осмотрел ограждение. В тусклом свете звезд, сквозь проволочные ряды была видна громоздившаяся тенью громада ангара. Возле ангара дисколета не было. Фигура дежурившего солдата с автоматом маячила возле входа в ангар. Леонид посмотрел на часы. Светящиеся стрелки показали два часа ночи. Надо было действовать. Идти или не идти на риск? Логика подсказывала, что дисколет в ангаре. Но могли ли его увезти или разобрать без детального расследования происшествия? И он решил действовать. Пробравшись незамеченным с тыльной стороны ангара, он кусачками перекусил проволоку и проник на территорию мастерских. У стены ангара стояла мощная вентиляционная установка, нагнетающая в ангар воздух, когда там велись работы. Леонид разобрал стык трубы так, чтобы соединяющее колено можно было снять. В образовавшемся проходе проник внутрь ангара. Дисколет стоял внутри. Вздох облегчения вырвался из груди. Кразимов нежно погладил его по корпусу. В темноте ошупью нашел приставную стремянку и по ней взобрался наверх дисколета. Содрав чехол с колпака кабины, сбросил его на цементный пол. Металлические петли на лямках чехла при ударе о цемент издали громкий стук. Сердце замерло в груди. Он застыл, прислушался. Тишина стояла мертвая. Затем осторожно, как можно тише, слез с диска. Нащупав под диском выдвижную лесенку, взобрался по ней в кабину дисколета. Нащупал в кромешной тьме кнопку аварийного освещения, включил. На приборной доске амперметр показывал, что заряда аккумулятора хватит еще на 12 часов. Леониду снова повезло, техник не отключил и не снял аккумулятор. Леониду осталось последнее испытание, необходимо было нейтрализовать солдата, сторожившего вход в ангар. Кразимов выбрался осторожно наружу. Подкрался к солдату сзади, обезоружил и связал, а рот заклеил клейкой лентой, которую заблаговременно прихватил с собой. Кразимов оттащил его в сторожку и, отыскав кнопку открытия ангара, нажал. Ворота медленно стали отходить в стороны, открывая проход для транспортировки дисколета. К одной из трех опор дисколета было, подсоединено ручное водило. Кразимов стал раскачивать дисколет, пытаясь сдвинуть его с места. После нескольких неудавшихся попыток ему в сеже удалось это сделать, и дисколет медленно сдвинулся с места, покатил за упирающимся, как тягловая лошадь, Леонидом. Вскоре дисколет уже стоял на бетонке вблизи ангара. Осталось отсоединить водило. Он нащупал соединяющий палец и, сняв штифт, вынул его из гнезда, затем оттащил, водило

в сторону. В кабину Кразимов не шел по лесенке, он в нее влетел, не замечая ни ступенек, ни скорости. Едва уселся в кресло, запустил электронный винт. Дисколет качнулся и медленно взмыл в высоту. Он завис на высоте около ста метров над ангаром. Манипулируя кнопками пульта управления, Леонид стал убирать стойки шасси, лесенку и герметизировать отсек дискалета. На приборной доске высвечивались данные по запасу кислорода. Его хватало ровно еще на 24 часа, после выработки кислородного запаса автоматически включается система регенерации воздуха в кабине. Где он будет за эти 24 часа одному Богу известно. Надо было выполнять задание Гаринова и переправить жен в безопасное место, туда, где сейчас генерал со своей командой. Внизу вдруг тревожно завывала сирена. Ее вой наводил жуткий страх. На всей территории мастерских вспыхнул свет. Очевидно, подоспевшая смена караула развязала постового, и теперь он уставился на дисколет и как сумасшедший без перерыва стрелял из автомата короткими очередями. Леонид только улыбался этому. Пули не касались обшивки корпуса осыпаясь, как горох, наталкиваясь на пелену нулевого времени, в котором даже воздух в пограничном слое приобретал крепость непробиваемой брони. Леонид перестал обращать внимание на стрелявшего солдата, успокоившись тем, что он пришел в себя, и ведет себя, так как подобает солдату в этой ситуации. Его больше волновала судьба водителя, брошенного им в придорожных кустах и его автомобиль. Леонид направил дисколет в направлении оставленного автомобиля. В предраассветном мареве он различил Мерседес с открытыми всеми дверцами и багажником и спецназовцев, сновавших, как заводные игрушки, вокруг машины. Леонид видел, как один из них показывал пальцем в черной перчатке на дисколет и что—то говорил другому. Второй спецназовец поднес рацию ко рту и стал давать распоряжения. Немедленно из уаза стоявшего невдалеке, выскочил военный в камуфляжной форме и с ручным фугасом. Навел на дисколет оружие, стал целиться. Леонид спустился ниже, приблизил дисколет так, чтобы дистанция была близкой к ста метрам от целившегося в него военного. Спецназовец не понял маневра. Перестал целиться, стал удивленно смотреть на диск. Очевидно, в его практике такой маневр был впервые, когда жертва сама двигалась навстречу охотнику, как кролик в пасть удаву. Но это минутное удивление быстро прошло, когда старший офицер дал отмашку рукой и что—то крикнул солдату. А Леонид тем временем опустился на высоту трех метров и стал поворачивать бока дискалета, словно издеваясь над мероприятием охоты. Солдат опять перестал целиться с удивлением стал смотреть на старшего по званию. Офицер, давший распоряжение стрелять, махнул рукой, торопил растерявшегося солдата, и тот дал залп. Фугас в стометровой зоне дискалета стал замедлять движение и остановился у пограничного слоя, свалившись на землю не разорвавшись. Военные замерли, застыв в изумлении. Леонид решил закончить представление и взлетел на высоту сто метров, сделав прощальный круг, подлетел к общежитиям рабочих. В кустах таксиста уже не было. Леонид понял, что водитель пришел в себя и сейчас добирается домой или дает показания полиции о пропавшем автомобиле. Он взмыл к облакам и направил свой дисколет в сторону Москвы. Леонид не увеличивал скорость, а шел 600—700 км/час. Ему хотелось, не спеша, в мягком кресле и в уютном одиночестве насладиться покоем, и привести свои мысли в порядок. От огромного нервного напряжения, свалившегося, нежданно не гаданно на его голову и внезапно обретенной свободы клонило ко сну. Надо было хорошо выспаться перед новыми испытаниями судьбы. Для этого он решил выбрать непролазную чащобу тайги. Это побудило сменить маршрут и вести дисколет над районом таёжных зарослей. Обследовав с высоты местность, он выбрал небольшую поляну и сел среди кустов, и зарослей, маскируясь в распускающейся листве растительности. Сразу же, как только дисколет обрел твердую поверхность, Леонид обесточил аппаратуру дискалета для экономии заряда аккумулятора. Затем, установив кресло в удобное положение, удобно уселся в нем и крепко заснул, как когда—то в далеком детстве. Он проспал весь день. Не замечая нагретого солнцем пространства в кабине. Кразимов открыл глаза, когда первые вечерние лучи заходящего солнца освещали верхушки сосен, и вечерняя прохлада подбиралась уже под

прозрачный колпак кабины. Он включил питание аппаратуры дисколета, и в кабине установилась нормальная температура и регенерация воздушной среды. Когда дисколет работает, работает система жизнеобеспечения, выдерживая температуру, и состав атмосферы внутри кабины и осуществляется одновременная регенерация, то есть выделение кислорода из продуктов дыхания. Сон Леониду придал свежести, и силы были восстановлены. Внезапно над поляной завис военный вертолет. И немедленно с его нутра на тросах стали спускаться один за другим спецназовцы. Леонид успел включить электронный винт и штурм дисколета прекратился. Из—за аномальных явлений вызванных завихрениями пространства, все приборы на вертолете немедленно вышли из строя. Двигатель заглох, и вертолет стал сваливаться вниз туда, где уже взлетал дисколет. Леонид все же успел вывернуть свой дисколет из-под падающей машины. Он взмыл к облакам. Внизу послышался взрыв, там внизу, начался пожар. Волной переживаний защемило сердце за бессмысленные потери и никому не нужные жертвы. Леонид приспустил дисколет ниже. Увидел кучку уцелевших спецназовцев, тех, которые почти достигали его дисколета. Они стояли в стороне от догорающей машины и грозились кулаками в его сторону. Из этого всего происшествия было ясно, что его вычислили космические средства слежения и что теперь ему скрыться не замеченным нет никакой возможности. В голове замелькали тревожные мысли. Что же делать в этом случае? Как вывезти семью, да и еще и жену Петра Собинова? Сесть на крышу своего дома на виду у всего российского спецназа? Быстро поднять своих близких людей на дисколет? Но ведь наверняка в квартире сидят оперативники и ждут именно его. Надо уходить. Немедленно лететь в убежище Гаринова и его команды. Леонида обуяла тоска. Он вдруг понял, что пока заряд аккумулятора позволяет поддерживать электронный винт в рабочем состоянии, для любого вида вооружения он не уязвим. Любому поражающему оружию преодолеть пространство, где время равно нулю невозможно. Эта мысль вызвала вдруг целый ком эмоций навалившегося, как снежный ком, на бедную голову Леонида. Ему, вдруг, захотелось, невзирая ни на что, взглянуть хоть единым глазком на Аню на маленького Димочку. Но здравый рассудок подсказывал не рисковать. Ведь чего доброго это подстрекнет засаду на самые не адекватные действия. Чего доброго, начнут воздействовать на него, принуждая к сдаче, путем угроз его близким Ане и сыну. Значит, у него остается один и единственный выход, искать укрытие Гаринова. И он взмыл к облакам, разукрашенным в малиновый цвет заходящим солнцем. Там, в бескрайней небесной выси, и в свободном пространстве. Рядом с предоставленным самим себе облакам. Сориентировал свой дисколет в сторону Южного полюса. И не колеблясь, задал полные обороты электронному винту. Он все же успел вовремя остановить движение дисколета, убавив скорость до 600—700 км./час. Внизу проплывали незнакомые холмы, сплошь поросшие выгоревшими на солнце травами, и леса, надевшие на себя листовенные убрания из желтеющей осенней листвы. Там внизу плыл под дисколетом материк Австралия. Леонид с удивлением и с любопытством осматривал причудливую смену поры года. Как—то необычно так быстро почти в одно мгновение из майской распускающейся зелени вдруг очутиться в манящей красками осени. Значит, Леонид держит правильный курс и дисколет движется к Южному полюсу. Он добавил скорости. Мгновенно краски золотой осени смешались, превратившись в сплошной серый сгусток пронесившейся с невероятно огромной скоростью. Быстро сменившись на синие просторы водной глади. Первые белые льдины айсбергов с быстротой снежной лавины стали застилать водную гладь. Леонид убавил скорость до минимума. Дисколет шел вдоль берегов, сплошь укрытых обрывистыми скалами из Льда. Материк предстал перед ним во всей красе вечных льдов. Надо было сверить карту с внешней панорамой берега. Он поднял дисколет к облакам и в лучах полярного солнечного дня стал изучать карту. Земля Королевы Мод была под ним. Но где вход в пещерную зону. В океанской глубине под толщей льдов будет трудно, что—либо разглядеть. У него нет навигационных фонарей, чтобы ориентироваться среди глубинных айсбергов. Нет яркого света поисковой фары, чтобы облегчить осмотр глубинных просторов береговой

линии материка. С другой стороны, если действительно такой вход существует, значит, Гаринов, конечно же, позаботиться о том, чтобы как—то его обозначить. Интуитивно Леонид чувствовал, что надо искать в глубине именно это обозначение. Он стал спускаться к прогалинам среди плавающих льдин. Выбрав самую большую прогалину, в нее опустил под воду дисколет. В темноте водной стихии плохо различимы плавающие глыбы льда. А спустится глубже, значит, лишится всякой возможности, что—либо различить. И Леонид решил вести свой поиск то, подымаясь в высь надо льдами, то, ныряя на глубину. Таким образом, в зигзагообразном движении вдоль берегов он надеялся найти признаки входа в пещеру. И когда уже на исходе заряда аккумуляторных батарей и на исходе терпения не оставалось ни сил, ни энергии, усталость клонила ко сну, он вдруг увидел в глубине отблеск какого-то огонька, призывно мелькавшего с ритмичной очередностью. Туда сразу же направил дисколет. Там на краю зияющей чернотой входа в пещеру мигал ритмичным огнем оставленный кем—то фонарь. Сердце колотилось в волнении, значит Гаринов здесь. Немедля, Леонид направил дисколет в черноту зияющей пещеры. Подземный тоннель оказался просторным. Дисколет шел вдоль тоннеля, ориентируясь по мигающим ритмически фонарям. Километров с двадцать пути обозначилось впереди сияющим пятном. Пятно росло и увеличивалось по мере приближения к нему. Присматриваясь к освещенной водной глубине, Леонид ввел дисколет в довольно широкое и круглое пространство. Вода в нем была освещена ярким, идущим, откуда—то сверху светом. Кразимов стал двигаться вверх навстречу этому источнику освещения. Наконец дисколет вынырнул и очутился в огромном и круглом бассейне с выложенными из розового мрамора стенами. Стены бассейна имели ступенчатый выход на твердую поверхность около бассейна и охватывали всю округлость его по периметру. Леонид взглянул вверх на ослепительный источник света. Это был прожектор, выполненный в виде дискообразного рефлектора и ртутной лампой, дающей яркий слепящий свет. В глазах у Леонида потемнело. Он выругал себя за это. К глазам постепенно возвращалось зрение. И взгляду открывалась огромная пещера с высоченными потолками до ста и более метров. Длина не просматривалась до конца из кабины дисколета. Ширину пещеры с первого раза нельзя было определить. Внезапно он услышал какое—то бурление воды внизу и волнение поверхности бассейна. Прожектор потух и громкий голос, казалось, возникал ни откуда, стал вещать на ломанном русском языке, —Вы вторглись на территорию Общества Света. Вам надлежит здаться в плен! Не пытайтесь бежать! Выход из нашей территории наглухо закрыт!

Этот монолог повторился три раза. Затем с лева со скрежетом начали сдвигаться каменные стены, образуя широченный вход в освещенный подземный бункер. И снова голос сказал по громко говорящей связи, —Ваше средство должно быть установлено в этой нише! А вы должны пройти в открывшуюся дверь, где пройдет карантин.

Леонид слушал эту речь, и последнее наставление следовать в указанном направлении и не верил своим ушам в существование этого государства под носом у развитых держав. Ему казалось, что Гаринов его разыгрывает и что эта шутка скоро кончится. Он поднял дисколет и аккуратно посадил в центре бункера. Затем обесточил системы и по выдвижной лесенке спустился на цементные полы бункера. Когда он выбрался из дисколета и осмотрелся, в стене образовался вход двумя, как у лифта раздвижными дверями, так плотно подогнанными друг к другу, что заметить их с первого раза было невозможно. Он проследовал в образовавшийся проход. Голос сопровождал его

словами, —Следуйте в помещение.

Леонид вошел в бокс с голыми стенами, где стоял стол и приставленный к нему стул. Он уселся за этот стол. Напротив, сидящего Леонида было во всю стену затемненное окно. Классическая комната для допросов.

– Ну, хватит ломать комедию? – смеясь, стал говорить Леонид, удивляясь тому, откуда у Собинова столько артистизма и выдумки, – Хватит, Петр. Алексей Алексеевич скажите, пусть кончает эту комедию.

– Здесь нет ни Петра, ни Алексея Алексеевича. – С металлическими нотками в голосе сказал уже знакомый Леониду виртуальный сопровождающий. – Здесь территория Общества Света и вы вторглись на ее территорию. Но мы сейчас не в состоянии войны с миром. Мы предлагаем вам сотрудничество. Нам нужны пилоты вашей квалификации для выполнения миссии возложенной на наше Общество. Вы согласны? В случае отказа от сотрудничества вы будете расстреляны в этой же комнате. Труп будет сожжен, а пепел выброшен в океан. На раздумье пять минут. По окончании срока приговор будет приведен в исполнение на последней секунде. Все. Время пошло.

Воцарилась зловещая тишина. Леонид оторопело уставился в затемненное стекло, напротив. Затем взглянул на ручные часы. «Секундная стрелка неуклонно бежала, отсчитывая последние секунды жизни», — Скажите, меня кто-нибудь слышит? – тревожно заговорил Леонид.

- Я слушаю вас? – все тот же холодный голос отозвался.
- Я могу получить отсрочку? – сделал попытку уговорить Невидимку Леонид.
- Осталось две минуты тридцать, двадцать девять и так далее секунд. Думайте!
- Придется согласиться.
- Нам надо знать, это ваше твердое, "Да"!
- Да! – чуть не в истерическом припадке вскричал Кразимов.
- Тогда пройдите вот в эту дверь.

В стене открылись раздвижные двери, и Леонид попал в узкую прямоугольную комнату, скорее похожую на одноместную кабинку для душа. Внезапно тонкие струи душа резко ударили по костюму, плечам и голове. Вода под сильным напором покрыла одежду мыльной пеной, затем смыла все. И все тот же голос сказал, — Эта одежда вам уже не понадобится. Снимайте ее и оставьте в этом боксе.

Леонид повиновался. Когда он снял с себя мокрый костюм там оставались намоченные деньги и паспорт. И снова голос, отвечая, как бы на немой вопрос, сказал, — Документы и деньги вам уже не понадобятся.

На последней фразе голоса ударили струи душа по голому телу, укрыв мыльной пеной кожу, затем пену смыло новой порцией воды.

– Можете пройти дальше. – Бесстрастный голос сопровождал неустанно Леонида. И вслед за голосом стенка душевой отъехала, и он попал в новый бокс с кафельным полом и кафельной плиткой до самого потолка. Его снова промыло душем и, наконец, в новой, уже широкой комнате с одежными узкими шкафчиками и висевшими там комбинезонами он стал переодеваться, подбирая под свой размер желтую безрукавку с желтым солнцем на голубом фоне в белом круге и расположенным на безрукавке в районе сердца, в синий комбинезон с множеством карманов. Когда Леонид надел новую одежду, все тот же голос сказал, – Сейчас вы пройдете в следующую комнату, там проведете двухнедельный карантин. Новая дверь открылась, и Леонид попал в новую комнату с кроватью и квадратным окном, на высоте полтора метра от пола, сторона квадрата равнялась примерно пятистам миллиметрам. Это окно было плотно закрыто деревянной дверцей снаружи. И вновь голос прокомментировал, — Здесь вы проведете ровно две недели. Еду вам будут подавать три раза в день с различными добавками, чтобы вывести из организма все вредоносные бактерии, кишасщие внутри вас. В углу комнаты умывальник, зеркало, зубная паста. В другом углу унитаз. На столе есть бумага и ручка, можете писать мемуары. Для всех, кто вас знал, вас больше нет, и никогда не будет. Теперь вы принадлежите великому и мудрому Обществу Света, и будете служить на его благо. А там все образуется и все, как, впрочем, всегда, станет на свои места. Утром вас разбудят. Спокойной ночи.

- Подождите. – Леонид встревожено позвал голос Невидимки.
- Что еще?
- Может, скажете, наконец, что произошло с генералом Гариновым и его близкими?
- Они наотрез отказались служить нам, их пепел выброшен в океан.
- Я не знал этого. Я отказываюсь служить вам! – гневно вскричал Кразимов.
- Мы никогда не меняем своих решений! – бесстрастно ответил Невидимка, – Спите спокойно и ни о чем не беспокойтесь. Вы принадлежите уже Обществу Света.

В этом бесстрастном голосе уже слышались миролюбивые нотки. И в голове у Леонида вдруг затеплилась надежда, — “А может этот голос говорит не правду? И не все так страшно закончилось для друзей, как было сказано!”, – подумалось ему. Леонид, согретый этой спасительной мыслью—соломинкой, лег на постель, не раздеваясь, и вскоре уснул...

Глава семнадцатая

С педантичной пунктуальностью открывалось окошечко ровно в 9—00, 12—00 и в 18—00. Меню было удивительно разнообразным. Блюда включали в себя и мясо, и рыбу, и красную, и черную икру и обязательно вечером подавали литровую кружку темного пенистого пива. Леонид не любил пиво. Но постепенно втянулся и к исходу второй недели карантина уже выпивал половину. Он стал замечать за собой, что вес его стал увеличиваться. Живот приобрел округлую форму, и это вызывало некоторое беспокойство. Чтобы как—то скрасить вынужденное одиночество он стал вычерчивать на бумаге различные механизмы из теории механизмов и машин, которую, когда—то давно изучал в академии. Ему стало интересно изобретать вечный двигатель. Он знал, что патентные ведомства различных стран продолжают регистрировать бесконечный поток заявок на изобретения вечного двигателя. Но все эти заявки при детальном рассмотрении и анализе механизмов оказываются утопией. За таким занятием быстро и незаметно проходило время и две недели ушли в небытие вместе с изобретениями. Неожиданно в стене образовался вход и в него вошел голубоглазый блондин высокого роста в точно таком же комбинезоне как у Леонида.

– Ваш карантин окончен. – Сообщил он, едва переступив порог, на ломанном русском языке.

– А что теперь? Попыты будете ставить на мне, как на кроликах? – съязвил Кразимов.

– Для опытов у нас достаточно материала. – Беспристрастно заметил вошедший посетитель, – Следуйте за мной. – В приказной форме пренебрежительно бросил он Кразимову.

– В газовую камеру? – снова съязвил Леонид, пытаясь вызвать раздражение у непрошенного гостя. Но тот не обратил на замечание узника никакого внимания. Леонид в крайнем раздражении последовал за своим конвоиром. Они вышли на ярко освещенную улицу огромного города. Аккуратные одноэтажные домики стояли по обе стороны широкой магистрали. Движения машин по ней небыло и это казалось весьма странным. Леониду показалось, что свет от освещения не похож на свет, который дают обыкновенные электрические лампочки. Словно солнечные лучи проникали в этот подземный город, освещая его яркими лучами. В этом искусственном освещении росли около домиков красивые цветы, в аккуратных палисадниках и везде было очень чисто. Под ногами был тротуар, вымощенный квадратным гранитным булыжником. Сопровождающий привел его в старинный двухэтажный особняк. Навстречу, из массивных дверей выбежал, сутулясь в белом халате человек, приветливо улыбаясь. Это был Коперник. Леонид от неожиданности потерял дар речи. Затем, оправившись от внезапной встречи, воскликнул: —Афанасий Петрович, Вы?!

Коперник перевел взгляд на Леонида. В этом взгляде Леонид прочел отчужденное непонимание, —Что он говорит? – обращаясь к голубоглазому блондину, спросил Коперник по латыни. Тот ему что—то ответил, затем обратился к Кразимову, —Вы напрасно узнаете в нем вашего бывшего ученого. Он не знает русского языка и никогда не жил в России. Мы все стерли с его памяти, наши технологии позволяют это сделать как, впрочем, и многое другое. Вы, наверное, заметили, что на нашей дороге нет движения, но это не так. Там могут ходить все пешеходы, не опасаясь, что кто—то может попасть под машину, просто средства передвижения движутся в ином временном пространстве, которое включается в кабине по мере необходимости и становятся невидимыми и не ощущаемыми. Ну да ладно все по порядку, мы оставили память только вам, потому, что ваши навыки и вы нам нужны, как пилот нашего летательного аппарата для выполнения важнейшей миссии.

– Значит Коперник уже не Афанасий Петрович?

– Нет! Это ученный—лаборант. Он трудится над проблемами генной инженерии по созданию новых видов живых организмов необходимых и подконтрольных нам. В свое

время мы вывели реликт, скрестив приспособленный организм живого вида к вакууму с человеком. Очень живучие и мыслящие существа. Они вышли из нашего контроля. Заселили Луну. Там их целый муравейник. Они возомнили, что создали Землю и Человека на ней для своего питания, отбирая для этого живительные токи, излучаемые людьми. Но, как видите, это не так.

– Мне кажется, что вмешиваться в процессы эволюции вредно и, как видите, не безопасно.

– Да. Мы поздно это поняли, к сожалению.

– И как же зовут бывшего Коперника?

– Адольф Францович. Ему очень нравится, когда его так называют. – Как—то неестественно прозвучал этот ответ, словно речь шла о собаке, но не как о человеческом существе. Леонид с любопытством стал наблюдать за Адольфом Францовичем, который заискивающе улыбался и заглядывал в глаза голубоглазому блондину, пытаясь поймать его благосклонный взгляд, который даже не взглянул ни разу на него, гордо шествуя ступенями крыльца, и уже открывал массивную дверь.

– В этом здании вы переоденетесь в комбинезон Общества Света, и будете изучать устройство и пилотирование наших летательных аппаратов и двигательных установок к ним. Затем мы будем использовать вас для полетов в наши галактические колонии. Ознакомьтесь с настоящим человечеством, не с тем из которого вы были изъяты.

– Мне не совсем понятно, о чем идет речь? – задал вопрос с нескрываемым любопытством Леонид.

– Вы войдете со временем в курс дел. Не все сразу.

Коперник, а ныне Адольф Францович бежал следом, как собачонка, униженно сутулясь, вызывая жалость и сострадание у Леонида.

– “Что, сволочи, сделали с человеком”, – подумалось Леониду, и в унисон добавил в слух,

– Он у вас, что объедками питается?

– Нет, питается отменно. Только вот его интеллект был очень сильный, пришлось подавить мозговые центры и возбудить некоторые животные инстинкты. Ну, вот то, что Вы сейчас и видите?

Леонид вздохнул с облегчением, значит, мозг не поврежден. Значит, как—то можно будет включить обратный процесс и восстановить его человеческий облик.

– А позвольте узнать? – обратился Леонид к сопровождающему. – А где же его жена? Ведь сюда он прибыл не один?

– Жена в репродуктивном боксе. У нас есть банк спермы, мы искусственно оплодотворяем женщин, которых отбираем из человеческого материала, и они рожают нам здоровых и крепких малышей, даже не подозревая об этом.

– Простите, но она, насколько мне стало известно, была уже беременна?

– Мы провели аналитический осмотр и выявили, что ребенок будет здоров, и она вынашивает его, после родов он станет нашим.

– Мне не совсем понятно, как может женщина не замечать рождение своего ребенка, которого она вынашивает девять месяцев, а затем в муках рождает его на свет?

– Мы владеем и управляем временными процессами. Женщины отбираются, рожают, затем все стирается нами из их памяти и они, как ни в чем не бывало, отправляются в постель к своему мужу в то время, из которого ее было изъято. Ни у женщины, ни у мужа нет подозрений о том, что репродуктивная функция выполнена. Некоторые из них рожают по семь, по десять раз.

– “Это же бесчеловечно!”, – подумал Кразимов, на минуту представил себе, как его Аню могут использовать эти монстры.

– Ваша Аня еще не созрела для этого. – Холодно заметил сопровождающий. – Нас уже свыше двух миллиардов в подземных райских городах, проживающих в полном коммунисти-

ческом обществе, о котором мечтали ваши вожди в свое время. Мы полезные идеи берем и используем их во благо Общества Света.

Они двигались по широкой лестнице устланной ковровой дорожкой из красного сукна обрамленной помпезными перилами. На втором этаже вошли в просторный кабинет. За столом сидел человек в красном костюме черной рубашке с красным, под цвет костюма галстуке. Вошедший пропустив вперед Леонида, стал в сторону, ноги поставил на ширину плеч, а руки сложил вместе, опустив вниз. Человек, сидевший за столом, колючими серыми глазами внимательно осмотрел Леонида, затем нервно вскочил со своего места и какой—то скачущей походкой почти подбежал к Кразимову,

– Вы испытали дисколет, и вы были инициатором винта на пространственном двигателе? – на ломанном русском стал говорить этот человек.

– Вы неправильно интерпретируете эффект завихрения пространства электрическим импульсивным винтом. – Сделал попытку поправить его Леонид.

– Мы управляем не только пространством, но и временем. Вы знаете, сколько времени прошло после окончания Второй Мировой войны? – вдруг нервно заговорил он.

– Причем тут эта жестокая война, унесшая столько жизней?

– Мы наблюдали, как велось строительство последнего секретного оплота поверженного Немецкого государства. А велось тысячами пленных разных национальностей. Их расстреливали и привозили новых, пока русские не навели порядка тут в Антарктиде.

– Да кто вы, в конце то концов? – вскричал Леонид

– Ты не сказал ему, кто я такой? – вдруг набросился хозяин кабинета на сопровождающего.

– Так вышло, не успел. – Оправдывался сопровождающий, – Но я исправлюсь и все подробно расскажу.

– Будь добр! Но сейчас не об этом. Я пригласил вас вот для чего. Наши опыты по генетике вышли из контроля. Теперь нам надо сдерживать тараканов—мутантов, населяющих Луну, которые с аппетитом устремили свои намерения на Землю. Короче мы планируем мирные переговоры. В Солнечной системе они для себя строили дополнительное жилище, планету в два раза меньше за Землю, пока не осенила их бредовая мысль переселить туда людей, специально отобранных для своих кулинарных потребностей. Остальных уничтожить под видом космической катастрофы, а Землю заселить, перебравшись в более комфортные условия. Как вы понимаете мы тоже часть населения Земли и не можем быть в стороне. – Человек замолчал, вопросительно заглядывая в глаза Леониду, что он скажет по этому поводу?

– Но это же ваши ошибки. Вы, наверное, знаете их слабые места и можете их нейтрализовать.

– Эти особи имеют поразительные свойства к самоусовершенствованию. Нам нельзя медлить. Фон Фирс, уведите, он мне надоел! – человек вернулся на свое место.

– Следуйте за мной. – Внезапно зло сказал Леониду фон Фирс. Кразимов поспешил выйти.

– Вы не понравились нашему шефу.

– Простите, почему у вас немецкое имя и почему вы даете немецкие имена?

– Чтобы выглядеть как человеческие существа, мы на протяжении поколений от человеческих женщин отбирали младенцев и стали давать имена той нации, которая преуспела в техническом прогрессе и в установлении контакта с нами.

– Да кто вы, на самом деле?

– Мы жили здесь на Земле в Антарктиде, пока не произошла смена полюсов, и нам пришлось, срочно переселяться в подземные города. Обладая знаниями, мы стали осваивать эти пещеры и превратили их в земной рай. Но в связи с катастрофой мутанты сбежали на Луну и там обосновались, создав альтернативное государство. Мы сосуществовали мирно, пока

не появилась угроза нашего уничтожения исходящей от них. И мы стали давать земные имена, чтобы приблизить себя к человеку, чтобы легче войти в контакт и легче получать репродуктивный материал для поддержания численности нашего населения.

– Вы фон Фирс, нашли с кого брать пример?

– У нас не было ни выбора, ни времени. Мы постоянно улучшаем породу и свою и человека.

– Видно, как вы улучшаете породу?

– Ну, об этом мы еще поговорим. Я отведу вас в ваш дом. Будете там жить. А затем обучим вас управлению нашими аппаратами. Наш дисколет во многом превосходит ваш допотопный. Вы будете выполнять регулярные рейсы на Луну. Нам необходимо установить контакт с Селенитами. Мы следили за вашим посещением Луны. Селениты никогда никого не оставляют в живых, уничтожают всех, кто к ним попадает. Вас оставили в живых и даже отпустили. Поэтому мы возлагаем на вас большие надежды.

Они вышли из здания и направились к строениям особняков похожих друг на друга, как близнецы. Лучи искусственного освещения уже окрасились в вечерние тона, полностью имитируя лучи заходящего солнца.

– Как в настоящем Эдеме! – попытался пошутить Леонид.

– Система отработана до мелочей и отлично имитирует заход и восход солнца, а природная вентиляция прекрасно сохраняет свежесть воздуха. Настоящий земной рай.

– Скажите, а вы не пробовали изменить порядок вещей. Открыться человечеству. Вступить в контакт. Поделиться знаниями.

– А вы, что, Леонид, с Луны свалились? Не видите, что может произойти с этими знаниями, в случае если о них узнает человечество? Вы хотите новой Второй Мировой, так, что ли? Мы живем без болезней, владеем возможностью общаться с другими мирами. И далеко ушли в развитии от человеческой расы.

– Ну, что ж, раз угроза уничтожения человечества Земли и самой планеты так актуальна то это благородная миссия. Я готов взяться за ее выполнение. Только у меня будет одно условие.

– Никаких условий. Тут мы диктуем условия и требуем беспрекословного их выполнения. Вам это ясно?

– Ясно, господин фон Фирс! – съязвил Леонид. – Вы набрались плохих примеров, кому дали убежище здесь в подземном раю.

– Нам надо было поближе изучить повадки людей их нравы и законы, по которым они живут. – Начал оправдываться фон Фирс.

– Ну, а просьбу вы мою выслушаете?

– Просьбу? Да, говорите.

– Я хочу знать правду, что произошло с генералом Гариновым и его супругой Эльзой Эдуардовной, а также с моим старинным приятелем Собиновым Петром?

– Не хочу вас разочаровывать, но мы отправили их в нашу колонию в Чили. Они там будут коротать остаток своих дней. Можете не сомневаться они там. Правда, генерал вначале упирался, не хотел признавать наше существование. Затем смирился, ведь выбора у него небыло. А с Петром Собиновым, это отдельная история, если вы его переубедите в сотрудничестве с нами он останется жить. Ну, вот пришли.

На калитке висела табличка под номером 10 и там была надпись немецким языком штрассе.

– Идите, устраивайтесь. Завтра я найду за вами ровно в шесть. Сверим часы.

Леонид взглянул на свои часы. Они сверили время. Кразимов подвел стрелки на три часа вперед. Прощаясь до завтра, фон Фирс сказал, —За хорошую службу мы наградим вас тем,

что вы сможете не только повидаться с семьей, но и забрать их сюда и в дальнейшем увидаться с генералом Гариновым. До завтра и приятных вам снов.

Когда его фигура скрылась за поворотом тротуара, Леонид вошел в калитку. Леонид не мог поверить в то, что он выпущен на свободу и наконец—то предоставлен самому себе. Хоть и до 6—ти утра, но все—таки самому себе. Эта частичка свободы после двухнедельного заточения, как казалось Леониду, как глоток воздуха задыхающемуся, как глоток воды после длительной жажды, как свет в конце тоннеля. И он, по цементной дорожке, обсаженной красивыми цветами с обеих сторон, направился к крыльцу домика. Аккуратный дворик, огороженный низким забором, палисадник и чисто выбеленные кирпичные стены домика, все это напоминало Леониду нечто из театральных декораций перед началом спектакля. Входная дверь в дом была выполнена из спрессованного материала, замаскированного окраской под цвет дерева. Леонид внимательно осмотрел эту дверь и увидел, что в это плотно спрессованный бумажный материал. Ему снова показалось, что домик этот просто-напросто муляж, декор, придуманный для какой—то театральной пьесы, стоит толкнуть эту входную дверь, открыть ее и наткнешься на сплошную стену. Ему вдруг захотелось поскорее проверить это. И он резко дернул за дверную ручку. Ни замка, ни запорных защелок на ней не оказалось. Внутри открылось уютное помещение с небольшой кухней, санузлом, ванной, коридором и спальней. Он сразу же прошел в спальню. Шкаф, стул у стола, который стоял у единственного окна, да широкая деревянная кровать, вот и все внутреннее убранство жилища. Сквозь прозрачное стекло еще пробивались вечерние лучи искусственного освещения. Соседние домики, точь-в-точь такие же, как и его домик, закрывали дальний пейзаж и вид. Леонид не долго смотрел в окно. Он разделся, прошел в ванную. Принял душ и спустя минуту уже был в постели. Постельное белье было чистым и выглаженным. Пахло свежестью. Он скоро и быстро уснул...

Собинов понуро сидел на деревянной кровати в комнате своего заточения, точь-в-точь похожей на комнату в которой проходил двухнедельный карантин Леонид Кразимов. Опустив голову, и не думая ни о чем, замкнувшись в самом себе, как в неприступной крепости, покорно ожидая приговора судьбы. Изо дня в день, вот уже третий месяц, как умалишенный, он смотрел в одну точку, сосредоточившись на ней, прогоняя мысли прочь. От этого ему становилось не так тягостно, и время тянулось не так медленно. В один из таких дней, внезапно открылась дверь в стене и в его комнату вошли двое, Леонид и фон Фирс. Собинов сидел безучастно, уставившись в одну точку перед собой. Леонид с любопытством и с состраданием смотрел на него некоторое время, затем обратился к нему, —Петр, это я Леня, посмотри на меня!

Собинов медленно поднял на Леонида затуманенный отсутствующий взгляд, —У меня нет знакомых под таким именем. — Ответил он, безучастно глядя незнакомым Леониду взглядом. Кразимов воспрянул духом. Значит, друг еще воспринимает действительность.

— Послушай, Петр, мы здесь оказались по воле случая. Вспомни, друг, как нас учили, что с любой ситуации надо искать выход, и он обязательно найдется.

— Ты предал нас. Дело, которому мы служим. — Вдруг натужно выдавил из себя Собинов, — Ты служишь им? — он перевел взгляд на фон Фирса.

— Я служу человечеству, пока мы союзники и трудимся плечу к плечу на благо этого самого человечества.

— И каким образом? Предавая друзей?

— Мне необходимо, чтобы ты меня понял. Я был в плену на Луне у Селенигов. Это мутанты, угрожающие Земле и всему живому на ней. Мутанты, произведенные на свет двадцать тысяч лет тому назад для выполнения различных сельхоз работ цивилизацией, жившей в Антарктиде до ее обледенения. Когда началось обледенение монстры из послушных рабов, безропотно обрабатывающих сельскохозяйственные угодья превратились в бесконтрольное стадо, посягнувшее на устои порядка Общества Света. Их изолировали Антарктиды, путем переселения на Луну, так как у них была способность жить в вакууме. Население материка

вернулось в подземные земли Общества Света. Теперь спустя тысячи лет, мутанты превратились в угрозу для Земли и для всего человечества. Благо, что есть могущественная цивилизация, способная еще справиться с ними и спасти себя, а заодно и нас землян и Землю. Они обучат нас, дадут нам в руки оружие невиданной мощи и предлагают нам включиться в их борьбу против Селенитов. Почему бы нам не взяться за это благородное дело?

– Как же ты остался в живых?

– Селениты отпустили меня с тем, чтобы я передал послание от них о том, чтобы больше никогда земляне не посещали Луну. О том, что это их территория, и они де никогда не пустят человека на Луну. За то, что я передам это послание, они меня отпустили.

– Ленья, если это правда, неужели я откажусь сотрудничать? Неужели я откажусь вместе с тобой бороться с этой напастью?

– Фон Фирс, Вы слышали? – торжествовал Леонид, – Он согласен сотрудничать.

– Очень хорошо. Я даже не буду возражать, чтобы Петр Собинов переселился в ваш дом. Вместе с ним вам будет комфортнее.

– Ты слышал, Петр?

– Слышал и готов к постановке задач!

– Я доложу шефу о вашем решении.

Леонида давно мучил вопрос, кто на самом деле такой их шеф? И он спросил об этом фон Фирса. Тот ответил, — Это Верховная личность, отобранная из числа претендентов на власть в Обществе Света. Его зовут Ареал. – Ответил фон Фирс с гордостью.

– У людей нет ни у одной цивилизации такого имени. – Возразил Леонид, – Почему такое имя у Вашего вождя?

– Ему дают такое имя на время выполнения своих высоких обязанностей.

– В миру, интересно, какое у него имя? – допытывался с любопытством Леонид.

– В миру? – терпеливо, но с неохотой отвечал ему фон Фирс, – В миру, его зовут маршал Антрак. – произнося это имя, его холодный взгляд потеплел, а рот искривила гримаса похожая отдаленно на улыбку.

– Тут была база фашистов, которую затем мы превратили в этот чудесный оазис. Есть сказочные места под землей, чем эта часть. Но мы ждали, когда они благоустроят этот уголок, затем разоружили их и утомили их пыл. Они стали впоследствии нашими гражданами, а многие их навыки в государство—строении перешли к нам, так сказать, произошло вливание свежей крови. Сейчас от бывших немцев ничего не осталось, они благополучно ассимилировали и растворились среди Антарктидцев, но остались некоторые имена и четкое строительство системы управления хозяйством и армией. Это позволяет нам лучше видеть своих врагов и бороться с ними. – фон Фирс умолк, давая понять, что он высказался. Его лицо приобрело холодное выражение, безучастное ко всему.

– Ну а все—таки, на сколько избирают вашего Верховного вождя, господина Ареала? – не унимался Леонид.

– Избирают на четыре года, затем можно переизбирать на следующий срок и так далее, до способности выполнять миссию Верховного вождя. Вы что—то стали много задавать отвлеченных вопросов. Надо заниматься делом.

– Я готов! – сразу же согласился Собинов, увидев перспективу и благородство цели.

– Тогда вперед, за мной. – Скомандовал фон Фирс. – Вначале совершим экскурсию. Я проведу вас по нашему Обществу Света, что бы вы имели представление, о том с кем вам придется жить, кого защищать и чьими достижениями пользоваться.

Неожиданно вмешался Собинов, — Кого защищать нам известно. Нашу многострадальную Землю и живущих на ней людей, от очередного нашествия из внешнего пришествия.

– Но, пока мы союзники и этим все сказано? – твердо подчеркнул фон Фирс. И добавил,

– Неугодных нам преступников мы безжалостно уничтожаем. У нас нет тюрем и у нас везде порядок. Как вы, Леонид, – он посмотрел в сторону Кразимова, – успели заметить, на дворях наших домов нет замков и запирающих задвижек. У Общества Света нет понятия, что такое воровство и, что такое воровать?

– Да, я уже успел заметить. Успел так же заметить и методы вашей работы.

– Ради всеобщего блага все методы хороши. Но эти методы применяются нашей службой внешней разведки и охраны спокойствия Общества Света. Каждый член нашего общества Света занят своим делом, имеет бесконечную свободу и живет без болезней, сколько хочет. Обычно это в среднем пятьсот лет и более. Если человек нашел занятие, ученный, например, он продлевает свою жизнь до тысячи и более земных лет.

– Вы говорите фантастические вещи? – воскликнул Петр, – В которые верится с трудом.

– Вы сами все увидите. – Спокойно отвечал фон Фирс. В это время они уже двигались по знакомому Леониду тротуару к обозначенному месту, в виде заезда автобуса на автобусной остановке. Когда фон Фирс подошел к этому заезду, вытащил из кармана ключи с черным мигающим брелоком и нажал кнопку. Мгновенно на поверхности возник автомобиль, внешне похожий на немецкую легковую машину Мерседес, только без привычных для нашего глаза колес. Она просто висела в воздухе.

– Не понимаю, почему нет колес? – Наивно спросил фон Фирса Петр.

– Объяснять не буду, поймете сами, когда будете изучать устройство наших дисколетов.

А пока усаживайтесь на задние сидения. В машине медленно открылись с обеих сторон дверцы. Леонид и Петр уселись на предложенные места. Фон Фирс, манипулируя кнопками на передней панели автомобиля, задал программу бортовому компьютеру и, повернувшись к пассажирам, стал объяснять, —Автомобиль по заданной программе доставит нас к входу в наш подземный мир, в царство Общества Света.

– Я что—то не могу понять, начал говорить Собинов, – Вы что—то путаете? Или я что—то не совсем внятно разумею?

– Что вы имеете в виду? – невозмутимо спросил фон Фирс.

– То, что там жидкая и расплавленная магма, а в центре железное ядро.

– Так вот, что я вам скажу, может, вы мой ответ посчитаете не совсем адекватным, но факт есть фактом. Внутри Земли, вместо ядра светит нам наше солнце и днем, и ночью. Оно светит всегда, и мы не знаем, что такое ночь, а что такое день. У нас день всегда. Наше солнце – это белый карлик. Его лучи стабильны и дают нам прекрасные урожаи наших культур, приспособленных к непрерывным лучам этого теплого и удивительного солнца. У нас есть все, что необходимо для стабильной и процветающей жизни. Много миллионов лет мы жили в раю, поэтому нам так тяжело найти порой общий язык с человеком, живущим всего несколько тысяч лет на поверхности Земли. Там на поверхности Земли был прекрасный материк Акватория, вы его называете Антарктида. Мы выходили на поверхность в районе этого материка и проводили там свои развлечения, которые заключались в охоте на диких зверей. Это продолжалось всегда и тысячелетия пока нашему Верховному Ареалу не взбрело в голову стать еще и царем. На поверхности Земли в живописной долине был построен город Аква полис. Вы его называете Атлантидой. В центре этой долины, окруженной горами, была возвышенность, на которой он приказал воздвигнуть дворец и обнести его каналом, наполненным протекающей из горной реки водой. После завершения строительства стали развиваться отношения с дикими племенами, которые воспринимали атлантов, прилетающих дисколетами за богов. Вследствие этих контактов и дальнейшего развития наук был совершен ряд ошибок, приведших к необратимым последствиям в природе. Вследствие сдвигов полюсов и дальнейшего их смещения началось обледенение материка, а неудачи в генной инженерии привели к высылке на Луну мутантов с целью их уничтожения там.

– А они возьми, да и приспособься к вакууму, не так ли фон Фирс? – съязвил Собинов, не удержавшись от соблазна вставить свой голос.

– Вот вы там со своим товарищем и разберетесь, кто там из них приспособился к вакууму, а кто как выжил, да? – парировал фон Фирс. Спасти положение попытался Леонид, —Я не очень-то понял, как внутри Земли образовалась и существует эта полость, да еще и с солнцем вместо ядра?

– Очень простой пример. – Начал объяснять, как не в чем не бывало фон Фирс, – Размешайте ложечкой чай в стакане. Посмотрите, где собираются чайинки? Одни стремятся к центру, другие к краям, а между ними возникает свободное пространство. Вот так и произошло с Землей. В центре образовалось плотное ядро из тяжелых металлов, которое впоследствии взорвалось с выбросом большого количества газов, и кора Земли вздулась, образовав полость покрытую толщей поверхности в 30,00 км. Вот в этой—то коре и происходят еще те доисторические явления, формирующие вулканы и сдвиги тектонических плит на поверхности, сопровождаемые землетрясениями и выбросами вулканической магмы. Входы в этот подземный рай есть, как на Северном полюсе, так и на Южном полюсе.

– У Вас, господин фон Фирс, есть, наверное, своя столица Общества Света? – спросил Собинов.

– Да, конечно. Я покажу ее вам. Она называется Шамбала. Вот как раз мы уже на подходе к входу в земли Общества Света, расположенному в центре Южного полюса.

Машина подлетела к огромным металлическим воротам, похожим на шлюзовые ворота в судоходных каналах. Вся поверхность ворот была инкрустирована фигурками из жизни Общества Света от далекого прошлого до наших дней. Фон Фирс не уставал комментировать увиденные ворота в подземный рай, —Это вход он откроется только тогда, когда я дам на приемное устройство свой код или пароль, или заветное заклинание, называйте это, как хотите.

Он вышел из машины и приблизился к створке ворот с права. Остановился там и что —то проговорил в приемное устройство, светящееся в виде экрана компьютерного монитора. Створки начали сдвигаться, образуя проход внутрь светящегося пространства.

– Это наше солнце уже видно его сияние здесь. – Усевшись в свое кресло водителя, комментировал фон Фирс, – Раньше этих ворот не было. Две с половиной тысячи лет тому назад их воздвигли из—за возникающей угрозы со стороны селенинов.

– А как же резиденция Верховного, господина Ареала? Мне кажется, что там никакой защиты нет? – спросил Собинов.

– Это не так. Там установлены новейшие средства в невидимом ином временном пространстве.

– Получается так, что Ареал ваш вроде приманки и служит, так что ли?

– Если Вы, господин Собинов, будете неуважительно отзываться о нашей Верховной личности, мы сочтем вас не пригодным для выполнения столь высокой миссии, как защита Земли от вторжения с соответствующими выводами по этому вопросу. Вам это ясно?

Собинов отвернулся и смотрел в окно, где мелькали коричневые стены огромного входа в подземное Общество Света. Фон Фирс холодно смотрел в сторону Собинова, затем голосом, не терпящим возражения, спросил, —Не слышу?

– Да, ясно! – ответил, еле сдерживаясь от злости, Петр...

Глава восемнадцатая

Леонид прислушивался к перепалке Собинова и фон Фирса, и не вмешивался. Он с интересом наблюдал за стремительным падением автомобиля в бездну пропасти, в так называемый вход в полость Земли, в которую он мало верил. И когда машина вдруг вынырнула из этого кошмарного падения, и почему—то вверх, и зависла над пропастью, из которой они минуту назад еще неслись в головокружительном падении, это казалось неестественно неправдоподобным фактом. В крайнем изумлении Леонид спросил фон Фирса, —Мы, кажется, падали и вдруг взмываем в высь?

На что холодно и без каких-либо эмоций сообщил тот, —Мы прибыли, господа!

Петр и Леонид удивленно рассматривали зеленые лужайки, поросшие сочной и остро пахнущей травой. Сады вечно цветущие и темнеющие леса вдали. И все это согревали нежные и теплые лучи солнца, висевшего в зените неподвижно. Температура окружающего воздуха была не больше 27 градусов по Цельсию. А сам воздух переполнен ароматами цветущих повсюду растений и пением невиданной красоты птиц. В голубом просторе небесной выси неподвижно клубились белые облака. Стояла чудесная безветренная погода.

– И так из столетия в столетие. – Объяснял фон Фирс, – В таком раю и в нашем Эдемском саду установились прочные и неизменные колонии птиц и растительности. Общество Света живет здесь в достатке и ни в чем не нуждается. Сейчас едем во дворец к Верховному Ареалу.

– Я что—то не пойму, господин Фирс, он же остался на верху в открытом мире?

– И так и не так! – уклончиво отвечал фон Фирс, – Я же вам говорил, что мы владеем защитой.

– Так кто же там был? – не сдержался молчавший Собинов.

– Это было голограммное изображение Верховного Ареала, имитация, запрограммированная имитация. Вы, Леонид разговаривали с компьютерной версией Верховной личности.

– Не может этого быть? – возмущенно, и в полном неверии, отозвался Кразимов, – Я же ощущал дворец. Ступени, по которым мы поднимались, перила лестницы, наконец?

– Да! Это верно так. Кстати мы как раз подъезжаем ко дворцу Верховного Ареала.

Леонид и Петр удивленно переглянулись.

– Это как же так получается, что мы не падаем на это внутреннее солнце? – спросил Леонид.

– Вы же, Леонид досконально изучили открытие профессора Колесникова о выталкивании пространства, Вы это называете гравитационной силой. Смеею заметить, если бы не существовало этого природного явления "выталкивания материи пространством" не было бы нашего внутреннего солнца и небыло бы ничего в природе.

– Да, конечно, мы подвергаемся силе выталкивания пространством, и эта сила действует одинаково как снаружи, так и изнутри Земли и, конечно же, заставляет висеть солнце во внутреннем небе. Как это до меня сразу не дошло, удивляюсь? – завершил пространное рассуждение Леонид.

– А как вам удалось смоделировать точную копию дворца там, на верху? – задал вопрос уже Собинов.

– А вы, что не знакомы с цепной реакцией, от которой чуть не погибли все вместе с нами? – вопросом на вопрос ответил Фирс.

– То есть вы просто-напросто смоделировали по образу и подобию дворец там, на верху точную копию этого строения, что мы видим, из пространства? – ответил сам себе Собинов.

– Вот видите, Собинов, вы осведомлены в некоторых вопросах даже лучше, чем я? – сказал фон Фирс. В его словах прозвучали нотки неприязни к Петру. Леонид отметил про себя: —"Надо быть поосторожнее в выражениях с этим самодуром фон Фирсом".

– Вот, вот, Кразимов, поосторожнее? – прочел мысли Леонида фон Фирс и сделал замечание. Леонид покраснел, это заметил Собинов и улыбнулся, скрывая улыбку от друга, отвернулся к окну. В это время автомобиль остановился у крыльца. Те же ступени, та же лестница внутри здания, устлана красным сукном. Фон Фирс шествовал впереди. Его белокурые волосы, как маяк, указывающий путь кораблям, маячили перед друзьями, еле успевавшим за широкой и быстрой поступью этого человека. И лишь в кабинете Верховного Ареала им удалось перевести дух. И снова из-за своего рабочего стола, как и его компьютерная голограмма, выбежал своей танцующей походкой Верховный. Он был невысокий с тщедушной фигурой, и очень энергичный.

– Я приветствую вас в Эдеме! – он выжидательно осмотрел друзей, не дождавшись никакого ответа, продолжил, – Да, да в Эдеме! Вам не послышалось.

– Вы хотите сказать, что тут Библейский Рай? – не удержался, чтобы не спросить, Собинов.

– Вы! Как вы смеее обращаться ко мне не по этикету? – топнув ногой, закричал Верховный Ареал.

– Меня никто не знакомил с правилами Вашего этикета? – не моргнув глазом, ответил Петр.

– Фон Фирс, Вы, почему не предупредили их? – набросился Ареал на своего подчиненного.

– Простите Ваше Высочество, но в мои обязанности это не входит. Моя задача была найти их и доставить в ваше распоряжение, что я и сделал. Но поскольку вы настаиваете, то я...

– Молчать! Вы не даете отчета, с кем говорите и в каком тоне?!

Возле Верховного мгновенно материализовались два угрюмых охранника в камуфляже и с оружием. Ареал смерил их недружелюбным и злым взглядом:

– Я, что, вас звал? Убирайтесь! – заорал он на них. Охранники исчезли.

– Ну, а вы, – он обратился к прибывшим, – будете называть меня Ваше Высочество. Повторите! – приказал он и закрыл глаза, приготовившись слушать ласкающее слух обращение. Леонид и Петр хором выпалили, — Ваше Высочество!

На лице Его Высочества отобразилась блаженная улыбка.

– Ну, вот видите, как это просто? – сказал он, потеплевшим голосом и перевел взгляд на фон Фирса, – Пошел вон. Надоел, хуже горькой редьки.

Фон Фирс спокойно повернулся и вышел.

– Так вот, – начал Верховная личность говорить оставшимся Леониду и Петру, – так вот, вы будете выполнять миссию нашу на Луне. Мы хотим очистить Луну от ошибок прошлого, и в этом вы сыграете первостепенную роль. Инструкции получите у фон Фирса, который сейчас стоит за дверью. Включился и читает мои слова—мысли телепатическим путем. И уже фон Фирсу сказал, — Забери их и на курсы, и на тренаж!

– Слушаюсь, Ваше Высочество! – ответил фон Фирс, возникая из пространства перед Верховной личностью, которая вдруг стала таять в воздухе и исчезла совсем.

Неожиданно в стене появилась раздвижная дверь, и к ним вышел седовласый человек с длинной и седой бородой. Он был в старинных одеждах. Леонид, увидев его, стал видеть перед собой сошедшего к ним святого, подумав про себя: — “Как на иконе, неужели мы, в самом деле, в Божественном Раю?”

– Ты не ошибся, сын мой. Ты в Раю, точнее в святом Эдеме. Меня зовут Тео, я Верховный Жрец некогда величественного храма на разрушившейся планете Фаэтон. Мне очень много лет, я даже не буду говорить сколько, чтобы не уводить твои мысли в глубь веков. Некогда там, на Фаэтоне была ключом жизнь, но алчность и жажда власти погубили планету. Мы, ученые планеты решили спасти Человечество Фаэтона и стали искать планету пригодную для переселения, но только тогда в те далекие времена Земля была непригодна для обитания. Мы

взяли генетические материалы у добровольцев и стали ждать. Когда я открыл глаза, на планете Земля бурлила жизнь. Здесь в Эдеме у нас была лаборатория, которую мы перенесли из одного из спутников Марса. Мы основали здесь город, нашу столицу, святую Шамбалу, по образу и подобию нашего святого города, который был на Фаетоне, он назывался Шомон. Теперь в Шамбале хранятся сокровенные знания, собранные во благо и процветание Человечества. Ты, наверное, следишь за появлением новых открытий, которые возникают в умах ученых. По мере развития общества мы открываем постепенно с предосторожной осторожностью эти знания и даем их людям. К сожалению, находится еще на Земле зло, с которым нет возможности бороться, и оно крадет у нас эти знания и во зло дает людям. Так были произведены мутанты Селениты. Мы вынуждены теперь изыскать средства, чтобы отвернуть агрессию с их стороны. И вы оба нам поможете в этом, как некогда свою миссию выполнили ваши коллеги, успешно прививая гены на человекоподобные существа.

– Уважаемый Жрец Тео, мы будем счастливы, с моим другом включится в эту миссию! – ответил Леонид искренне и с нескрываемым энтузиазмом.

– А как же Адам и Ева, Библейские персонажи?! – невозмутимо спросил любопытный Петр.

– Мы ускорили их развитие. Здесь в Эдеме они получили все необходимые знания и переданный нами опыт для организации Человеческой Расы на Земле, что было воплощено в Антарктиде. Я буду называть очаги культуры знакомыми вам именами. Они в последствии основали город, столицу Атлантиду. Мы дали им знания, которые были нами, даны еще не совсем созревшей Расе. Из—за этого появились эти мутанты и прочие невидимые существа, такие как Снежный человек и другие, которые не смогли дожить до ваших дней из—за катаклизма возникшего по вине зла в Атлантиде. Мы сделали выводы, но зло тоже не спит. Вы видели Верховного Ареала, этот человек, ученый нового поколения, возомнивший из себя Верховную личность. Он не остановится не перед чем.

– Мы же только что беседовали с ним.

– О, молодой человек, это компьютерная версия, так он выглядит и ведет свою деятельность в пещерной своей столице, где на него работают изобретенные им мутанты, обладающие сверхчеловеческими способностями, которыми он наделяет их. Но ему удалось создать механизм всецелого контроля над ними, поэтому эти организмы преданно служат ему, и будут служить. Смею заметить, что угроза со стороны Селенитов касается и его подземного царства, поэтому он не будет препятствовать вам в выполнении вашей миссии, а в некоторых случаях даже содействовать вам. Фон Фирс доверенное лицо Верховного Ареала, он будет руководить вашей подготовкой и дальнейшими действиями. Только на таких условиях Ареал согласился быть нашим союзником. У меня все. Дальнейшие указания будете выполнять фон Фирса.

Жрец Тео, медленно повернулся и вошел в дверь, которая тут же закрылась и исчезла со стены. На том месте не осталось и следа от бывших минуту назад раздвижных створок входа.

– Мы сейчас проследуем в нашу школу. – Сообщил фон Фирс. Собинов и Леонид вышли вместе с Фирсом. Необычайный насыщенный ароматами воздух без единого ветерка встретил их появление. Солнце непривычно светило все так же на одном месте в зените.

– И днем и ночью наше солнце светит миллионы лет. – Объяснял фон Фирс, бросаясь фразами, как дикарям бросают объедки со стола пирующих захватчиков. Собинов не сдержался, чтобы язвительно не спросить: —Как же вы спите, когда днем и ночью всегда день и ночи нет никогда?

– Наша цивилизация никогда не спит. Их сон – это отсутствие мыслей. Отсутствие мыслей может длиться от шести до десяти часов и это будет сном.

Петр не сдавался: —Мне не совсем понятно, как можно заставить себя не думать, да еще десять часов к ряду?

– Вот поэтому то мы и едем в тренировочный центр, где вас научат этому. Необходимо научиться этому, потому, что Селениты с легкостью читают мысли и вся ваша миссия может сгореть синим пламенем. – Отвечал наставительно Фирс. – Садитесь в машину и уже едем...

Друзья уселись, и машина тронулась. Они ехали, вернее, неслись над зеленью, трав и цветов, не касаясь стеблей, а Фирс неустанно давал свои комментарии, – Вся эта растительность, что вы видите, это прародители растительности вашего мира. Сначала это было выведено здесь, затем семена перенесли наверх и засеяли и уже из семян появились реликты, которые на протяжении веков приспособились к условиям климата. Так появился растительный мир на вашей стороне планеты.

Леонид не вступал в дискуссии с Фирсом. Он неотрывно наблюдал из окна автомобиля за мелькающими райскими пейзажами и обратил внимание на то, что дорог нигде не было. Везде росла трава и деревья и только возле аккуратных домиков были дорожки.

– Вы, что никогда не выходите из своих домов? – первым спросил Петр, успевший заметить именно это.

– Нет, почему же? Мы владеем приемами телепортации. Это следующий навык, которому вас обучат. Когда Селениты возьмут вас в плен...

– Позвольте? – перебил его Петр, – Как это возьмут в плен? Вы, что готовите нас для сдачи в плен Селенитам?

– Я вас, господин Собинов, уже предупреждал, если вы будете не по существу перебивать меня, мы сочтем вас не нужным материалом и просто устраним от выполнения миссии. Вам это о чем—то говорит? – Воцарилось неловкое молчание, которое первым нарушил Фирс, — Не слышу? Говорит, господин фон Фирс?!

– Вы уничтожите меня, затем сожжете мой труп, а пепел выбросите, как ненужный мусор, в океан? Я правильно Вас понял? – продолжал язвить Собинов.

– И это не шутки? Всегда помните об этом. Но прежде, чем Вас умертвить, мы используем Вашу плоть для целой серии очень болезненных экспериментов. Мы нация рациональная и ценными материалами не разбрасываемся. Помните об этом. Вам все понятно?

– Понятно! – процедил сквозь зубы Петр. Леонид, в это время слушал их перепалку настороженно и болезненно воспринимал этот назревающий конфликт, который в любую минуту мог кончиться печально для его друга.

– Итак, – продолжал Фирс, – мы обучим вас телепортации, для того, чтобы вы смогли переместиться из плена Селенитов сюда в Эдем. Давайте-ка будем познавать все по порядку и не все сразу. Вам понятно, господин Собинов?

– Понятно, господин фон Фирс. – Скрепя сердце, ответил Петр. Он хотел еще что—то высказать, но вовремя Леонид сдвинул ему ногу, наступив ботинком на носок его обуви. Петр сдержался...

Они подлетели к одноэтажному зданию с двумя массивными колоннами у входа.

– Видите эти колонны? – спросил фон Фирс, и, не дождавшись ответа друзей, ответил им сам, – Это контролирующий элемент. Установлен этот элемент для контроля непрошенных гостей со стороны Селенитов. Селениты хорошо осведомлены о наших намерениях и не прочь разузнать, что мы собираемся предпринимать против них?

– И, что им невозможно проникнуть, ну, скажем, в окно или в форточку? – ехидно спросил Собинов. Фон Фирс на сей раз, не высказал неприязненной тирады, а снизошел до ответа Петру, — Видите ли, Петр, действие этой установки определяется сферой радиусом в сто метров. Так что и сверху, и снизу, под землей, всякое проникновение исключено. В сфере этого аппарата ни мысли, ни ваши действия не будут сняты неприятелем.

– А каков принцип действия установки? – спросил Леонид.

– Он основан на энергетике психических импульсов, излучаемых мозгом человека при мышлении и работает так, как будто создает мысли помехи, которых не ощущает человек,

но неприятель, при этом, не способен уловить его мысль. Вы будете изучать это психологическое оружие воздействия, не торопитесь. Вы будете жить здесь под полной защитой поля создаваемого защитной установкой до полного освоения курса школы.

Они вышли из машины и проследовали за фон Фирсом во внутрь здания...

Глава первая, Книга – VII, Эдем

Анна Кразимова открыла глаза, лежа в постели. Ее разбудил настойчивый звонок в дверь. Уже три долгих года никаких известий от Лени. Хоть и сообщили ей о том, что ее муж пропал без вести. Но в глубине души ей не верилось в это страшное известие. Она ни на минуту не сомневалась в том, что ее Леня жив и когда-нибудь подаст весточку о себе. И вдруг этот звонок в дверь. Она сонно взглянула на часы, мерно тикающие в углу, свадебный подарок генерала Гаринова Алексея Алексеевича. Стрелки этих массивных антикварных часов показывали без десяти минут девять.

– Снова проспала. – Подумалось ей, – Опять будут ворчать в детском садике воспитательницы Димочки».

Она вскочила с постели, накидывая на ходу халат на ночную рубашку, и выбежала в коридор, направляясь к входной двери. На пороге стоял почтальон.

– Распишитесь, пожалуйста. – Сходу, сказал он.

– За что я должна расписываться? – настороженно спросила Аня.

– Вам пришло письмо из-за границы с уведомлением. – Настаивал почтальон. Он, очевидно, торопился и в нетерпении протягивал регистрационный журнал с красным бланком уведомления. В журнале напротив ее фамилии стояла свободная клеточка.

– Такие журналы обычно на почте имеются и туда ходят для получения заказных писем с уведомлением. – Отвечала Аня.

– Мне некогда с вами, мадам, вести дискуссию по этому поводу, поэтому прошу вас, распишитесь. – Он ткнул пальцем в графу, и дал ей ручку для росписи. Аня, вздохнула, и поставила свою подпись.

– Пожалуйста, и здесь. – Он показал ей свободную графу на красном бланке уведомления. Аня снова вздохнула и расписалась на бланке. Почтальон в свою очередь вздохнул и выразительно посмотрел в глаза Ани, вручая конверт. На конверте был чилийский адрес и почти весь он был обклеен красивыми марками. Странный был этот конверт, без обратного адреса и без имени отправителя. На нем лишь значилось, что это Чили, «Вилла Бавария». Аня удивленно рассматривала конверт, вертя его в руках, неожиданно вспомнив о том, что надо вести Диму в детский сад, бросила конверт на столик у зеркала.

– Мама? – услышался голос малыша из соседней комнаты. – Что, папа пришел?

Аня глубоко и чувственно вздохнула, —Нет, сына, это был почтальон. Принес, какое-то письмо.

– Печкин? – серьезно спросил малыш. О почтальоне он знал из знакомого мультфильма и искренне верил в то, что однажды и в их дверь постучится почтальон и непременно это будет почтальон Печкин из Простоквашино и принесет то заветное письмо от папы, которое так он ждет и надеется, что все равно отец непременно напишет ему и маме. Просто папа очень занят и ему некогда. Всякий раз, как день подходил к вечерней заре, и Диме приходила пора, ложится спать, он думал об одном и том же, что наступит следующий день и письмо придет завтра.

– Мама, а это письмо от папы? – Спрашивал с нескрываемым любопытством сын.

– Нет, снова из какой ни будь христианской секты с приглашением прийти на собрание.

– И ты пойдешь?

– Конечно, нет, сынок, у меня много дел и дома и на работе.

Дима вздохнул, как совсем взрослый. На пороге своей комнаты показался мальчик пяти лет в пижаме расписанной цветными картинками из грибов и бабочек. Он сонно потер глаза кулачками и вошел в туалетную комнату.

На улице день встретил Аню мартовской оттепелью. Хмурое небо укрыто тяжелыми свинцовыми тучами. Падал редкий мокрый снег с крупными каплями дождя. Порывы холод-

ного ветра бросали мокрую хлябь в лицо, задувая холод под шарф. Кутаясь и стараясь, отвернутся от брызг, по набережной Москвы реки Аня шла с Димой к детскому саду. Малыш крепко держался за руку матери, и они вскоре вышли к перекрестку, где на противоположной стороне улицы был детский садик.

– Вы бы еще к обеду привели? – встретила их воспитательница детского сада.

– Ну, знаете, я и так не успеваю выспаться после дежурства. – В сердцах парировала Аня.

– А что же муж то твой, денег не дает? – ехидно спросила та. Непроизвольно на глаза Ани накатились слезы.

– Я уже три года живу в неведении, и никто не может сказать, где он?

– Что же ты его так любила, что он удрал? – наседала воспитательница.

– Послушайте, вы, если вы еще раз в подобном тоне будете допрашивать меня, я буду жаловаться на вас?

– Ой, ой, ой, напугала то как? – на ходу, уводя мальчика за руку в детскую раздевалку, бросила та в ответ. Аня, шмыгая носом, утирала слезы платком, выбегая на улицу. Мелкий снег с дождем бросался мокрой сечкой в лицо. Стало еще противнее на душе. К испорченному настроению добавилась не проходящая слякоть. И тягостное одиночество вновь завладело всем ее существом. Все на свете в эти минуты казалось, ей было скверно. Аня уже считала, что ее Леня жив и, что с ним произошло что—то из ряда вон выходящее, и поэтому он не может сообщить о себе. На эти мысли ее наводили действия властей такие, что в случае гибели мужа ей как жене Героя России положена была быть хорошая пенсия. Но вместо этого его семью лишили подаренной государством дачи и не назначили достойной пенсии. Ане было вручено лишь сообщение на бланке Министерства Обороны, что ее муж пропал без вести. Вскоре на работе в престижном медицинском учреждении главврач вызвал ее к себе и объявил категорическим тоном, не терпящим возражений, что она уволена за недобросовестное отношение к работе. По сути дела, это был волчий билет. С такой формулировкой в трудовой книжке ее не примут на работу даже в места не столь отдаленные. Ей все же удалось устроиться дежурной санитаркой в дом для престарелых инвалидов, бывших военных, где приходилось выполнять порой грязную и не благодарную работу по уходу за больными инвалидами. Денег на все не хватало. И они с Димой перебивались, как могли. Такое положение дел в семье не могло не отразиться на отношениях с окружающими. И первым делом соседи по лестничной площадке. Все вдруг перестали здороваться, другие демонстративно отворачивались, проходя мимо Ани с Димой. Только Анна Собинова была частым гостем у Казимовых. Но свалившаяся и на ее голову беда вконец подкосила молодую женщину. Анна стала пить, заглушая водкой тяготы жизни.

– «Ты хоть имеешь сына, – часто говорила она пьяным голосом. – А у меня никого нет». – наливая себе в очередной граненый стакан водки, говорила она Ане, которая в это время готовила скудный ужин. Аня часто задумывалась над переменной в характере подруги и удивлялась тому, почему Собинова могла разговаривать с ней Аней только в пьяном состоянии? В то время, когда Ане, как никогда, нужна была дружеская поддержка, чтобы хоть как—то разобратся в этой жизненной ситуации и что—то предпринять. Когда Кразимова шла на дежурство в свой дом престарелых инвалидов, Собинова сидела с Димой. Отводила его в детский сад и забирала его из детского сада. Собинова не бросала подругу в беде, но разговаривать с Аней в трезвом состоянии по-прежнему отказывалась. Аня при этом чувствовала себя, каким-то катализатором, побуждающим Собинову к выпивке. И когда, однажды, Аня сказала ей об этом, та стала плакать. Сквозь слезы, объясняя Ане, что с ней слишком печально становится из-за того, что она напоминает ей лучшие годы. . .

Дождь со снегом слепил глаза. На челке, выбившейся из пухового платка, таяли снежинки. Талая вода неприятной мокротой щекотала лоб и щеки. Женщина часто смахивала воду с лица носовым платком, промокшим насквозь.

– «Вот снова не взяла зонтик». – Сетовала она на свою забывчивость. Аня медленно брела тротуаром вдоль набережной. Мимо с шумом и брызгами проносились машины, обдавая мокрой слякотью шоссе. Возле дома, где жила Аня было уютное кафе, куда она решила зайти. И путь из детского садика казался ей уже не таким безнадежно хмурым. Согретым этим маячившим впереди мигающей рекламой близким теплом, в которое она может сейчас войти. В кафе, усевшись у окна за столиком, было особенно уютно наблюдать за кутающимися в одежды прохожими и за пасмурной непогодой за окном. Официантка принесла ей чашечку двойного кофе. Поблагодарив ее, Аня стала с наслаждением вкушать маленькими глоточками бодрящий напиток и с каждым глоточком силы ее удваивались, прогоняя усталость, вселяя бодрость и какую-то уверенность в себе. Мысли яснее и четче освежили память, настроение улучшилось. Внезапно ей вспомнился утренний визит почтальона и это странное письмо. Но почему из Чили? Почему, из какой-то виллы? Ведь виллами в Латинской Америке принято называть фермерские хозяйства. А, это, наверное, приглашение на сельхоз работу для заработков, строила догадки Аня. Либо снова, какой ни будь проповедник из одной из многочисленных сект приглашает связаться с ним по почте для оказания благотворительной помощи. Либо кто—то хочет завязать дружественные контакты. Так и не определив принадлежность письма, Аня вышла из кафе и направилась домой.

У порога своей квартиры в луже собственной мочи обильно окрашенной менструальной кровью лежала, похрапывая, Анна Собинова. Лужа красной кровью растеклась на лестничной площадке, издавая неприятный гнилостный запах. Аня в ужасе схватилась обеими руками за голову. Но времени на раздумье не было, опомнившись, она быстро втащила подругу в коридор квартиры под ее пьяную бессвязную воркотню. Затем, налив в пластмассовое ведро теплой воды, обильно добавила в ведро стирального порошка и быстро вышла убирать лужу с лестничной площадки. Покончив с уборкой, принялась за подругу. Та сопротивлялась, изрыгая отборные проклятия в адрес неизвестно кого, не давала себя раздевать. Аня молча снимала с нее мокрую неприятно пахнущую одежду и бросала ее в выварку для белья. Затем затащила подругу в ванную и, поливая холодным душем, старалась привести ее в чувство. Это ей, в конце концов, удалось.

– Ты кто? – спросила сквозь расплывчатый туман в глазах Собинова, лежа под струями холодного душа.

– А, так ты меня еще не узнаешь?

– А, а, это ты Аня?

– Как видишь, я!

– А я к тебе собиралась, а ты уже здесь.

– Ты много выпила, Анна.

– А, пустяки. – Отвечала Собинова.

– Тебе нельзя больше.

– Хорошо, это в последний раз. Больше не буду этой гадости в рот брать.

Аня вымыла ее теплым душем. Затем дала чистое полотенце. Анна уже сама была в состоянии вытирать себя. Вскоре она вышла из ванной в махровом Анином халате и не обращая внимания на подругу, рухнула в ее постель, погружаясь в почти бессознательный сон. Аня занялась ее грязной одеждой. Выстирав в стиральной машине и высушив там, она разгладила одежду и развесила ее на стуле у изголовья спящей подруги. И только после этого вспомнила о письме. Но опять за работой над грязной одеждой Анны Собиновой Аня провела весь остаток дня. Время быстро и бесповоротно промелькнуло, как одно мгновение. Пришла пора, идти за ребенком в детский садик. И чтение письма пришлось отложить. Накинув на себя ветхое пальтишко, и, обвязав голову пуховым платком, она вышла в снежную мглу улицы...

Когда Аня вернулась с Димой вся в снежной слипшейся пыли на пуховом платке и на плечах пальто, Дима, глядя на маму, восхищенно воскликнул, —Мама ты так похожа на Снегурочку деда Мороза!

– Ой, сынок, мне еще Снегурочкой не хватало побывать?

Они сняли с себя верхнюю одежду, причем Дима это делал с серьезным видом «по-взрослому» подражая мужчинам, в которых он успел уже, научиться, внимательно наблюдая в телевизоре. Аня, глядя на сына, не переставала ухмыляться, замечая эту взрослость. Когда они справились с одеждой, Аня сказала, – Сынок, иди в свою комнату, а мне надо с тетей Анной поговорить.

– Да, мама! – он послушно ушел к себе.

Анна сидела за кухонным столом и пила крепкий кофе. Ее руки дрожали, как в лихорадке. Под глазами образовались черные круги. Ей было плохо.

– Ты мне, скажи, подруга, как ты очутилась под моей дверью? – Спросила ее вошедшая Аня.

– Анюта, я ничего не помню. Поверь мне. Я не помню, как пила водку. Я даже не помню, как и с кем? – всхлипывая, глотая слова, оправдывалась Собинова, как провинившаяся школьница перед классным руководителем. Шмыгая носом, Анна утирала слезы дрожащими сжатыми в кулаки руками. За спиной Ани неожиданно появился Дима. Он смотрел на Анну широко—открытыми глазами, —Тете Анне плохо?

Аня взяла сына за руку, —Идем, идем, сыночка. Ты, почему не снял теплый комбинезон? – Озадачила она Диму и увела в его комнату. Это дало немного времени обдумать ситуацию и что—то решить с незадачливой подругой, вернее с ее пагубной привычкой. Аня твердо решила поговорить и поговорить с ней серьезно о пьянстве и постараться раз и навсегда положить этому конец. Но это, же только ее, может быть очень наивное и неуверенное желание помочь подруге, а захочется Собиновой, это еще вопрос? В конечном итоге зависит только от самой Анны. И только тогда, когда она поймет свое никчемное существование и начнет бороться с этой привычкой и только так можно побороть этот недуг. Раздев сына, Аня вышла к Анне на кухню.

– А вот и ты? – встретила ее Собинова. Она по-прежнему сидела за столом, допивая кофе.

– Я хотела с тобой поговорить. – сходу взялась за дело Аня.

– О чем нам подруга говорить?

– О тебе.

– Вот еще. Опять начинаются воспитательные меры. Ты мне, что, мой Леня, что будешь воспитывать, а? – по ее побелевшему от злости лицу пошли красные пятна. Это не сулило ничего хорошего для Ани. Слова ее отлетали от несчастной Анны, как горох от стенки и только вызывали в ней необоснованную злость.

Аня впервые в жизни разозлилась на нее, —Ты что, хочешь ходить по улицам, как воскресший зомби? Тебя, что ничего не интересует, кроме этой убийственной выпивки?

– Ой, не напоминай мне о водке, меня и так тошнит? Да мне сейчас и жить то не хочется, пойми ты?

Аня в своем порыве помощи наткнулась на непробиваемую броню, обернутую вокруг Собиновой, и не дающую достучаться до ее больного состояния. И ничто не могло сдвинуть, разрушить этот кокон, ставший препятствием между ними.

– Я сейчас уйду? – бубнила Анна, – Чтобы не мешать вам с Димой.

Слезы катились по ее щекам. Ане до глубины души было ее жаль. Но она твердо решила ее не удерживать, —Иди. – Неожиданно сказала она. – Я тебя не держу.

Анна вскочила со своего стула и бросилась, рыдая, в спальню, где висела на стуле выстиранная Аней ее одежда. Послышалась возня в комнате. Через некоторое время она вышла одетая в коридор. Стала нервно искать свое пальто на вешалке, среди висевшей верхней одежды.

– Ну, где же оно?

Аня наблюдала издали за ее возней, —Я его постирала. Оно в ванной на змеевике сушится. – Ответила Аня. Анна опустилась на коридорный телефонный столик. Ане стало, снова жаль подругу, —Да и куда ты пойдешь? – вдруг, дрогнувшим голосом, сжалилась Кразимова.

– Что верно, то верно. – Ответила Анна. Она медленно поднялась со столика, намереваясь спрятать на кухне брызнувшие из глаз слезы в два ручья. Вставая, она непроизвольно сбросила на пол письмо, на котором успела посидеть, —Ой, что это? – она машинально подняла с пола конверт.

– Это мне. – ответила Аня. Сунув конверт в руку Кразимовой, она убежала на кухню. Вскоре оттуда стали доноситься ее рыдания. Аня, повертев в руках конверт, решила отвлечь подругу от нервного срыва. И письмо оказалось, весьма, кстати. Она с конвертом вернулась на кухню к рыдающей подруге: —Ну, не плачь. Давай, лучше, это письмо почитаем. Наверняка, от какой-то секты из-за границы с предложением вступить. И наверняка, какие-нибудь любители погреть руки на доверчивых гражданах.

Анна перестала всхлипывать. Вытерла слезы. Сказала: —Ох, Аня, я, может быть, и пить-то начала из-за этого.

– Да знаем, знаем.

– Ты помнишь, когда это началось с судебными разбирательствами генерала Гаринова?

– Конечно, помню.

– Вот тогда и с работы поперли. А потом эти бесконечные обыски и засады у нас на квартирах. Я тогда и не выдержала. В секте было поначалу приятно и спокойно. Я снова обрела семью таких же обездоленных, как и сама.

– Да, да, конечно. – Поддакивая Анне, Кразимова видела, что она успокоилась, и можно было вести разговор в спокойном русле.

– Ведь тогда исчезли они все внезапно. А нас стали таскать, выяснять не спрятали мы их. Столько нервов истрепали нам? – сетовала Анна, вздыхая на грани разрыдаться вновь.

– Ну и ты решила вступить в секту. Продала квартиру, отдала деньги так называемому учителю и...

– И оказалась на улице.

– Но ты, наверное, забыла, что у тебя была и есть я? – гордо заметила Аня. Собинова с грустью посмотрела на подругу и тихим голосом промолвила: —Тогда вот я и начала лечиться водкой.

Чтобы как-то сменить тему разговора, Аня указала на письмо и заявила, —Честно, хотела выбросить в мусоросборник, но уж когда тут такие страсти с тобой происходят, давай, почитаем, что там. Выбросить всегда можно, вместе посмеемся над этими ловцами человеческих душ.

– Письмо это не имеет сейчас никакого значения для меня. Но, все же давай вскрывай Аня, посмотрим, что там?

Аня достала из кухонного шкафа столовый нож и, проткнув им, конверт, вскрыла его. Внутри оказались аккуратно упакованными в еще один конверт поменьше цветные фотографии, и был приложен исписанный листок ровным каллиграфическим почерком. Аня вынула этот листок, сказала: —Почерком таким писала Эльза Эдуардовна. Ба! Да это же от нее письмо?

– Ты, что, серьезно?! – вскрикнула от неожиданности и в крайнем удивлении Собинова.

– Да посмотри, вот вконец ее подпись.

– Что же ты медлишь? Читай скорее?

Аня стала читать письмо, время, от времени отрывая глаза от чтения в крайнем удивлении, комментируя прочитанное, —Как же так? Ведь Вилла была основана нацистским пре-

ступником еще в тысяча девятьсот шестьдесят первом году? И там, вдруг, оказывается генерал и Эльза Эдуардовна?

– Мне, когда—то, мой Петя рассказывал, что нацисты в конце войны очень продвинулись в разработках летающих тарелок. И, что им помогала в этом какая—то внеземная цивилизация.

– Ты, наверное, не в себе, подруга?

Собинова, не обращая внимания на замечание Ани, продолжала, —Эта самая инопланетная цивилизация и упрятала наших родственников там на этой Вилле. Вот, что я думаю?

– Во всяком случае генерал Гаринов не мог по своей воле оказаться в этом гнезде? — многозначительно заключила Аня.

– Да читай же, что там об этом тетушка Эльза пишет? – нетерпению Собиновой пришел конец. Но Аня не могла поверить в то, что читала и разразилась новой тирадой:

– Насколько я знаю генерала, он бы ни за что и никогда, и даже ни при каких обстоятельствах не согласился бы прятаться, как пугливый заяц, там, в логове—убежище, основанном бывшими преступниками.

– А я верю в то, что так сложились обстоятельства и их туда отвезли против их воли? – твердо заявила Собинова. – Да читай же, наконец. Может, там найдем ответ на многие вопросы. Узнаем хоть что ни будь о наших мужьях?

Аня продолжала читать дальше. И ответ нашелся. Эльза Эдуардовна писала, –«...нас постоянно терроризировали, брали на испуг. Говорили, что уничтожат безоговорочно, пока, однажды меня с Алексеем погрузили в аппарат, похожий на наш, но со значительными отличиями внутри салона. Нас выпустили здесь, указали дом, в котором мы должны будем жить. И вот спустя годы, только недавно, буквально на днях я узнаю, где мы и куда нас упрятали. Да здесь очень удобно и на жизнь с Алексеем мы не жалуемся. Но постоянно чувство тревоги не покидает меня, чувство изоляции от внешнего мира тяготит и угнетает. Местные жители не разговаривают с нами и стараются не попадаться нам на глаза. Обслуживающий персонал говорит только на латиноамериканском языке непонятном мне. Но я выучила этот язык и завела дружбу с горничной. Вот она—то и переправила это письмо, которое, я надеюсь, попадет к Вам. У меня есть для тебя Аня сюрприз. Спустя три с небольшим года, ты еще сможешь потребовать письмо на главпочтамте в Москве до востребования отосланное мной с легкой руки Алексея на твое имя. Если ничего не получится, возьми паспорт и сходи еще раз в администрацию. Тебе его должны будут выдать. Там ты найдешь указание на то, что тебе есть значительная сумма денег в долларах США и что эта сумма спрятана в надежном месте, где, ты узнаешь из письма. Вам с Димочкой хватит на всю оставшуюся жизнь. Это Алексей попросил спрятать эти деньги со своих счетов. Как ему это удалось, лучше не спрашивай. Но все же ему это удалось перед нашим бегством в Антарктиду. Ну, вот, пожалуй, и все. Будь счастлива. Нас не ищи, это бесполезно. Если только хоть что—то изменится в нашей судьбе в лучшую сторону, то мы тебя разыщем сами. Ваша Эльза Эдуардовна, наш маленький Димочка и Алексей Алексеевич».

Собинова в это время рассматривала фотографии, изображавшие счастливое семейство Гаринова с Эльзой Эдуардовной на фоне горного пейзажа Виллы Бавария в Чили.

– Почему ни слова нет о моем Пете и о Лене? – Уныло спросила Анна.

– Ты, что, не поняла, что их сразу же изолировали друг от друга. Тетушка Эльза даже не знает, живы ли наши мужья? – в сердцах, с набевшими на глаза слезами, отвечала ей Аня.

– Вот что, подруга, тебе надо сходить за письмом на главпочтамт.

– Ты хочешь, чтобы снова прицепились ко мне с вопросами?

– Ты что, Анюта, дура? Прошло три, почти три с половиной года, кому в голову придет следить за бедной вдовой?

– Я не вдова! – вдруг вскрикнула Аня. – Не смей меня так, слышишь, не смей меня так называть больше никогда! Ты поняла?

– Да! Поняла. – Глухо ответила Собинова.

Аня выпрямилась. Глаза ее злобно сверкнули. От злости она бурно дышала. Грудь ее под красной шерстяной кофточкой вздымалась в такт быстрому дыханию.

– Ты еще вздумашь меня учить? Скажи лучше, который час?

Анна, ухватившись за спасительную соломинку примирения, отвечала, —Без пяти шесть.

– Поздно уже. Пока я доберусь до главпочтамта выдача писем до востребования прекратится. Придется завтра. Отведу Диму в детский сад и съезжу за письмом. Хорошо, что на работу послезавтра.

Анна удивленно и с опаской смотрела на Аню. Такой она видела ее впервые и испугалась. А вдруг Кразимова возьмет и выгонит ее на улицу. Куда ей идти? Ни жилья, ни работы. Она вдруг оказалась в таком ужасающем положении. Постепенно незаметно для себя очутилась на самом дне среди нищенствующих бомжей и попрошайек.

– Ты прости меня. – Вдруг сказала она, опустив глаза, и спрятала их в своих ладонях. Ей было ужасно стыдно перед этой хрупкой и красивой женщиной, все еще считавшейся ее подругой. —Ты прости меня. – Снова повторила она. Но эта фраза уже зазвучала сквозь ее рыдания. Слезы текли по ее ладоням и рукам, увлажняя скатерть кухонного стола. Аня с чувством нескрываемой жалости смотрела на Собинову в растерянности, не ведая, что делать с ее плачем. Наконец волна нахлынувшей злобы оставила ее, сменив состраданием и обидой за подругу, дошедшей до такого состояния.

– Да ладно уж. Успокойся и поживи пока у нас. Я не буду просить каждый раз соседку отводить Диму в детсад и забирать его оттуда пока я на дежурстве. Это будешь делать ты.

– Я брошу пить, вот увидишь. Как я могла до такого дойти? – снова, рыдая, говорила сквозь слезы Собинова.

– Ты знаешь, Анна я чуть не запила сама, когда пришла бумага на Леню, что он пропал без вести. Вот только Димочка и спас меня от этого.

Анна вытерла слезы платком и с чувством верного и преданного щенка, смотрела в глаза Ани. Кразимова успокоилась. Ее профилактические меры возымели действие, на сей раз.

– Ты пойдешь в ванную да смой краску с лица. И я бы тебе посоветовала хорошо вымыть голову, а так сидишь тут чучелом заморским. Там в ванной найдешь на полке шампунь.

Анна облегченно вздохнула. Встала и уже, успокоившись, ушла в ванную.

– Вот несчастье то? – глядя ей в след, высказалась с сожалением Аня.

Эту ночь Кразимова спала в комнате с Димой на его взрослой кровати, которую купил и установил Леонид, когда Диме исполнился ровно год. Кразимов считал, что мужчинами должны становиться мальчики еще в детстве, приучаясь к взрослой жизни сызмальства. Предусмотрительность Леонида была оправдана и еще и тем, что когда Дима болел, то Аня всегда могла быть с ним рядом, согревая больного ребенка своим материнским теплом...

Глава вторая

Дима еще спал, когда Аня вскочила с постели, как ужаленная. Было шесть утра. Ей приснился, какой-то кошмарный сон, который она не запомнила, и очевидно навеянный прошедшим нервным днем. Она пыталась еще вспомнить этот сон, но не смогла. Еще было рано, и она решила больше уже не ложиться. Тихонько пробралась в ванную комнату. Умылась и почистила зубы. Вдруг в зеркале заметила себя, какой-то отчужденной и уставшей. Легкие еле заметные морщинки у края глаз веером обозначили веки у висков. Ее зеленые глаза еще хранили живой блеск молодости и красоты, которых не коснулись тяготы житейских проблем. Но блеск стал жестче. Глубоко вздохнув, она оторвалась от зеркала и вышла на кухню. Там она застала Анну. Собинова по-хозяйски взялась готовить кофе. Женщины молчали, старались не разговаривать друг с другом и не смотреть друг на друга. Анне было стыдно за вчерашний день. Ане было неловко за мужские нравоучения подруги. В конце концов, они сели молча пить кофе, закусывая печеньем «крокет». Первой нарушила молчание Анна, —Знаешь, я тут подумала, может, я отведу Димочку в садик, а ты съездишь на почту?

– Я тоже об этом подумала. А знаешь, давай. Только я его одену, и мы все втроем выйдем из квартиры.

– Идет. – Согласилась Собинова. Она снова стала уверенной в себе и обрела то спокойное выражение лица, которое привыкла видеть перед собой Аня.

В восемь утра все были в сборе. Дима веселый и общительный был одет в свой теплый комбинезон и зимнюю курточку с капюшоном. А женщины в свои старенькие пальто и в пуховые платки. Анна не выдержала, и заметила: —Как сельские бабки.

– Зато тепло и уютно. – Ответила на реплику Аня. Все трое весело вышли в переменчивую мартовскую непогоду.

Ане пришлось добираться на метро. Перед зданием главпочтамта, выстроилась шеренга такси. Таксисты стояли у своих машин, зазывая пассажиров в надежде подвезти кого на Киевский вокзал, кого в Шереметьево, с вождением, ожидая своего.

– Девушка, а девушка, поехали. Возьму не дорого!

– Нет, спасибо. – Отвечала им Аня.

– Мы Вас подождем! – отзывались водители.

Тем временем, Аня вошла в просторное фойе. Напротив, входных массивных дверей, в самом конце длинного зала, сидела за своим окошком администратор главпочтамта. Аня направилась прямо к ней, —Я пришла узнать, можно ли получить письмо до востребования трехгодичной давности?

Администратор, белокурая полная женщина в годах, строго, смерив Аню взглядом, холодных серых глаз поверх своих очков, строго сказала, —Вы что, милочка, смеетесь? – сделал выжидательную паузу, спросила, – Или, как?

– Я вполне серьезно?

– Ну, знаете, милочка, письма не востребовавшие месяцев три четыре, отправляются обратно адресату.

– Ну, а если на них нет обратного адреса, тогда, что?

– Ну, эти сдаются в архив.

– А оттуда, можно их получить?

– Это невозможно.

– Да, почему же, черт возьми? – Аня сама испугалась своего голоса, но, было уже поздно.

– Вы мне тут не грубите, милочка! – с железными нотками в голосе, ответила администратор. У Ани навернулись на глаза слезы.

– Извините. – Глухим голосом, отвечала она. – Я не хотела, это письмо для меня очень важно.

Администратор сжалась над бедной женщиной и уже потеплевшим голосом ответила.

– Они упакованы в мешки и хранятся около пяти лет, затем сжигаются.

Проблеск надежды мелькнул в глазах Ани.

– Так, значит, можно все-таки обнаружить там письмо?

– А кто будет вам его там искать, среди сотен тысяч писем в этих мешках?

– Ну, я могу.

– Нет. У вас нет доступа. Только сотрудник почты может искать, он имеет право.

– Скажите, ну как все-таки это сделать?

– Это надо оплатить работу сотрудника, как правило, это его один рабочий день. За день или два он его найдет. Повторяю, вы оплачиваете только один рабочий день. Сколько это будет стоить, скажем, после того как письмо будет найдено.

– И что для этого надо?

– Вот возьмите бланк заявления. Заполните, пожалуйста, его координаты, то есть от кого и кому. Или если нет обратного адреса, то кому оно предназначалось. И еще помните, что мы выдаем письма до востребования только тому адресату кому оно предназначено. То есть все в точности по паспортным данным.

Аня дрожащими руками взяла бланк. Стала заполнять. Заполнив, вернула бланк.

– Пойдите, минуточку, я пробую по компьютерной базе данных. – Администратор стала щелкать мышью компьютера, роясь в базе. Затем ответила: —Вы знаете, а такое письмо не значится. Похоже, мы его не получали, ни три года тому назад, ни четыре.

– Не может быть?

– Вычислительный центр не врет, это гарантия! У нас с этим железный порядок.

Аня в полной растерянности вышла из здания главпочтамта и как во сне, почти автоматически не разбирая дороги, на метро доехала до дома. Ее встретила Анна. В квартире вкусно пахло жареной картошкой и поджаренной ветчиной с яичницей.

– Ну, что, где письмо? – с нескрываемым любопытством, заглядывая Ане в глаза, спрашивала ее Анна.

– Нету, письма, и не было никогда, даже в помине.

– Вот те раз, странно все это. – Глухо сказала Анна. Затем, спохватившись, добавила,

– Давай быстренько раздевайся и за стол. Покушаем, как следует.

Аня спустя минуту уже сидела за столом и с аппетитом уплетала жареную картошку с ветчиной и яичницей, запивая горячим крепким кофе. Анна не отставала от подруги. Окончив завтрак, женщины остались на кухне. Возились там, пытаясь занять себя, то мытьем посуды, то уборкой кухни. В этой возне по хозяйству, прошел день. За Димой Аня поехала одна. Анна принялась готовить на всех ужин.

Снег мелкой крупкой барабанил по лицу, покалывая щеки. Детский садик, куда водила малыша Аня, был в нескольких кварталах ходьбы вдоль Москвы реки по набережной. Это было не удобно в ненастные дни и очень приятно в хорошую погоду. Сейчас, ежась от злых порывов секущего ветра, Аня уныло брела в сторону детского сада. Из головы не выходили тягостные мысли, навеянные письмом Эльзы Эдуардовны. Насколько Аня знала тетушку Эльзу, она не могла написать неправду. Там, где—то в подсознании теплилась спасительная мысль, что все, о чем написано в письме, правда. Но за этим прячется какая—то тайна. А может, тетушка Эльза не могла вот так открыто написать о больших деньгах. А вдруг письмо попало бы в руки ни к ней, Ане, что-тогда? Аня стала размышлять, поставив себя на место Эльзы Эдуардовны, прикидывая, как бы она поступила, оказавшись на ее месте? Ну конечно, Аня прибегла бы к иносказательной, скрытой, форме изложения, указывая на какие—то общие узнаваемые Аней формы. Например, на дом, в котором жила Аня. На предметы в комнате. Размышляя,

таким образом, Аня пришла к мысли, что письмо надо прочесть снова. Проанализировать каждое слово, предложение. Найти скрытую суть в изложении. И найти ответ. Конечно, так надо подойти к этому. И она сделает это сегодня же. Еще раз прочтет письмо, взвешивая каждое слово. Аня не заметила, за своими думами, как очутилась у порога детского садика. Вошла внутрь. Дима встретил ее уже одетым. Воспитательница торопилась домой и заранее одела детей до прихода родителей. В помещении было жарко, и дети ждали родителей вспотевшими.

– Вы, что, Тамара Александровна, с ума сошли? – с порога набросилась на бедную воспитательницу Аня.

– А, это вы вместо здрасте? – парировала воспитательница наскок.

– Половина детей завтра же сляжет с воспалением легких! Я вам это гарантирую. – Наседала на нее Аня.

– Мама, мне жарко. – подливал масла в огонь Дима.

– И мне!

– И мне! – раздалась детские голоса отовсюду. В дверях, как по мановению волшебной палочки сказочной Феи, появилась директор детского садика Клавдия Петровна.

– Тамара Александровна, зайдите-ка ко мне? – строгим голосом, так, чтобы было слышно другим родителям, сказала директор.

– Ну, вот еще. Хочешь, как лучше, и все наоборот получается. – Ворча, ушла Тамара Александровна за директором. Аня, сняла с сына верхнюю одежду.

– Дима, ты должен немного остыть. Затем мы снова оденемся и пойдем домой.

– Хорошо, мама. А правда, что тетя Анна останется у нас жить?

– А как ты хочешь?

– Я, не знаю. – Уклончиво ответил Дима.

– Ну, а все-таки?

– Конечно, я хочу, чтобы она осталась. Она мне сказки по дороге в садик рассказывала.

– Ну, тебе, сынок, повезло, я тоже хочу, чтобы она осталась.

– Ура, мама!

– А меня папа на «Лексисе» домой отвезет. Там в салоне и компьютер есть и тепло. – хвастливо вещал писклявым голосом крохотный малыш в ожидании своего родителя. Аня посмотрела в его сторону.

– Иди, сюда, Игорек. Я тебя раздену, остынешь немного, пока папа придет.

Малыш неуклюже подошел к Ане в модные темно-синие цвета теплой детской куртке на вырост модного покроя, как для горнолыжников. Аня сняла куртку с пышущего жаром малыша.

– Ну, вот, теперь поджидай своего папу. Он где—то наверняка застрял в пробке на своем «Лексисе».

Дима ревниво наблюдал за действиями мамы и хмурился. Его папы давно уже не было рядом и ему казалось, что все над ним из-за этого насмеются и потешаются. Но на самом деле это было не так. Тем временем Аня снова надела на Диму куртку, напялила на вязаную шапочку капюшон. И быстро вывела сына во вьюжную сыпь пурги.

Анна не зря провозилась на кухне. Горячая и ароматная курица, только что вынутая из духовки, издавала умопомрачительные запахи, насыщенные восточными пряными специями. Отливая золотистой корочкой, аппетитно возвышалась куриная тушка на блюде, обложенная печеной картошкой, ничуть не уступая цветом корки куриной. А жареный лук колечками до янтарного цвета, конкурировал запахом с кинзой, ароматным сельдереем и запахом лаврового листа. Украшала этот натюрморт банка соленых огурчиков и бутылка красного вина. Аня, войдя в квартиру, влекомая, этими изысканными запахами, прошла на кухню, не снимая верхней одежды.

– Ого! – обозревая блюдо, выставленное Анной на кухонный стол, вымолвила восхищенно.

– Я не теряла зря времени, как видишь. – Гордо заявила она.

– Ну, мы сейчас быстренько.

Аня вернулась к сыну. Дима в это время уже успел снять с себя верхнюю одежду и возился с сапожками.

– Подожди, сынок, я помогу. – Аня сняла с себя пальто, платок и принялась разувать малыша. Вскоре они все собрались за столом. Когда с курицей было покончено, и Дима отправился в свою комнату, женщины остались одни на кухне.

– Я вот что думаю, – начала говорить первой Аня. – Письмо – это ничего не значит без второго письма, которое я так и не получила до востребования. Как ты думаешь, Анна, может оно перехвачено в то самое страшное время для нас, а?

– Я в общем—то тоже так думала, вначале, но, проанализировав ситуацию, поняла, что этого письма, до востребования, так и не было.

– С чего ты это взяла?

Анна задумалась. Затем сказала, выдержав минутную паузу, – Когда наши мужчины испарились в неизвестном направлении и нас стали по очереди таскать на допросы, то, получив такое письмо до востребования, нас бы так подставил бы генерал, что мы бы не сидели здесь в тишине и в тепле.

– Значит, его не было. – Еще раз убедилась Аня в своих догадках. Значит, Эльза Эдуардовна писала иносказательно, о чем—то, что должно быть там заложено. И она твердо, не сомневаясь ни на секунду, решила проанализировать каждую строчку написанного тетушкой Эльзой текста. Анна вдруг сказала.

– А знаешь, давай выпьем этого красного вина. – Она указала на не откупоренную бутылку.

– Нет, Анна. Я его специально поставила в кухонный шкафчик, на видном месте, чтобы ты его увидела и укрепилась в своем решении не пить больше никогда.

– Ну, ты Анюта и инквизитор.

– Что поделаешь, Анна, ведь ты для меня все то, с чем я сейчас живу после смерти матери и пропажи Лени.

– Ну, тогда, пошли по комнатам.

– Да, что—то рановато. Хотя мне завтра на сутки рано вставать. Почитаю что ни будь.

– И я пороюсь у тебя в комнате на книжной полке.

– Да, советую почитать Джека Лондона, там много интересного есть.

Женщины разошлись по комнатам, хоть было еще рановато шесть часов тридцать минут вечера. В окнах уже серело. Ранняя весна не была похожа на весну, скорее это еще была зима в своем разгаре. Хоть дни стали уже длиннее. Аня вошла к сыну. Дима сидел на ворсистом теплом ковре и строил из кубиков дом. Игрушечные машинки были разбросаны рядом. Стараясь ему не мешать, Аня взяла из книжного шкафа письмо, уселась в кресло в углу комнаты и начала внимательно перечитывать строчку за строчкой, пытаясь осмыслить смысл, заложенный тетушкой Эльзой там. Ее внимание привлекли строчки: – «... Вот она—то и переправила это письмо, которое, я надеюсь, попадет к вам. У меня есть для тебя Аня сюрприз. Спустя три с небольшим года, ты еще сможешь потребовать письмо на главпочтамте в Москве до востребования отосланное мной с легкой руки Алексея на твое имя. Если ничего не получится, возьми паспорт и сходи еще раз в администрацию. Тебе его должны будут выдать. Там ты найдешь указание на то, что тебе есть значительная сумма денег в долларах США и что эта сумма спрятана в надежном месте, где, ты узнаешь из письма...»

Прочитав несколько раз эти строчки, Аня задумалась. Ее привлекли слова: «...для тебя Аня сюрприз. – И еще одно, – Там ты найдешь указание на то, что тебе есть значительная сумма денег... – И, что – эта сумма спрятана в надежном месте, где, ты узнаешь из письма...»

Ну, конечно, она должна узнать из этого письма, которое держит в своих руках. Аня стала лихорадочно соображать над словосочетаниями строчек, сопоставляя прочитанную информацию с различными предметами, которые они с Эльзой Эдуардовной знали вместе. В памяти ее возникла вдруг антикварная шкатулка с секретом, свадебный подарок Эльзы Эдуардовны. О ее существовании, Аня давно забыла. Сначала она складывала туда свои украшения, которые дарил ей муж, затем, когда украшения перекочевали в ломбард, стала складывать различные ненужные вещицы, с которыми не хотелось расставаться. Но причем тут эта шкатулка? Аня, скорее интуитивно, чем с определенной целью, открыла верхнюю дверцу книжного шкафа и достала красивую шкатулку. На крышке были изображены в национальных немецких нарядах девушка и молодой человек в танце. Шкатулка была выполнена из красного дерева и смотрелась, как новая. Аня открыла крышку, пытаясь отыскивать там, среди различных вещиц те, которые они вместе с Эльзой Эдуардовной перебирали долгими вечерами, когда Аня была выходная на практике. Это должно помочь ей разобраться в намеках письма или навести на мысль о сюрпризе, указанном все в том же письме. На самом дне Аня наткнулась на кредитную карточку импортного банка, на которую перечислялась ее стипендия. Так как студенты университета, в котором училась Аня, были более чем из семнадцати стран мира, то и банк был независимым от Российских банков. Аня вздохнула, отложила карточку в сторону. Затем достала красивую и большую пуговицу от норковой шубы, которую, когда—то подарил ей Леня, и которую она сдала в ломбард. Слезы навернулись ей на глаза. Она с грустью и с душевной тяжестью, захлопнула шкатулку. Села в кресло в глубокой задумчивости, вертя в руках кредитную карточку. Вот бы пойти сейчас и снять стипендию и месяц не о чем не думать, чем кормить себя и своего сына. А что, если там не выбраны еще деньги. Надо пойти и проверить. Ноги сами несли ее в коридор, она даже не слышала голос Димы.

– Мама, ты куда?

И только когда она надела свое серое пальто и платок вспомнила о сыне.

– Тетя Анна тебя уложит сегодня и завтра отведет в детский сад. Мне на работу завтра рано. Иди, сынок, поиграй, я скоро приду.

Аня выбежала на улицу. Снег слепил глаза. До ближайшего банкомата, квартал прошла машинально, не замечая непогоды. Студенческая карточка грела ладонь в кармане. С трепетом Аня воткнула карточку в приемник банкомата, набрала код. С нетерпением стала ждать вывода суммы на экран банкомата. Наконец экран выдал что—то не соразмеряемое. Слишком много нулей и впереди цифра пять. Аня боязно, потребовала пятьсот долларов. Банкомат холодно отсчитал сумму стодолларовыми купюрами и выдал в окошечко. Аня не могла поверить в это. Перебрала код и потребовала еще пятьсот долларов, банкомат отсчитал еще пять стодолларовых купюр. Обратный путь Аня проделала как в тумане. Не замечая ни секущего ветра со снегом ни расстояния до дома. Так вот, что имела в виду Эльза Эдуардовна. Так вот какой сюрприз был ей приготовлен. Свалившиеся огромные деньги, ошеломляли. Она не шла домой, а плыла, в каком-то тумане небытия. Мысли путались в голове, и осознать своего богатства Аня еще не могла до конца. Ей казалось, что простая стипендия, не дополученная, в свое время, и больше ничего не могло быть на ее банковском счету. И всего то, каких-то тысячи рублей, а не тысяч долларов. Не привычны были ей еще эти огромные деньги. На свой этаж она поднялась лифтом и только когда дверь лифта открылась, только тогда она вдруг поняла, что находится у двери своей квартиры. С порога, не раздеваясь, Аня позвала Анну:

– Собинова, иди сюда!

Анна удивленно вышла из Диминой комнаты. За ее спиной появился мальчик и с любопытством стал следить за мамой.

– Что случилось? – встревожено спросила она.

– Так, особенно ничего не произошло. – Хитро улыбаясь, говорила ей Аня. – Но, знаешь, одевайся.

– Ты, похожа сейчас на сумасшедшую? – не двигаясь с места, заметила та. В мыслях такого себе Анна не могла представить ни на секунду. Как это так, глядя на ночь, выходить из теплого гнездышка в секущую снегом метель. – Ты меня выгоняешь, что ли? – не то, смеясь, не то всерьез, спросила она.

– Ты, Анна, с ума сошла, что ли? Не выгоняю, а зову в супермаркет. Пойдем, купим побольше продуктов, да повкуснее.

Анна не могла поверить в это, откуда у бедной Ани Кразимовой завелись деньги? И ухватившись за последнюю возможность остаться дома, она выпалила.

– А Димка?!

– Ему не привыкать. Побудет один.

– Мама, купи мне, что ни будь из игрушек.

– Куплю, сыночек. Только ты будь умницей. Посиди один. Мы с тетей Анной ненадолго. Видишь, я даже не раздеваюсь.

– Знаю, твое ненадолго? – проворчал Дима, совсем, как взрослый, уходя в свою комнату.

– Аня, ты что, в лотерею выиграла?

– Нет, я получила свою не достающую стипендию.

Вскоре, ежась от порывов снежной метели, женщины шли в ближайший супермаркет. Мимо проносились машины. А на противоположной стороне дороги серела широкой лентой заснеженная Москва река. Было уже девятнадцать двадцать, когда они вошли в магазин. Касса обменник валюты еще работала. И Аня обменяла двести Американских Долларов на Российские рубли. Этих денег хватило на закупки разных кулинарных вкусностей и напитков с соками.

Они вернулись с полными фирменными пакетами в руках...

У Ани Кразимовой, а заодно и у Анны Собиновой закончилась бедность. О чем она с гордостью заявила на кухне Анне: —Знаешь, я на работу больше не пойду.

– То есть как? Я тут обдумываю, куда мне податься, чтобы мы больше не бедствовали, а ты, такое плетешь! А ты подумала, что твоя стипендия уже давно кончилась?

Аня ничего не ответила, а только хитро улыбалась и утвердительно сообщила, настаивая на своем, —А вот так. Не пойду и все. А моей стипендии еще на долгие годы хватит.

– Что—то ты не договариваешь, Аня? Ага, ты получила-таки письмо, а мне наврала, что нет?

– Мы же вместе читали это письмо и в нем написано, о каком-то тайнике в доме Эльзы Эдуардовны, а не у нас с Димой.

– Ты странная, что ли? А сейф, в каком ни будь из Московских банков, где ты успела побывать и сняла часть денег.

– Нет, это не так! Но, деньги у тебя будут. Я буду тебе выдавать каждый месяц по тысячи долларов.

– Ну и на этом спасибо!

– Анна не обижайся. Деньги нам нужны. Нам надо найти наших парней. И я думаю, что там, где оказался твой должен быть и мой Ленья.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что из письма, Эльза Эдуардовна упомянула Антарктиду.

– А ты уверена, что она говорит правду?

– А ты Анна забыла уже, как следователь Смирнов, помнишь, упоминал на наших с ним дознаниях, Антарктиду?

– Да, да, точно. Да я вспомнила. Значит, они были там. А угрозы, которые там слышали Гаринов и Эльза Эдуардовна, это что, так просто?

– Анна, ты знаешь, что—то мне подсказывает, что твой Петр и мой Леня нужны там, как специалисты по космическим полетам и они там на работе.

– Да похоже на правду. И в то же время нет.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что лишний балласт они не держат.

– Ах, не держат? А как же Гаринов и его супруга?

– А Гаринов наверняка заручился поддержкой наших парней.

– Как? – спросила Аня.

– А так, что если с генералом и с его семьей что—то случится, Петя и Леонид не будут работать на них.

– Вот теперь твоя версия похожа на правду и боюсь, что нам там места не найдется.

– Еще как найдется? – у Анны решительно заблестели глаза. Похоже, было, что она готова немедленно хоть и пешком двинуть в сорокаградусную стужу Антарктиды за своим Петенькой.

– Анна, мы им не будем нужны. – Сделала попытку остудить горячий пыл Собиновой, Аня, – до тех пор, пока о нас не узнают наши мужья.

– Так надо найти способ связаться с нашими мужьями, иначе этот поход в Антарктиду вылезет нам боком.

– Это бессмысленно. Как мы сообщим им о том, что у нас достаточно средств, чтобы снять в аренду Шестой Американский флот и бросить его на бывшую немецкую базу в Антарктиде. – Завершила диалог Аня.

– Да, ты умеешь теребить больные раны. – Анна вздохнула. Отломив куриную ножку от ароматной зажаренной тушки, стала жевать, откусывая ломтики белого мяса. Женщины больше не разговаривали. Молча, завершив ужин, они разошлись по комнатам. Аня, зайдя в спальню к сыну, увидела его спящим в верхней одежде. Осторожно, чтобы не разбудить его, раздела и уложила под одеяло, затем легла сама. Сон к ней не шел. В голову лезли разные мысли. Строились нелепые планы, и разбивались, как хрустальные рюмки о цементный пол, не выдерживая мельчайших доводов. В конце концов, она стала засыпать, погружаясь в беспокойные сновидения. Ей приснился чудесный сад. Деревя и цвели и плодоноси одновременно. На ветке одного и того же дерева висели созревающие плоды невиданной, и какой-то не обычной формы. Плоды издавали приятный и вкусный аромат, да такой, что возбуждалось страстное желание сорвать спелый и тут же съесть. Рука сама потянулась к ближайшей ветке. Внезапно из густых листьев возникла голова змеи. Со страшным шипением змея обвила руку и впиалась своими острыми иголками—зубами. Аня вздрогнула. Проснулась в холодном поту. Мгновенно, обнаружив себя в постели, облегченно перевела дух. Рядом мирное сопение сына во сне окончательно успокоило женщину.

– И приснится же такое? – в сердцах проговорила она, чуть слышно. Затем перевернулась на правый бок, и снова уснула.

– Мама, мама! – толкал Аню сын, пытаясь разбудить крепко спящую мать. – Ты, почему не идешь на работу?

– Сынок, я уже не буду ходить на работу.

– А на что мы будем жить? – как совсем уже взрослый, выдавший виды бывалый, спросил Дима.

– Не переживай, нам хватит.

– Ты меня поведешь в детский сад?

– Да, сынок, давай собирайся.

Спустя положенных на сборы полу часа, они весело выбежали из дома. Дима не переставал удивляться перемене в мамином настроении, и ему вдруг тоже стало легко и привольно

на душе. Из детсада, по дороге домой в знакомом банкомате Аня сняла еще тысячу долларов и пришла с деньгами домой. Анна сидела на кухне и пила крепкий кофе.

– Ну, Анята, ты мне, что—то обещала.

– Не помню. – Снимая пальто в коридоре, отвечала ей Аня. – Напомни мне?

– Ах, уже не помнишь? – появляясь в дверях кухни с дымящейся чашечкой крепкого кофе в руке, с железными нотками в голосе Анна продолжала, – А ежемесячный гонорар в тысячу долларов?

– Ах, это? А наш-то тебе так много? – смеясь, подразнивала ее Аня.

– А они у тебя есть? – вопросом на вопрос отвечала Анна.

– Есть!

– Не верю, пока не увижу.

– Раз я обещала. – Аня вынула из бокового кармана жакета пачку стодолларовых копей. – Вот! – вручила подруге. Анна не могла поверить в такое богатство, и удивленно спросила, —Они твои? – она продолжала смотреть широко открытыми глазами, как безумная на пачку купюр в своих руках. Слова застряли в ее горле, на глаза навернулись слезы. — Извини меня. Я, было, подумала, что ты насмехаешься надо мной за мое убогое существование и вообще... – Анна, не договорив, стала рыдать. Аня прижала ее к себе. Поглаживая, ее по спине утешала словами.

– Ну—ну, не надо. Теперь мы не пропадем.

Анна, как маленькая девочка, утерла слезы кулаком. Затем достала из махрового розового халата носовой платок, и громко высморкалась. И уже взбодренным голосом сказала: — А давай сменим прикид?

– А как это?

– Не прикидывайся, Анята. Ну, махнем по бутикам.

– Нет, подруга. Мы сразу—же привлечем к себе нездоровый интерес.

– А что, мы с тобой что, плохо выглядим?

– Я бы не сказала, но я боюсь. Это наше с тобой прошлое под пристальным прицелом следствия, меня не вдохновляет. Я категорически против. И потом, кто мне говорил, что кинется на розыски пропавшего мужа?

– В случае больших средств! – уточнила Анна. Аня глубоко задумалась. Ей казалось, что на поиски Лени она готова была броситься и безо всяких средств, только сын сдерживал ее. И это было ее единственной причиной. А услышать от Анны Собиновой такие слова, она не ожидала. Анна заметила замешательство Ани и поспешила уточнить.

– Ведь без средств, это же верная гибель. Нет, Петенька мой этого никогда бы не одобрил.

Аня немного успокоилась и сказала, —Нам, Собинова с тобой, надо разработать план наших поисков.

– Ну, хорошо. Я, конечно же, согласна. Пошли, разрулим ситуацию с поиском мужей.

– Анна, мне не нравится твой блатной сленг.

– Ах, как это грустно, Анята. Я ведь совсем опустилась от безнадежности. – Глухо сказала она. На ее огромных карих глазах снова заискрились бриллиантовым блеском слезы. Аня не стала больше утешать подругу. Она круто повернулась и ушла в Димину комнату. Анна медленно поплелась на кухню. Вскоре туда пришла Аня с толстой тетрадкой в руке и с шариковой ручкой.

– Итак, подробно будем фиксировать все то, что спланируем по этому делу.

– Ты, Анята, будто знаешь все наперед, как и что надо делать?

– Да нет. А вот когда мы все распланируем и подготовим, подсчитаем затраты и наш бюджет, то в этом плане сразу будет видно все досконально. Мы будем чувствовать себя намного уверенней. Поверь, это так.

Анна, вдруг, стала серьезней. Слезы исчезли из глаз.

– А ты права, Аня. Ведь только так мы сможем, что—то предпринять осмысленное и серьезное.

– Ну, так в чем же дело. Вот, дорогая, с тебя и начнем. Давай высказывай свои идеи. Анна глубоко задумалась, затем сказала.

– А ты, что не знаешь, как и куда мы можем обратиться и спросить? Эй, вы, там, наверху, не видели наших парней?

– Вот ты и навела меня на мысль. Как ты думаешь, у кого мы все можем узнать и спросить? У того, кто их в последний раз видел?

Анна, широко открыла глаза.

– Скажи мне, и я скажу, ты точно так подумала о ком идет речь, как и я?

– Ты права, точно так.

– Тогда конечно генерал Гаринов.

– И Эльза Эдуардовна. – резонно заметила Аня.

– Только они и больше никто не скажет нам о наших родных. Послушай, это ведь не Антарктида, а теплый край.

– Да, конечно. – Подтвердила Аня. – И съездить туда мы вполне можем. Деньги у нас теперь есть в достаточном количестве, а все остальное приложится. – И она пристально взглянула в глаза Анне.

– Ну и как мы туда будем добираться? – спросила Анна, с готовностью следовать за подругой хоть на край света.

– Я полагаю, надо купить туристические путевки до столицы Чили Сантьяго. А дальше будем действовать экспромтом.

– Анюта, нет так не годится. – Запротестовала Собинова.

– Это ты мне говоришь? Ну, предложи, предложи, что ни будь получше? – в нетерпении возразила Аня.

– Да пойми, ты, что я не против поездки, но все надо досконально продумать. Ну, как бы, исключить случайности, или свести их до минимума. – прижимая руки к груди, говорила Анна.

– Да я все—таки погорячилась, извини. Давай будем обдумывать и решать.

– Тогда пиши, пункт первый...

Анна и Аня долго, весь день просидели на кухне с тетрадкой в руках, куда были занесены все пункты их подготовки к предстоящей частной экспедиции в далекую страну Чили на Виллу Бавария. И в завершение четко выстроенного плана Анна сказала.

– Надо досконально изучить все, что касается этой Виллы Бавария. Это может быть Интернет, энциклопедия, какие-нибудь брошюрки статьи и прочее.

– Значит нам надо в библиотеку.

– Надо отвести на все на это, то есть на сбор информации ну скажем месяц. А за это время нам, какое ни будь тур агентство будет готовить документы на выезд.

– Тоже резонно. – Подтвердила Аня. – Значит нам надо разделить наши обязанности.

– Как?

– Ты будешь добывать информацию, я займусь оформлением нашей поездки.

– Ты знаешь, Анюта, ты, почему—то совсем забыла, что ты не одна.

– То есть, как это?

– А Димка?

– А, ты об этом. Конечно, он поедет с нами, это будет выглядеть, как убедительный факт, мирного туристического посещения Виллы. Таким образом, нас быстрее пропустят на Виллу, и мы сможем, даже попытаться, навести справки о семье Гаринова без особого риска в преднамеренной дискредитации колонии в глазах мировой общественности.

– Ого, ты как на митинге в защиту экологии против выбросов в атмосферу углекислого газа. – Пошутила Анна.

– Ты мне не ответила, Собинова, ты согласна? – с командирскими нотками в голосе, спросила Аня.

– Да, да, конечно. Я займусь добычей информации о том месте, куда мы двинемся. И это будет уже завтра.

– Ах, да. Пора идти за Димкой.

– Ну, давай иди, а я приготовлю вам, что ни будь.

– Знаешь, там Димку так кормят, что он практически отвык от домашней еды.

– Ну, такая хозяйка, как ты на кухне, ничего удивительного.

– Да иди ты. – Аня вышла с улыбкой, готовится идти за сыном. Анна принялась чистить картошку...

Глава третья

На следующий день Анна отправилась в Центральную Московскую библиотеку, бывшую ЦККПСС им В. И. Ленина.

Аня с Димой в детский сад. Затем, по спланированному заранее плану, она займется поисками подходящей туристической фирмы. На Арбате расположилась целая сеть подобных фирм, предлагающих различные туры по всему миру, куда и пришла Аня, и занялась поисками подходящей. С Анной они решили встретиться вечером и обменяться добытой информацией.

Итак, Анна Собинова, вошла, открыв массивную дверь библиотеки. В фойе с раздевалки на нее с любопытством уставилась пожилая женщина, в рабочей форме, в которой были одеты сотрудники. Смерив подозрительным взглядом Анну, особенно задержав взгляд на потертом сером пальто и на заплаточном в нескольких местах, пуховом платке, сказала:

– Ну, понимаю студентов, им надо. А, что надо вам, женщина? Здесь же не богадельня для убогих?

У Анны цепной реакцией мгновенно созрели трех—четырёхэтажные ругательства, далеки от интеллигентных выражений, но, помня о своей миссии, изо всех сил сдерживая себя, с трудом выдавила: —Примите, мадам, мое норковое манто и шляпку. – И положила на приемную полку свою верхнюю одежду. Приемщица энергично схватила одежду, и повесив на свободное место на вешалке, швырнула ей номерок, прошипев в ответ: —При выходе не забудьте забрать?

– Не забуду. – И стала с тетрадкой в руке в очередь за молоденькими девчушками на запись. Очередь быстро дошла и получив бланк, Анна уселась за свободный столик заполнять свои паспортные данные. С этим она справилась быстро и вернула заполнивший бланк девушке.

– Вам надо еще оплатить членство в библиотеке.

– А если я на один день?

– Но, вы, же будете пользоваться компьютером, Интернетом, может что—то распечатывать на принтере и пользоваться книгами журналами?

– Ну, конечно буду. – согласилась Анна.

– В кассу пройдите. А квитанцию принесете мне, я вам выдам разовый читательский билет.

После всех этих формальностей Анна уже с разовым читательским билетом вошла в читальный зал и уселась за указанный в выданном жетоне стол с компьютером и настольной лампой на нем. Анна в Интернете быстро отыскала нужные материалы. И просидев в читальном зале до 16—00, имела полное представление об основателе Виллы Бавария. О его политических воззрениях. И так же о современной жизни Виллы. О ее месте в туристической и иной деятельности. Аккуратно зафиксировав все, что было интересным, Анна собралась домой, с чувством выполненной задачи.

Аня же в свою очередь, сделала экскурс по туристическим агентствам. Агентства в один голос твердили, что необходимо подтвердить платежеспособность, чтобы на банковском счету туриста лежало достаточно средств иначе поездка не может состояться. Аня не решалась демонстрировать свой капитал. Она не боялась это делать только с банкоматом, а так, чтобы какой то менеджер мог увидеть количество денег на ее кредитной карточке, она не решалась. Наконец, в одном из таких агентств, она, набравшись храбрости, открыла свой счет менеджеру. Внушительная сумма, высветившиеся цифры на экране монитора, повергла менеджера в шок. Он долго не мог понять, что за цифры высветились на мониторе. Несколько раз перебирал код ввода кредитки, пока, в конце концов, Аня не переспросила его.

– Вас что—то смущает?

– А, а, это правда?

– Что, правда? Что мой дядя оставил мне наследство?

– Ну, у меня вопросов больше нет. – Уже уверенным тоном в голосе ответил ей менеджер, и добавил, – А знаете, у нас есть интересный тур в окрестности Виллы Бавария.

– Да—а? – Аня, чуть было не выпалила, – «А мне туда, как раз и надо», – Но, вовремя сдержалась. Затем, тоном, мало заинтересованным в предложении, заявила. – Ну, я еду не одна. Надо поразмышлять над вашим предложением?

Чтобы устранить сомнения клиентки, менеджер стал разглагольствовать об сказочных окрестностях, окружающих Виллу, показывать рекламные буклеты, стараясь уговорить на этот тур. Аня не выдержала и сдалась первой, —А скажите, а, сколько времени уходит на оформление паспорта, делается виза, ну и всякое такое?

– Ну скажем по ускоренному сроку, за определенную сумму, конечно в Американских рублях, дней за десять максимум. – Молодого человека, так вдохновил счет Ани, что такого клиента ему не хотелось так просто отпускать.

– У нас еще хороший тур по прибрежным Чилийским городам с круизом на теплоходе, если хотите?

– Ну, что же, молодой человек, ваше предложение нам подходит.

– Так я оформляю вам этот круиз?

– Я же вам сказала, что я еду не одна. И что мне надо посоветоваться.

– Тогда я вас жду, – менеджер сделал выжидательную паузу, в надежде, что Аня скажет, когда именно она намерена, заявится для оформления путевок. Не дождавшись, продолжил, – а когда вас ждать?

– Не беспокойтесь, я вам сама перезвоню.

Менеджер сделал веселое лицо, расплывшись в улыбке, и почувствовав, что можно предложить более дорогие туры, начал говорить снова.

– А скажите, почему вам именно надо в Чили? У нас есть более...

Аня не дала ему договорить, —Да потому, что вы нам предложили именно этот тур, и он оказался нам подходящим. И я, молодой человек, не намерена менять свои решения. Вам ясно?

Менеджер, испугавшись, что потеряет клиента благодаря своей назойливости, постарался исправить положение: – Вопросов больше нет. Жду вас с решением.

– Я скоро навещу вас. – Аня распрощалась. Менеджер проводил ее до самых ажурных чугунных ворот офиса. А Аня, окрыленная успехом, пришла домой. И стала вдохновенно готовить ужин на кухне, поджидая Анну. Настенные часы уже показывали 16—00. Анны все еще не было. Аня решила сходить за Димой. А там уж наверняка, когда она придет с сыном, Собинова будет уже дома.

Она надела сапоги, пальто платок. Вдруг, вспомнив, что не оставила записки Анне, в сапогах прошла на кухню и на клочке оберточной бумаги написала: – «Вопросы решаются. Обсудим, после, вечером. Я за Димой. Аня»...

Анна, обнаружив записку, бросила взгляд на плиту. Там стояли кастрюли с готовым ужином. Но, ей есть не хотелось. В нетерпении она принялась разбирать свои записи, выстраивая стройную картину, о Вилле Бавария. Чтобы в сжатой и доходчивой форме рассказать Ане о тех бесценных сведениях, которые удалось раздобыть в библиотеке.

Анна сидела еще на кухне, углубившись в анализ, когда возбужденно вбежал к ней на кухню, не снимая верхней одежды, Дима: —Тетя Ана! Тетя Ана! А правда, что мы скоро уедем в отпуск?

– Димочка, это тебе мама сказала?

– Мама! Мама! А, что? – удивлению Димы не было предела.

– Я ему сказала. – Вошла следом за сыном Аня. На ней еще было надето пальто, платок она уже успела снять. – Сказала, чтобы хоть как-то подбодрить, поднять настроение.

– А ты не боишься, что вся Москва скоро узнает, куда мы собрались в «отпуск»? – настороженно и с тревожными нотками в голосе спросила Анна.

– Не—а! Потому, что мы едем в отпуск, а не совсем.

– Ага! Теперь, кажется, понимаю, Анята, куда мы с тобой поедем! Ну, типа, еще не решено? – Подмигнув, сказала Собинова.

– Ну, конечно, не решено. – Подмигнув в ответ, огласилась Аня.

– Мама, а куда? А куда, мы все-таки поедем? – Не переставая дергать за рукав пальто, спросил Аню сын.

– Вот мы с тетей Анной и решим. А ты иди пока в своей комнате поиграй. И не забудь снять с себя верхнюю одежду, хорошо?

Дима медленно удалился в коридор. Вскоре оттуда послышалась возня мальчика с верхней одеждой. Следом за ним вышла в коридор и Аня. Там она помогла сыну снять теплую одежду и аккуратно развесить на вешалке для просушки. И уже через минуту она вернулась в кухню к Анне.

– Сейчас, Собинова, будем разбираться с нашими знаниями. – Усаживаясь за кухонный стол напротив Анны, она положила свою тетрадь с записями. – Итак, Анна, что ты накопила по Вилле Бавария? – Тонем начальствующего в их экспедиции руководителя, спросила Аня. Анна не возражала против руководства Кразимовой и охотно стала отчитываться.

– Я досконально обследовала всю доступную мне информацию в библиотеке. Кроме того, через Интернет, зашла в Фонд Британской Королевской библиотеки. Там собраны мельчайшие и даже самые не значительные факты. Правда, компьютерный перевод несколько не точен, но смысловой вариант понятен достаточно, чтобы составить представление о предмете. Итак, начнем с самого начала, со дня основания Виллы, с 1961 года. Колония Дигнидад – немецкое поселение в Чили, основанное в 1961 году нацистским преступником Паулем Шефером, официально названное «Благотворительное и образовательное общество Дигнидад».

– А кто, этот Пауль Шефер?

– Судя по той скудной информации, что я накопила в Интернете, выходит, что он никакой не нацистский преступник. Документов, обличающих его в фашистских зверствах не найдено. А вот о его духовной жизни складывается такое впечатление, что это богобоязненный и глубоко, я бы сказала, фанатично верующий человек. Во всяком случае, так изложено о нем в изданиях Интернета и некоторых статьях, которые мне удалось раздобыть. Правда, он в свое время был уличен святой церковью, где вел службу, в растлении малолетних мальчиков. Разгорелся скандал. Последовало отлучение от церкви. Тогда Шефер создает библейское общество под названием «Благотворительное и образовательное общество Дигнидад», куда приглашаются верующие люди и с удивительной магической силой убеждения следуют за своим пастырем Паулем Шефером, отдавая все свои сбережения и состояния обществу. С легкой руки посла Чили в Германии Шефер добивается разрешения Чилийских властей на переселение и аренду с дальнейшим правом выкупа 12000 гектаров земли под организацию немецкого поселения. Что им было с успехом реализовано.

– Скажи, Анна, а какое отношение имеет этот Шефер к современной колонии Дигнидад?

– Уже никакого. Он является почетным главой поселения. Но о его месте пребывания никому ничего не известно. И вообще, не известно жив ли он до сих пор или нет?

– Ну, положим при современных технологиях продления жизни, а, судя по твоим рассказам, там умеют заботиться о своем здоровье и репутации, думаю, что еще проживает, где—то. Ну да Бог с ним с этим Шефером. Ты лучше скажи, что представляет собой современная колония?

– Дигнидад пользуется всеобщей мировой славой, как процветающее сельскохозяйственное предприятие, где выращивают овощи и фрукты. Разводят свиней и коров и снабжают пол страны свежим мясом, молоком, сырами, маслом и прочими дарами природы. На базе

этого поселения создан туристический центр под названием «Семейный клуб». Туристов там хорошо встречают благодаря тому, что колонисты вовремя поняли, что туризм – это неплохой доход. Есть там благоустроенная гостиница, выдержанная в стиле тридцатых годов довоенной Германии. Ресторан, где подаются национальные немецкие блюда с пивом, и конечно же проводятся насыщенные экзотикой экскурсии. Туристическим бизнесом управляет все тот же «Семейный клуб». Кстати в этот «Семейный клуб» могут записаться и стать членами Клуба все желающие, уплатив членский взнос.

– И ты веришь, Анна, в то, что членом Клуба может стать любой желающий?

– Конечно, Аня нет. Этот фарс придуман с единственной целью, привлечь как можно больше туристов. Однако нам можно заказать экскурсии по Вилле Бавария и попробовать как-то связаться с генералом.

– Это будет зависеть от того, как и где именно нас будут проводить. Может эта экскурсия проводиться под дулами автоматов.

– Значит, будем ориентироваться по обстоятельствам на месте. Ты лучше, Анята, скажи, что там у тебя?

– Фирма есть. Есть возможность быстро, в течении двух трех недель оформить путевки и вылететь в Чили...

Женщины еще долго сидели на кухне, обсуждая и составляя ситуации в которых, как им казалось, они могут оказаться по воле случая или умышленных действий и как выходить из этих приключений без потерь. Далеко за полночь, прозвучала сакраментальная фраза Ани:

– Что будет выходить за рамки нашего плана, откорректируем на месте нашей дислокации. И, запомни Анна, отныне мы работаем по составленному нами плану.

– Есть, мой генерал! – в шуточной форме ответила Собинова, переполненная эмоциями предстоящей подготовкой к экспедиции и к ее дальнейшему осуществлению.

Утром, женщины стали действовать по заранее разработанному плану. Анна осталась дома. По расписанию у нее готовка обеда и ужина. Аня же, отвела Диму в детский садик и поспешила к знакомому туристическому агентству.

Оформление документов началось с заполнения анкет на путевки и заграничные паспорта, заполнение других документов, на медицинское страхование и прочие формальности. Когда с этим было покончено и остались сущие пустяки, решаемые в процессе десяти дневного оформления, она сказала с улыбкой менеджеру.

– А фотографии на паспорта я принесу завтра. – С этими словами она покинула агентство...

Глава четвертая

Собинов и Кразимов, следуя за фон Фирсом, вошли в светлое и просторное помещение с высокими и широкими окнами, тянувшимися к самому потолку высотой метров с двадцать.

– Ого! Как в Софиевском соборе в Питере. – воскликнул Петр.

– Если не брать во внимание, что-то высотой более ста метров и с маятником в середине. – Парировал Леонид. Затем спросил у сопровождающего их фон Фирса.

– Зачем такие высоченные потолки?

Тот коротко и высокомерно отчеканил. – Всему свое время! – и добавил, более сдержанно, – Узнаете позже.

Неожиданно за спинами раздался мужской голос.

– Это те, о ком ты говорил? – вопрос предназначался фон Фирсу. Все дружно повернулись в сторону говорившего. В белом медицинском халате нараспашку, стоял не высокого роста плотно сбитый мужчина. Рядом с высоченным фон Фирсом его фигура казалась карликовой, хоть и был он всего на два три сантиметра ниже друзей. Его колкие карие глаза, как колючки впились в фигуры Леонида и Петра, оценивающе измеряя их с ног до головы. Эти глаза, посаженные близко друг к другу, выражали презрение и брезгливость. Нос этого человека был слегка с горбинкой, от которой шел прямо и чем—то напоминал не то соколиный, не то клюв попугая. Нижняя челюсть была выдвинута вперед, очерчивая массивный подбородок. Он быстро выхватил за поясом брुक какой—то блестящий предмет и молниеносно метнул его в сторону Леонида. Кразимов моментально среагировал и почти механически поймал предмет правой рукой. Затем стал соображать, что произошло, разглядывая в руке конскую подкову.

– Ну, ка согни ее! – приказал незнакомец грубым вызывающим тоном. Леонид не был готов к такому обращению.

– Да кто вы такой, чтобы указывать мне, что мне делать с этой штукой? – и он бросил подкову себе под ноги на цементный пол и пнул ее ногой в сторону бросившего. Человек носком ботинка ловко подбросил ее к своей правой кисти и поймал подкову рукой, затем хладнокровно заткнул себе за пояс. Наблюдавший за этим фон Фирс неожиданно вмешался.

– Это Кечо! Ваш преподаватель боевых искусств, ваш наставник, командир и вы должны по всем вопросам обращаться к нему. Теперь он для вас командир на все время обучения.

– Скажите, фон Фирс, а этот надзиратель, Кечо, на какое время приставлен к нам? – не удержался Петр, чтобы не иронизировать. На что, не обращая никакого внимания на Петра, фон Фирс продолжал, – Он научит вас всему тому, что необходимо будет вам знать. А самое главное, тому, как остаться целыми и невредимыми или другими словами, как уберечь свои тела и свой рассудок в ходе боевых действий с Селенитами.

Вмешался Кечо, – Можете называть меня так; господин тренер. Я буду вас называть по именам и на «ты». Напоминаю, вы должны будете обращаться ко мне господин тренер и только на «вы». Напоминаю, за не послушание, пререкание, не знание урока – карцер. А что такое карцер узнаете, когда попадете туда, заранее пугать вас карцером не стану. Вам ясно?

– Ясно! – ответил Петр. – Но меня пугает в большей степени не ваш карцер, а ваша невоспитанность, сер.

– Не сер, а господин тренер. И это ты мне говоришь? – негодуя переспросил Кечо. Он взмахнул рукой и Петра, словно ударила молния по спине. Затем Собинов ощутил еще один удар в живот, от которого перехватило дыхание. От этого удара Петр согнулся и тут же схватил еще один удар по шее, что сопровождалось обильным искрящимся дождем из глаз в разноцветье искр. Кечо при этом стоял на расстоянии пяти метров от Собинова и двигал лишь руками, производя замысловатые движения.

– Этому всему я должен буду научить вас болванов. А сейчас, ты, – он указал пальцем на Кразимова, – возьми этот мешок с отбросами, – он кивнул в сторону Петра, – и следуйте за мной! – он ринулся мимо удивленного Леонида и корчащегося от нестерпимой боли Петра. – Покажу вам ваши комнаты, где вы будете жить.

Леонид подхватил Петра и тот стонущий, опираясь на плечо друга, последовал рядом с Кразимовым в след стремительно удаляющегося Кечо.

В это время, молча наблюдавший за всем происходящим фон Фирс, резко повернулся и покинул помещение.

Кечо на ходу, скороговоркой объяснял правила поведения в школе и распорядок дня.

– Подъем в шесть утра! Процедуры...

Он шел длинным коридором с множеством дверей. Коридор кончился тупиком. Справой и с левой стороны, напротив друг друга были расположены две двери.

– Это ваши комнаты. Там есть все необходимое для ночлега. Комнаты даны вам каждому отдельно, для того, чтобы исключить общение. Специфика обучения строго индивидуальна и каждый будет получать свою долю знаний. Чтобы не было искажений при общении, вы будете жить отдельно. Вам ясно?

– Так точно, господин тренер! – Хором ответили друзья.

– Ну, на сегодня все. Отдыхайте! Завтра ровно в семь утра, жду вас в зале! – с этими словами Кечо внезапно исчез. Как это ему удалось, Леонид не заметил, так как был занят другом, у которого очень болела спина.

– Ты мне помоги. – Взмолился Петр.

– Да о чем ты, конечно! – с готовностью Леонид отозвался и, поддерживая друга, втащил его в комнату, что была расположена слева по их движению. На деревянной кровати была свежая постель. В комнате тепло и пахло свежестью и озоном. Стандарт помещения сразу же бросился в глаза друзьям. Леонид не удержался, чтобы не заметить.

– Срисовали они, что ли, с нашей общаги в реабилитационном центре?

– О—о—хо—хо, или с санатория. – Пытался пошутить Петр, преодолевая боль. – Знаешь Леня, мне сейчас не до смотрин.

– А знаешь, Петруша, мне кажется, что я тебе могу помочь, вылечится.

– Ты издеваешься? – гримасничая от боли, отвечал Петр.

– Ничуть. И слушай, что надо сделать.

Петр медленно и с трудом опустился на край постели.

– Вот сижу, и вроде ничего не болит.

– Правильно. А ведь у тебя с этим придурком Кечо, контакта то не было? – философски заметил Кразимов.

– Да, конечно не было. Но боль, то настоящая, как будто гирей меня огрели по позвоночнику и по шее.

– Поэтому ты должен забыть боль.

– Как это?

– Просто взять и забыть боль. Ну, например, нет ее и все тут.

– Это как же?

– А вот так, травмы то нет, есть внушение на расстоянии.

– Да травмы нет. – Петр сосредоточенно стал думать о том, что боли нет. И фрагмент воображения стал всплывать в памяти двойко. Вдруг он почувствовал, что боль исчезла. Он быстро вскочил с места и радостно воскликнул.

– Ты, Леня, прав! Никакого ощущения боли. Очень все это странно, что она вообще была. – Память вернула ему недавние страдания и тут же Собинова пронзили острые колики в спине. – О—о—ох! – он схватился за поясницу. Опускаясь на постель, гримаса боли исказила лицо.

– Я тебе что говорил, забудь, эту боль ее нет. – Настоятельно рекомендовал Леонид. Петр снова вскочил и уже твердо решил не думать об инциденте. И боль на совсем покинула его. Убедившись в выздоровлении друга, Леонид поспешил удалиться к себе.

Когда Леонид вошел в свою комнату, его удивлению не было предела. Комната была обставлена точь-в-точь, как в реабилитационном центре. Та же мебель. Те же кресла и шкаф. У журнального столика на стене прибита книжная полка с книгами на ней. Подумалось, – «Уверен, что подбор книг тот же», – и он с любопытством подошел ближе, чтобы разглядеть тома. В глаза бросился том приключений Тиля Уленшпигеля, вот рядом Дюма «Три мушкетера» и «Двадцать лет спустя». А вот и знаменитые «Двенадцать стульев» и Булгакова «Мастер и Маргарита». Леонид с тоской отвернулся от книг, машинально взглянул в окно. Там, о, не может такого быть, знакомый пейзаж в точности такой, как за окном реабилитационного центра. Виден прилегающий к окнам парк. В лучах послеобеденного солнца распускается весенняя листва. Леонид машинально взглянул на часы, что мерно тикали на стенке, там было уже 14—00. Что ж, если тут царит привычная обстановка, то есть необходимость собраться с мыслями и все хорошенько обдумать. Разобраться в происшедшем, хорошенько поразмыслить, как быть дальше? С этими мыслями он вошел в ванную. Долго плескался там, смывая с себя налет сегодняшнего дня и неприятности впечатлений от встречи с тренером Кечо. Вода, чудесным образом успокаивала вконец расшатанную, не смотря на хорошую выдержку, нервную систему. А с успокоением пришла ясность мысли и рассудка. На часах стрелки показывали уже 16—00, когда Леонид уселся в кресло под книжной полкой. С книгой в руках, с его любимым произведением «Приключения Тиля Уленшпигеля». Но ему не читалось. Содержание и поступки главного героя казались, столь наивны, порой до примитивизма глупы, что он вскоре закрыл ее и поставил на место. Затем взял Дюма «Двадцать лет спустя». Здесь герои действовали согласованно и целенаправленно, достигая своей намеченной цели уверенно и где —то даже до бестолковой безрассудности. Нет, так им с Петром действовать нет резона. Да и на что им надеяться? Ведь выхода из этого мира нет. Но ведь он, Леонид, попадал и в не такие ситуации, чтобы безнадежно сложить руки и не пытаться действовать в попытках найти выход. Вед в когтях Двуликого Мира, из которого вообще, казалось, нет никакого спасения, ему все же удалось выйти в целостности и сохранности. И там он был один. Здесь же плечо друга, его поддержка и участие помогут совместными действиями разобраться в скрытой ситуации и начать действовать. Эта скрытость порождает неизвестные преграды, а неизвестность диктовала свои условия к действию. И Леонид решает разобраться во всем, а именно, разложить все по пунктам, куда они попали? Кому служат? Кто такой настоящий фон Фирс и кому он служит? Кто такой ученый Тео и кого он представляет здесь на Земле? И многие и многие вопросы, которые будут возникать по ходу их с Петром пребывания в этом мире, равно как и личности Кечо и Ареала, кто они на самом деле? А, разобравшись со всем этим нагромождением непонятного сообщества, и что за этим сообществом стоит, можно будет сделать определенные выводы и придет решение. Он непременно поделится своими мыслями с Собиновым завтра же на тренировках. Да и Петр, наверняка точно так же думает, как и он, Леонид.

За обдумыванием своего положения быстро летело время. И в эти минуты, как ему хотелось зайти к Петру, обсудить положение вещей для дальнейших совместных действий. Его сдерживало лишь строгое предупреждение Кечо никоим случае не общаться между собой и его неоспоримая угроза карцером, в случае неповиновения. Леонид, конечно, не боялся угроз тем более со стороны сомнительного тренера. Но в нынешней ситуации стоило вести себя осторожно и осмотрительно. Он вышел на кухню. Там, Леонид нашел набор нескольких сортов кофе. И даже в холодильнике обнаружил свежее молоко, что крайне удивило его. Откуда здесь, в запредельном мире, молоко. Он открыл полиэтиленовую бутылку, наполнил им стакан, отпил. Молоко на вкус было свежим и пахло травами. Свежий хлеб лежал на столе нарезанными дольками и пах выпечкой. Удивительный сервис поражаля опрятностью и аккуратно-

стью, однако чувство тревожного ожидания не покидало его. В конце концов Леонид, следуя народной мудрости «Утро вечера мудреней», вышел из кухни в комнату. И скорее в кровать, предварительно заведя будильник ровно на шесть утра.

Утром, ровно в шесть, Леонид вскочил с постели под неистовый звон будильника. Вначале не мог осознать, где он. Очень уж не хотелось возвращаться в действительность. Но, память неумолимо и неуклонно вернула его в наступление грядущего дня. Наконец он понял, где они, что с ним, а значит, торопится, не было никакого смысла. Тренировочный зал был в конце коридора и пять минут с лихвой покрывали это расстояние. А вот общение с Петром, это была насущная проблема, особенно после категорического запрета Кечо, пригрозившего в случае неповиновения карцером. Удрученный действительным положением вещей Леонид, стал надевать спортивный костюм. Надев костюм, решил зайти к Петру в его комнату, но только после обычных утренних процедур, которые занимали не более пяти двадцати минут по утрам. И вот он уже у двери ведущей в комнату друга. Он решительно взялся за ручку входной двери, немедленно металлический голос стал вещать: – Внимание! Попытка взлома! У Вас осталось еще две попытки! После чего к вам будет применена мера пресечения – карцер!

Автоматический голос, как заводной, повторял одно и то же без перерыва. И лишь, когда Леонид отошел от двери он выключился.

Стрелки на часах медленно ползли к цифре 6—55, к той черте, когда и он и Петр выйдут одновременно и пойдут длинным коридором, вот тогда-то и сможет он, Леонид, поговорить, наконец, с другом. Но все произошло не так, как запланировал Леонид. Как только он и Петр вышли из своих комнат между ними, как гриб—дождевик, вырос Кечо.

– Приветствую вас, новобранцы! – выпалил Кечо насмешливо. – Что, не ждали? – и не дав сказать ответные слова, затараторил скороговоркой: – У тебя, номер Первый, – так он назвал Леонида, – осталось в запасе еще две попытки нарушить установленные мной правила, за которыми последует двухнедельный карцер. Смеею заметить, что испытание карцером входит в нашу программу с той лишь разницей, что по программе каждый из вас проведет там без пищи и еды ровно один месяц, это будет лишь тогда, когда я вам преподам приемы, как пережить столь длительное пребывание в экстремальных условиях без пищи и воды. У тебя, номер Два, – он выразительно взглянул на Петра, – есть три попытки.

– А, что это такое за зверь такой карцер? – не выдержал Петр, задетый ответами за живое, пренебрежительным тоном, и снисходительной манерой Кечо. По коридору они двигались один за другим с тренером Кечо посередине. При таком движении всякое общение между друзьями было исключено. Но на вопрос Петра Кечо отвечал:

Номер два, и ты, номер Один, объясняю первый и последний раз. Карцер – это мера наказания, которая состоит в следующем. Провинившегося закрывают в боксе кубической формы без окон и освещения. Стены, потолок и пол, из цемента. Без еды и питья, наказуемый проводит там ровно две недели. Спустя этого срока его извлекают, конечно, если он остается в живых, то проходит курс восстановления, кстати, восстановление длится тоже две недели. Но это уже в нормальных условиях под наблюдением врачей. После чего усиленные тренировки с целью наверстать упущенный материал. Вам ясно?

В ответ Кечо не услышал ни слова. Это вывело тренера из себя:

– Не слышу?! – строгим голосом выпалил он.

– Ясно! – зло ответили хором новобранцы.

В это время они вошли в зал. В центре очерченного двумя кругами места, желтого и красного цветов стоял манекен Селенита, как живой. Бока черного, как смоль, чудовища украшали по две руки—лапы. Издали эти конечности походили на четыре костлявые руки, или, скорее усохшие конечности. Две, как у человека исходили от плеч, а две выходили из туловища с обоих боков, примерно, где—то на уровне пупка. Все эти четыре конечности—руки закан-

чивались пятипалыми когтистыми кистями, украшенными загнутыми когтями, как у стервятника.

Это робот. – Поспешил объяснить тренер. – Эти круги, желтый внутренний и красный наружный выполнены для ориентации робота. На нем я покажу уязвимые места, откуда может исходить угроза. Вы должны четко осознать, что борьба между вами и Селенимом будет происходить на подсознательном уровне. – С этими словами он достал из кобуры, болтающейся на правом боку, увесистый пистолет—автомат. – Это супер—современное автоматическое оружие лучемет стреляющий пространственно—временными импульсами. Попадая в Селенима, он расчленяет его на атомы, превращая монстра в пыль или в туман. Но чтобы попасть в него вам необходимо будет завладеть его сознанием. То есть, на тех девяноста пяти процентах, не задействованных людьми ресурсах ваших мозгов. Я преподам вам методику овладения этими скрытыми ресурсами, заложенными природой и, о которых, вы оба, не имеете понятия. Вам ясно?

– Ясно. – на этот раз друзья вяло ответили хором. На что Кечо заметил, резким приказным тоном: —Отвечать надо так: «Ясно, господин тренер!». – Повторите!

– Ясно, господин тренер! – по-военному отчеканили ученики.

– Ну, вот, уже лучше. Объясняю дальше. Селенимы имеют очень устойчивую привязанность к нашим биотокам подсознательного не задействованного ресурса мозга. Для них особое удовольствие составляет считывание информации с ваших мозговых клеток, и управлять самим человеком путем биолокационных процессов, которые они транслируют в ваши мозги. Подойдите ближе. Он подвел учеников к желтому кругу, объяснив: —Этот круг сигнализирует роботу, что люди в не поражения, и он не реагирует на вас. Но стоит переступить желтую черту и стать между желтым и красным кругами он начнет атаковать вас, но не на поражение. За красным кругом особая зона. Там отрабатываются смертельные приемы борьбы. Но сейчас не об этом. Итак, видите эти гофры, идущие веером от шейных позвонков Селенима. Это антенны, ориентированные на прием биоволн испускаемых мозгом человека, равно, как и на трансляцию команд мозгу человека. Благодаря этому Селеним в считанные секунды подчиняет себе подсознание человека, и становится для него не только невидимым, но и не уязвимым. Он захватывает командные центры вашего мозга и лучемет не управляется уже вами, а вы сами же направляете оружие на себя и убиваете самого себя. Я научу вас, как противостоять этому явлению, а заодно и обратить в свою пользу его же оружие против него самого.

Леонид вдруг почувствовал, как того не подозревая, Кечо сделал ценнейшую подсказку, как наладить диалог между Петром. До гениальности просто, использовать Кечо, путем продуманных вопросов ему, на которые он будет давать ответы, которые будет слышать и Петр. Обмениваясь вопросами с Кечо, друзья будут слышать друг друга, читая ответы тренера, и использовать эти ответы, как обращение друг к другу, в своих собственных интересах. Леонид воодушевился вдруг осенившей его мыслью. Ему в эти мгновения захотелось поддержать друга дать ему ту же надежду. Взглядом полным участия он взглянул в потупившие глаза Собинова. Петр отсутствующими глазами безучасно смотрел на ликующего Леонида. И уловил в них что—то особенное, что—то такое, что могло означать намеченный план к действию в этом, казалось, безвыходном положении. И в подтверждение своего плана он спросил у Кечо:

– Господин тренер, чем вызван строгий запрет на общение с Петром? – при этом Леонид не сводил глаз с друга.

– Номер Первый, я запретил твое общение с номером Два лишь потому, что программа обучения строго индивидуальна. Ваше же общение создаст помехи в освоении материала, которое потом скажется на практике, раз и навсегда заблокирует способность подсознания к восприятию. Тебе ясно, номер Первый?

– Ясно, господин тренер! – в этот миг в глазах Петра отразилось понимание. Собинов улыбнулся, чуть заметной улыбкой. Было ясно, что Петр понял игру, которую задумал Леонид

в их непрестом положении. А Кечо, продолжал: — Так вот, происхождение Селенитов связано с опытами Ареала по выведению максимально устойчивого организма к внешним неблагоприятным условиям. Селениты были выведены для использования в самых сложных и вредных для обыкновенного человека условиях, для выполнения различного рода работ...

Кечо разъяснял подробно строение органов восприятия Селенитов и указывал на преимущества человека. Из подробного урока стала проясняться картина опасности, какую несет общество Селенитов для Человечества на Земле. И картина качественной и успешной тактики ведения боевых действий с этими существами...

Леонид, решивший использовать Кечо, как посредника в переговорах с Петром, задал ему первый вопрос, надеясь вызвать его на откровенную беседу и попытаться войти в доверие:

– Господин тренер, а скажите, что побудило Ареала вывести этих Селенитов?

– Разногласия с Тео...

Леонид не ожидал, что его вопрос вызовет столь длинную речь у этого грубого тренера. А Кечо, как будто ждал этого вопроса, пустился в подробное описание причин, побудивших Ареала войти в разногласия с Верховным Жрецом страны Шомон с Фаэтона, Тео. Итак, Кечо продолжал: – Тео, не только Верховный Жрец, но и ученный, предложивший переселение на Землю. Он точно предсказал дату гибели планеты, раскрыл подробные причины необратимых процессов в обществе, которые неуклонно привели впоследствии к катастрофе, но и подробно изложил процесс воссоздания цивилизации людей на планете Земля. Разногласия Ареала возникли на почве усовершенствования переселенных на Землю Фаэтонцев до возможного создания их организма способного переносить условия не совместимые с жизнью обыкновенного человека. Ареал сам вышел из среды экземпляров развившихся в процессе ускоренной эволюции. Этого удалось добиться Тео, лишь здесь, в Эдеме, после того, как было обнаружено пространство в середине Земли со своим Солнцем и райскими условиями существования. Для этого перенесли лаборатории из спутников Марса, с Фобоса и Деймоса, сюда в Эдем, но не сразу. В земной коре, а именно под материком, который вы называете Антарктидой, мы же его назвали Атлантида, нашими пилотами были обнаружены огромные полости. Туда мы перенесли наши лаборатории для того, чтобы вести наблюдения за расой Атлантов и развернуть широкомасштабные работы по строительству Шамбалы в Эдеме, исследуя процессы ускоренного развития Человека мыслящего. Когда из этих самых экземпляров родился и сформировался ученый Ареал, который впоследствии стал критиковать эволюционные процессы, основанные на учении Тео и наследие ученых Фаэтона. Ареал утверждал, что путем генной инженерии и последующим клонированием можно создать организм мыслящий способный к выживанию в условиях даже вакуума. На что Тео категорически возражал, аргументируя это тем, что такой организм непременно будет деградировать с непредсказуемыми последствиями. Но Ареал был неумолим. Он доказывал, что Новый Человек, который способен будет выжить в космическом вакууме, генерируя жизненную энергию из Солнца и даже из энергии самих звезд, перевернет всю Вселенную и будет хозяином во Вселенной. Для этого он стал вести свои опыты там, в скрытых земной корой пещерах, где были оборудованы его лаборатории, оснащенные самой совершенной техникой и приборами. Там ему удалось мутировать ДНК человека совместно с ДНК таракана. Тараканы, как известно, имеют устойчивый иммунитет к выживанию. Им не страшны даже смертельные для человека дозы радиации. Эта особь долгое время может находиться без воды и пищи, а также и без воздуха, что и привлекло внимание Ареала. Тео изгнал его из Шамбалы. Но Ареал предвидел такой ход событий еще, когда строил свои подпольные лаборатории на базе брошенной после переселения из них Тео в Шамбалу. Там он, Ареал, и сейчас обитает, и там же, им было создано целое племя биологических монстров, которые рабски преданы ему. Тео поздно спохватился, когда отряд Селенитов уже был на страже подземного владения Ареала. И лишь спустя много лет, когда Селениты все, как один, переселились на Луну и создали там свои поселения, когда, впослед-

ствии, их устремления обратились в сторону Земли, лишь тогда Ареал стал союзником Тео. Он передал все материалы, описывающие рефлекторные, анатомические особенности Селенитов, и данные по устройству центральной нервной системы. Из этих материалов нам стали известны слабые стороны и уязвимые места этого организма, способного к регенерации своих утраченных конечностей и органов. Поэтому подход к изучению этого противника у нас жесткий и порою будет жестокий. Для этого Тео и воссоздал меня, Кечо, заново. Я очень давно, в доисторические времена, тренировал пилотов Фаэтона, помогавших нам осуществлять переселение добровольцев цивилизации Фаэтона на планету Земля. Мне более шестнадцати миллионов лет. До сего времени я находился в специальном хранилище Шамбалы здесь в Эдеме. Но времена меняются и, как видно, я понадобился снова Тео. Почему он выбрал именно вас в помощники, да потому, что вы напомнили ему тех двух друзей пилотов, что делали работу здесь на Земле, доставляя генетический материал из Фаэтона. В процессе моего возвращения в живую форму по специальной программе, мне был введен курс знаний и добавлен к тому запасу, который уже был у меня. И теперь я обладаю всем необходимым, чтобы передать все, что я знаю вам новобранцы. Только бы вы все это смогли усвоить. Кечо на этом остановился, взглянул на табло часов и выпалил уже потеплевшим голосом, объявляя: – Ну, новобранцы, на сегодня все. Вы получили достаточно информации, чтобы осознать и сделать правильные выводы. Сейчас я вас отведу к месту дислокации, то есть по комнатам. Там уже лежат анатомические учебные пособия по устройству Селенитов. Изучите, и к завтрашнему занятию буду принимать экзамен. Затем после определения ваших знаний будем вскрывать ваше подсознание и на его уровне отрабатывать приемы боя, приемы выживания, приемы регенерации в случае утраченных в бою конечностей и внутренних органов.

– Вы не можете так поступать с нами. Это не справедливо заставлять нас верить в сказки регенерации! – не выдержал Собинов, оглашая зал возгласом негодования. На что Кечо ничуть не смущаясь, ответил:

– Да возможно. Причем в считанные минуты. Время регенерации зависит от того, что это за орган или часть тела.

Кечо был одет в короткую спортивную кожаную куртку черного цвета. Молниеносно из правого рукава куртки в кисти Кечо появился короткий стальной римский меч. Он выставил перед собой левую руку, и взмахом меча левая кисть полетела отрубленная на деревянные полы зала. Из обрубка руки брызнула кровь, сворачиваясь у основания раны на глазах у изумленных друзей. Лицо Кечо почернело от боли, но ни один мускул не дрогнул на его ястребином лице. Рана перестала кровоточить и начала затягиваться, быстро зарастая на глазах у Леонида и Петра. Затем медленно из затянувшегося обрубка сформировалась перепончатая кисть руки, перепонки уменьшались к ладони, формируя пальцы кисти, которые выросли на глазах до нормальных размеров. Прошло ровно десять минут с момента отсечения и до полного восстановления левой кисти руки. Следов шрама на месте сечения не было. Кечо слегка бледный, но с невозмутимым видом сказал:

– Этими приемами, вы будете владеть досконально. Это будет возможно после вскрытия вашего подсознания. Мы будем тренироваться, и все у вас получится, как и у меня.

Друзья в иступленном недоумении переглянулись. Кечо, заметив их удрученные взгляды, добавил:

– Кто не хочет, заставим! Кто не будет уметь, научим! И у вас, как и у меня получится. Вам ясно?

– Ясно, господин тренер! – хором ответили новобранцы.

– Ну, а сейчас пошли по домам!

И Кечо, как и утром, сопровождал друзей до их комнат. Перед тем как попрощаться, напомнил: —Помните, никаких контактов? Наказуемо карцером.

Леонид подумал: —«Пугает, как детей в детском садике».

У Петра мелькнула мысль: —«Детский сад и только», — а вслух сказал, — Мы не дети. Мы солдаты самой сильной армии в мире. Вам это ясно, господин тренер?

Кечо, засопев, как паровоз, ответил, —У тебя, номер два, осталось уже две попытки, только две, до наказания карцером за пререкания со старшим по званию.

Кечо колко и выжидательно уставился в глаза Петру. Петр, вскипев внутри, с саркастической кривой улыбкой уже открыл рот для ответного слова, но вовремя перевел взгляд на Леонида. Кразимов строго и напряженно покачал головой вправо, влево. Собинов закрыл рот, не проронив больше ни слова. С минуту все молчали, затем по-военному оба одновременно, как на параде по команде «Кругом», повернулись лицом к своим дверям, и одновременно каждый вошел в свою комнату. Кечо остался один, наклонив голову на короткой шее, в это время стал походить на разъяренного коршуна, от которого только что улизнула добыча. Круглые, выпученные глаза да крючковатый нос особенно ярко подчеркивали это сходство. Осознав, наконец, что новобранцев перед ним нет, он вдруг растаял в воздухе, как туман.

Леонид на журнальном столике обнаружил анатомический атлас. Помня слова Кечо, присел в кресло, открыл его. Листая атлас, всматривался в цветные изображения органов Селенита, с огромным перечнем различных названий написанных современной латынью.

— И это я должен знать? — вслух и в сердцах сказал, и зло швырнул книгу на столик. Затем заерзал в кресле, поудобнее усаживаясь. Задумался. Голову начала сверлить одна и та же мысль, —«Тут не вооруженным глазом ясно, у Кечо запланирован карцер, и он готовит нам с Петром это испытание».

Леонид понял, что карцера не избежать. Он стал напряженно соображать, как выжить в условиях карцера. Он припоминал программу по методам выживания в экстремальных условиях пустыни и крайнего Севера. Но подготовка пилотов космических кораблей по методике выживания всегда была привязана к среде обитания той или иной фауны или животного мира, обитающих на данной местности вынужденного приземления. А что делать в условиях карцера? Когда со всех сторон тебя окружает бетон и ни питья, ни еды две недели к ряду. Как быть в такой ситуации, как сохранить жизнь? Он много читал в свое время о методике индийских йогов по искусственному замедлению жизненно важных функций организма. Йоги придают особое значение самовнушению и медитации. Медитируя погружаясь, таким образом, в транс оцепенения, заблаговременно программируя время выхода из медитации, йог может выдержать мороз и жажду, и голод, находясь в таком состоянии месяц и более. Если использовать методику йогов, то можно пройти испытание карцером. Леонид стал вспоминать учебный курс по йоге, который преподавали им в институте для выживания в условиях ограниченного потребления кислорода. Он даже получил оценку «отлично», продержавшись трое суток без достаточного содержания кислорода в воздухе барокамеры. Но тогда из этого состояния их, студентов, выводил преподаватель, преподававший курс йоги. А что делать тут? И мысль спасательная пришла сама собой. Ну конечно, главное сохранить организм, а вывести его из транс медитации, поможет Кечо. Уж это он обязан будет сделать, и будет им сделано как следует. Таким образом, Леонид внутренне подготовил себя к испытанию карцером. Единственно, что его озадачивало, так это Петр. И он решил, путем наводящих вопросов, задавая их Кечо, и выслушивая его ответы, которые будет слушать и Петр, довести свою идею Петру. Ведь он тоже проходил тренировки в барокамере по методике йога—преподавателя. И Леонид с чувством выполненного долга перед товарищем, в полном душевном равновесии стал готовиться ко сну...

Леониду снилась Аня и сын. Как будто они все вместе гуляют очень красивым садом среди вечнозеленых и цветущих растений. Среди деревьев с диковинными фруктами на них. Им легко и свободно. Дима счастливо улыбается и смеется звонким детским смехом. Аня целует Леонида и ему тепло и уютно рядом с самими близкими людьми. И вдруг задрожала земля. Нарастающий гул все громче доносится из глубины земных недр. Внезапно происходит

раскол земной поверхности надвое. На одной стороне отдаляясь от него, на краю пропасти застыли в ужасе Аня с сыном. Пропасть быстро расширяется. Из глубин земных недр поднимается страшный всплеск расплавленной магмы, заливая цветущие Деревя и цветы...

Леонид в холодном поту открыл глаза. Будильник свирепо трещал, было ровно шесть часов утра.

– Уф—х! – перевел дух Кразимов с чувством облегчения, так как понял, что это был всего лишь сон. И уже успокоившись, сказал сам себе, почти радостно, осознав окончательно, что это был кошмар.

– Пора вставать.

Мысли о жене и сыне не покидали его. Он стал задумываться над тем, как долго не видел их. Сердце защемило. И впервые он стал с горечью осознавать, как бесцельно и впустую улетает время. И, что самое счастлирое время для семейной жизни ушло и уходит бесследно, как дым от костра, на котором сжигаются вместо дров его надежды и чаяния. С таким настроением и мыслями он вышел в коридор, где уже были Кечо и Петр. И снова, как и вчера, Леонид за ним Кечо и далее Петр все устремились длинным коридором к тренировочному залу. По дороге Кечо стал говорить о применении суперсовременной системы лучемета.

– Вчера я ознакомил вас, новобранцы с оружием ближнего боя.

Леонид с облегчением вздохнул, значит, разговоры о карцере пока откладываются. Тем временем, Кечо продолжал.

– Вы ознакомились с анатомией Селенита и теперь знаете об их уязвимых местах. Там в атласе эти места выделены красными надписями. Вы изучили их?

И снова призрак карцера навис над друзьями с новой угрозой, так как Леонид не сомневался, что и Петр не в состоянии изучить атлас за столь короткое время досконально, да еще и не владея латынью. А в голове лихорадочно мелькали мысли о том, как отвлечь Кечо от нависающего неизбежностью наказания. Но, вдруг, Петр спросил: – Господин тренер, а можно вопрос?

– Да! Но, только по существу и по теме!

Петр, казалось, обрадовался такому и, не задумываясь, спросил, —В солнечном сплетении Селенита сходится весь спектр нервных окончаний, которые при попадании пространственно—временного импульса расчлениают тело Селенита на атомы. Как бы превращая его в пыль или в туман.

– Так, я не понимаю, в чем суть вопроса? – нетерпеливо спросил Кечо. Леонид подумал,

– «Вот молодец, заморочил голову, может и оттянет этот дурацкий экзамен на анатомические познания, которые мы не в силах вызубрить».

А Петр, словно ожидал этот вопрос, и без запинки выпалил, —В атласе сказано, что любые пространственно—временные импульсы отталкиваются энергетической оболочкой, аурой, Селенита, как от зеркала лучи и поражают нападающего его же оружием, как в таком случае быть?

– Номер Два, то что ты задал мне этот вопрос, с одной стороны хорошо. Потому, что еще ваш великий полководец Суворов в былые ваши времена говаривал, – «Повторение мать учения!».

– Это не Суворов сказал, это так гласит народная мудрость, что повторение мать учения. – Вмешался в разговор Леонид, и поспешил добавить. – А великий Русский полководец только любил повторять это.

– Суть вещей не меняется от этого, новобранцы. Так, номер два, я тебя слушаю? – с угрожающими нотками в голосе обратился Кечо к Петру. Петр, нисколько не смущаясь, а уверенно повторил вопрос, —Так как в таком случае быть?

– В атласе нет такого! – как в истерике вскричал Кечо. Леонид снова отметил: – «Вот так тебе за карцер. Ах, Петруша, молодец!».

А Петр, как будто ждал такой ответ Кечо.

– А вступление в атласе указывает на то, что Селенит считает все команды человеческого мозга и дают свои импульсы. Таким образом, человек по команде Селенита направляет лучемер на самого себя и кончает жизнь самоубийством. Значит, борьба против Селенита таким оружием бесполезна?

– Ты, номер два, делаешь поспешные выводы.

– Я пытаюсь вести эффективный бой в будущем и добиваться победы над монстрами. Точно так же и мой товарищ, Леонид Кразимов, согласится со мной. Не так ли, Леня?

Эта последняя фраза Петра была ошибкой. Не надо было дразнить гусей, с опаской подумал Леонид. Но на удивление, Кечо мягко заметил, – Вот, номер два, ты уже стал соображать самостоятельно, что нам, собственно говоря и надо для эффекта в бою.

– А что же все-таки, надо делать в этом случае, господин тренер? – решил сориентировать огонь на себя Леонид.

– Я же говорил вам вчера, новобранцы, что ввиду вас в режим сражения, отработкой простеньких приемов на манекене. Вы почувствуете его реакцию...

Кечо еще долго и пространно рассуждал о том, как и куда, устремлять свое внимание во время ведения боя. Как концентрировать энергию и степень защиты. Все трое не заметили, как уже давно очутились в зале и там, на роботе—манекене, ловко увертываясь, от молниеносных движений четырех, почти невидимых в быстром движении конечностей, Кечо показывал все то, о чем говорил. Леонид и Петр, не зависимо друг от друга поняли, что тема карцера отодвинулась, по крайней мере, еще на один день...

После напряженных тренировок и надоедливых придилок Кечо, Леонид особенно остро стал ощущать тяжесть одиночества. Дамокловым мечом нависшее над ним оно удавкой сдавливало горло. Ком обиды за безвозвратно утерянные дни подступал к сердцу, заставляя память возвращать его в те счастливые дни их близости. В такие минуты не хотелось ни есть, ни пить, ни следить за собой. Не хотелось ничего, а, тем более что—либо изучать. Изнурительные тренировки, как необходимость, выжимали из Кразимова все силы и все живительные соки. И только во время этих изуверских тренировок Леонид забывался, не думая со жгучей тоской об Ане, и сыне. Он знал, что у Петра было не лучшее состояние. Вот и выходило так, что эти тренировки были отвлекающим фактором, спасающим их от тягостных мыслей о семье, о доме, о близких и родных людях...

Глава пятая

Аня вошла в туристическое агентство в довольно приятном расположении духа. В руках она держала черную папку для бумаг с готовыми фотографиями. Не смотря на еще не совсем теплые первые майские дни, была без головного убора. Ее красивые завитые в парикмахерской волосы, рассыпались каштановыми прядями на плечах. Не хотелось удачную укладку мять головным убором. На ней была надета короткая норковая шубка, черные теплые колготы облегали точенные ровные ноги, обутые в модные сапожки, а исходивший аромат французских духов, кружил голову встречным мужчинам, попадавшим на ее пути в турагентство.

Знакомый менеджер, вскочив со своего места, где он сидел за компьютером, с лакейской улыбкой на устах, предложил снять полушубок, что Аня сделала, кокетливо сбросив шубку на руки менеджеру.

– Прошу, Вас, присаживайтесь! – воркующим голосом, нищего голубя, увидевшего перед собой богатую, и как ему казалось, очень соблазнительную голубку. – Что привело Вас в нашу компанию?

Аня догадалась, что ее не узнали, и решила слегка поморочить голову этому клерку. Ей было приятно, что после стольких лет убогого существования, униженного положения, она вдруг почувствовала себя уверенно и гордо. А задуманная миссия по розыску мужа, придавала ей смелости. Глядя на молодую женщину перед собой, столь уверенную в своих действиях, любой мужчина испытывал бы трепетную неуверенность. Убеждая себя в том, что перед ним, конечно любовница какого ни будь богатенького папика, который в случае чего закатает обеих, и ее и его в асфальт, при попытке сближения, не говоря о любовном свидании. Поэтому, выдерживая некую дистанцию, менеджер, осторожно начал диалог.

– Могу предложить Вам очень хороший выбор мест для отдыха! – он сделал паузу, обернулся, как бы кого-то, высматривая в конторе, затем, поднял кверху палец правой руки, и небрежно, как бы невзначай, обратился к девушке, сидевшей рядом за компьютером и не сводившей завистливого взгляда с посетительницы. – Лена, сделай нам кофе, пожалуйста! – последнее слово было произнесено с ударением. Девушка медленно, поднялась со своего места, с пунцовым румянцем на щеках, который внезапно всплыл и украсил ее деревянную мину, возникшую на лице. Встряхнув длинными черными волосами, она удалилась в комнату для обедов, готовить кофе.

– Вы знаете меня, интересует поездка в Чили?

Менеджер немедленно перехватил инициативу, и стал предлагать дорогостоящие круизы по длинному маршруту вдоль береговой линии страны. Аня терпеливо вслушивалась в знакомые туры по первому визиту, затем сказала, – Меня интересуют немецкие колонии, адаптированные к местным условиям и занимающиеся туристическим бизнесом, есть такие?

– Ну, конечно есть. Но, – менеджер явно что—то не договаривал, – но, зачем вам ехать куда—то в горную местность по плохим дорогам, чтобы посетить одну из этих пристанищ обедневших изгнанников из их родины Германии?

– Но, почему же? Я слышала, что они очень процветающая колония и весьма преуспели в туризме. И мне очень бы хотелось окунуться во времена тридцатых годов довоенной Германии. Там готовят, отличные немецкие блюда в местном ресторанчике и приятная экскурсия по Вилле Бавария.

Менеджер вдруг покраснел до ушей. Затем, переведя дух, выпалил, – Простите меня, я вас не узнал. Прошлый раз я сказал вам принести фотографии, вы по этому поводу пришли?

– Ну да конечно, а то, что вы меня не узнали, ну с кем не бывает? – насмешливо сказала Аня.

Спустя довольно длительное время, появилась сотрудница с дымящими чашечками растворимого кофе на подносе. Она медленно поставила поднос перед менеджером, и, тряхнув волосами, уселась на свое место. Клерк не обратил внимания на поднос, поставленный на разложенные бумаги, вскочил с места с подносом в руках, поставил чашечку с кофе Ане другую себе, пустой поднос, почти бросил на стол соседке на ее бумаги. На что девушка, фыркнув, ушла с подносом в комнату для обедов. Аня больше ее не видела до конца оформления бумаг.

– Значит так, – начал он рассказывать о маршруте. – В Сантьяго де Чили вас встретит наш представитель, и арендованный автобус доставит группу в пятизвездочный отель. Там вы пробудете ровно одну неделю, питание и проживание в гостинице входит в стоимость путевки, а также экскурсии по городу и прогулки по океану. После недельного пребывания, Вас посадят на туристический поезд, и через двое суток вы попадете в окрестности городка, примыкающего к Вилле Бавария. Там вас уже будет ждать автобус с Виллы, который доставит Вас в местную гостиницу, принадлежащую колонии и экскурсовод расскажет и покажет достопримечательности и историю возникновения Виллы. Там вы пробудете еще неделю, после чего поездом Вас доставят в Сантьяго и уже из гостиницы на самолет, который прямым рейсом вылетает в Москву.

Аня слушала менеджера с каким—то чувством ненадежности. Так хорошо и складно у него получались маршруты и этот тур в Чили, что по неволе хотелось хоть что—то узнать от побывавших уже туристов там, и не откладывая вопрос в долгий ящик, она спросила.

– А Вы сами то были там?

Вопрос, казалось, застал менеджера врасплох. Глаза его забегали, как в настенных часах, туда-сюда, затем он опустил взгляд на бумаги, подписанные Аней, и глухо ответил, — Да, собственно говоря, меня туда не приглашали наши партнеры из посольства Чили.

– Ну, а вы знаете, кого ни будь, кто бы мог рассказать, как на самом деле там?

– Послушайте, девушка, если вам не хочется туда ехать, так не езжайте. Мне абсолютно все равно, от какого агентства вы поедете. Скажу только, что от этой поездки еще никто не отказывался, и жалоб не было.

Аня поняла, что расспрашивать больше не о чем, и, решив завершить оформление путевок, спросила, – Когда за паспортами и за путевками?

– Позвоните через две недели. – Он, молча, сунул ей свою визитку, давая понять, что разговор окончен. Аня встала, сняла с вешалки свою шубку и надела ее. Менеджер делал вид, что очень занят компьютером, чтобы помочь даме надеть полушубок и вообще проводить до двери.

– До встречи? – бросила она ему, закрывая за собой дверь, услышав у себя за спиной слова менеджера, — До скорой встречи!

– Девушка? – окликнул Аню женский голос. Она обернулась. В коридоре стояла сотрудница турагентства, которая приносила кофе.

– Вы, что—то хотели мне сказать? – подходя к ней, спросила Аня.

– Конечно, это нарушение трудовой этики, но мне это уже так осточертело, когда прямо в глаза врут. – В сердцах говорила она.

– Что вы имеете в виду?

– А то, что эти путевки продает служащий посольства Чили, полу легально. Деньги берет в свой карман и делится с этим Стасом, который вот вам оформляет визы и путевки.

– Так, что там все не так, что ли, как мне рассказывают?

– Эти путевки покупают Чилийские студенты. Им очень выгодно придти, заплатить и не о чем больше не беспокоится. Им главное добраться до Сантьяго, тем более, что у них колоссальные льготы, так как правительство Чили заботится о своих студентах.

– Ну и что с этого? Вы хотите сказать, что до Виллы Бавария мы будем добираться своим ходом?

– Вот уж этого я не знаю. Знаю лишь одно, что за студентов платит государство, а часть денег они вносят сами и денег, получается, меньше, чем от обычных туристов.

– А обычных туристов тут было много?

– В основном богатые бизнесмены. Их тоже интересовало только поездка до Сантьяго. Но, конечно же, они тоже переплачивали, как за полный тур.

Внезапно открылась дверь, и громкий голос менеджера гаркнул: – Селезнева, сколько можно курить? Я за тебя не буду работать, мне еще в три посольства надо успеть!

– Я вам ничего не говорила? – испугалась девушка, быстро удаляясь.

– Спасибо! – ответила Аня. Эти слова Селезневой насторожили Аню. Где—то глубоко в подсознание забилося тревожное предчувствие того, что эта поездка будет не из легких. И что самое печальное может сложиться все не так, как красиво расписано в рекламном буклете, рассказывающем о предстоящем туре. Аня направилась к выходу и вскоре уже стучала каблучками по мостовой. Свежий весенний ветерок нежно прикоснулся к щекам, наполняя все вокруг тончайшими и далекими ароматами пришедшей, казалось, так внезапно весны. Окна домов веселыми солнечными отблесками приветствовали молодую женщину, а встречные мужчины, прогуливавшиеся здесь на Арбате, среди рядов художников, торгующих своими поделками, провожали ее восхищенными взглядами. Ане было легко на душе и приятно. Молодость еще кипела в ней бурным эмоциональным потоком, возбуждая деятельное стремление, во что бы то ни стало разыскать Леонида. Ее внутреннее чутье подсказывало ей, что она на верном пути и от этого радость волна за волной вселялась в ее молодое естество с дуновением этого ласкающего весеннего ветерка.

Аня спешила домой, чтобы поделиться своими эмоциями с Анной. Рассказать ей об успешном завершении оформления путевок, и что остался суший пустяк, придти и забрать их, спустя условленное время в две недели. За эти две недели надо подготовиться к отъезду. Тщательно все взвесить, рассчитать, обыграть разные моменты, исключая любые случайности, встреченные в поездке. С такими мыслями она пришла домой. Переступив порог квартиры, принялась снимать верхнюю одежду. За этим занятием застал ее Дима с одним и тем же вопросом, который он задавал ей уже на протяжении целой недели: —Мама, когда мы пойдем в детский садик?

Аня уже не водила с неделю к ряду сына туда. Вместо этого они все втроем, включая Анну Собинову, ходили в ЦУМ, в ГУМ, и Бог знает еще по каким магазинам и бутикам, скупая дорогие игрушки Диме, себе одежду и украшения. У Димы появились самоходные управляемые по радио, летающие игрушечные модели миниатюрных вертолетов,двигающиеся по пересеченной местности модели вездеходов, стреляющих танков, и даже модель подводной лодки. Ему страстно хотелось похвастаться перед товарищами из детского сада, а мама, как назло, не вела его туда. Дима снова надул губы и пробурчал: —Ты не хочешь знать меня? Что я не твой сын? – слезы навернулись у мальчишки на глаза. Аня притянула его голову, прижала к себе. Поглаживая волосы, пахнущие, как у птенца, оперение, стала причитать, – Нет, дорогой, ты мой сынок. Но у нас пропал папа и мы его должны найти. – Она вдруг спохватилась. Ведь до сего времени Дима знал, что папа в далекой и длительной командировке. Дима вдруг поднял наполненные слезами глаза, взглянул в глаза матери, – Почему пропал? Когда, мама?

– Совсем недавно. – Стала объяснять ему Аня. – Мне позвонили с его службы и сказали, я только об этом на прошлой неделе узнала.

– Мамочка, ты возьмешь меня с собой? Мы вместе найдем папу? – уверенным тоном завершил вопрос сын. Аня глубоко вздохнула и глухим голосом ответила:

– Да, сынок, мы вместе найдем папу!

Дима высвободился из ее объятий. С серьезным видом, направился в свою комнату.

– Ты куда?

– Я одеваться. Мы сейчас уйдем на поиски папы.

– Димочка, сынок, мы поедем через неделю, а то и через две. Нам надо хорошо подготовиться, потому что папа очень далеко за границей, заблудился в чужой стране за океаном.

– Скажи в какой, я посмотрю на глобусе?

– Это Чили, в Южной Америке.

Дима стоял в дверях своей комнаты. Как-то по-взрослому смотрел в мамины, полные слез, глаза, вздохнул и сказал: —Мамочка, ты можешь положиться на меня. — И ушел в свою комнату. У Ани потекли слезы умиления. Она смахивала их обильный ток надушенным платком и душа ее в эти минуты была переполнена гордостью, что этот маленький человечек вырастает настоящим мужчиной и, как знать, когда—то в далеком, далеком будущем, станет надежной опорой своей, уже его, семьи...

– Эй, подруга! — Из кухни раздался голос Анны Собиновой. — Ты что, не заходишь на кухню? — Она все это время возилась над праздничным обедом, в честь окончания процедуры оформления путевок, накрыв шикарный стол, на котором красовалась в вазе красная икра, колбасные нарезки, курица гриль в золотистой кожице. Парилась на блюде горячая картошка, и были в изобилии салаты из свежих помидор с огурцами. Все это изобилие украшала бутылка Грузинского красного вина «Саперави».

– Боже мой! — Восхищенно всплеснула руками вошедшая Аня.

– Чем Бог послал. — Ликуя от гордости, сказала Анна, и добавила, — Ну, зови своего мужчину, будем садиться за стол.

– Дима! — крикнула Аня, усаживаясь на свое место. Дима появился в дверях кухни. Заметив маму, усаживающуюся за стол, строго спросил, —А ты руки мыла?

Все дружно засмеялись. После, женщины тщательно вымыли руки и уселись за стол. За обедом Аня рассказала о своем походе в турагентство. Особенно позабавило всех то, что менеджер не узнал ее сразу.

– Козел! — процедила сквозь зубы Анна.

– Ничего себе козел, — возразила Аня. — Так пристроится и нагло обирать даже дипломатов, может далеко не каждый.

– Все равно козел! — раздраженно отвечала Анна. — Вот из-за таких козлов, как он, и нет у нас, до сих пор, нормального туристического сервиса.

– Анна, мы еще не знаем, что и как в этой поездке нас ждет? Просто из-за дороговизны путевок наши люди туда не ездят, кроме их студентов, да дипломатов с бизнесменами. Вот и получается, что спросить то и не у кого из наших соотечественников.

– Ладно, подруга, поедем, разберемся. Я им потом, после поездки, такое устрою, мало не покажется! — воинственным тоном, после второго полного бокала вина, заявила Анна.

Они еще долго, до поздней ночи, строили различные планы и домыслы, увлекая свое воображение в непроходимые чащи, из которых практически не было выхода.

Дима в это время уже давно спал в своей комнате. Женщины же спохватились около часа ночи, убрали со стола, помыв посуду, разошлись по комнатам.

Так закончился и этот день. Фактически, подготовка их маленького отряда на поиски пропавших безвести мужей, началась...

За утренним кофе, на следующий день, подруги живо стали обсуждать предстоящую подготовку к столь жаждающему своей развязки походу. Анна, как всегда в цветастом ситцевом халате и в бигудях, туго накрученных на голове, отхлебнув глоток крепкого арабского кофе, сказала: — Я вот что думаю, Аня?

Она умолкла. Пауза явно затягивалась. Аня нетерпеливо уставилась на подругу, в любопытном ожидании, что она скажет? Не дождавшись, спустя долгую минуту, спросила, —Да говори же, что там у тебя на уме?

– Так вот что я думаю? Надо все, что мы с тобой задумали, записывать на видик. Каждую мелочь и каждый день, каждый раз перед выходом на маршрут.

– Знаешь, Анна, я это уже предусмотрела. Вот купила для этого японскую цифровую камеру. На ней можно не только делать документальные звуковые фильмы, но и останавливать понравившийся кадр и в цвете выполнить полномасштабную фотографию. И это еще не все, подключившись к компьютеру можно это все, что мы тут снимаем, переадресовать в любую точку мира по Интернету и на другом компьютере все воспроизвести. А также, создав базу данных забрасывать в нее все наши снятые кадры. Это на тот случай, когда вдруг у нас украдут камеру, или мы ее потеряем, то в базе диска у нас будет храниться копия. Зная секретный пароль, мы сможем в любой момент извлечь все то, что там спрятано.

Анна с загоревшимися от любопытства глазами, нетерпеливо воскликнула, —Покажи камеру?

Аня, не спеша, встала из-за стола и вышла. Она появилась с минуту спустя. В руках у нее была новенькая японская видеокамера последнего образца. Она навела объектив на Анну и стала ее снимать, комментируя, —Вот Анна, пьет кофе и собирается со мной и с Димкой в поход за вами наши безвести пропавшие, Леня и Петруша.

– Аня, что ты делаешь? Я же не готова в таком виде, в бигудях и халате. Перестань.

Анна стала прятать в ладони лицо и быстро убежала к себе в комнату.

– Ну, вот. – Сказала сама себе Аня, направляя объектив на себя, – Только начала снимать наш документальный очерк, как Собинова быстро смывается. Ну и дела.

Она отложила камеру. Затем принесла тетрадь и ручку и принялась что—то энергично записывать. Вскоре на кухне появилась Анна. Она была уже без бигуди, в макияже и в вечернем платье в ушах висели серьги, на шее болталось кольцо, все украшения из бижутерии. Аня с нескрываемой улыбкой посмотрела на подругу, – Ну вот, теперь ты точно смахиваешь на актрису из многосерийного латиноамериканского сериала?

– Да будет тебе, Аня. – Смутившись, сказала Анна, – Разве не хочется хоть раз в жизни – вот так нарядиться, и почувствовать себя женщиной, и женщиной не дурно сохранившейся.

– А ведь и вправду, а что, если наши съемки сразу же отправить на доступный сайт Ютуб всем пользователям сети Интернета. А вдруг наши парни, где—то, может быть смогут добраться до компьютера, зайти под нашими именами и узнать, что мы их ищем?

– Конечно. Если они в подневольном плену, у какой-то подпольной организации, то рано или поздно все равно доберутся до Интернета и найдут там наши бесценные записи.

– Анна, ты конечно права, как права и я, но с другой стороны те, кто их пленил, все-таки первыми узнают о наших планах. А мне кажется, что эти бандиты не очень-то заинтересованы в возвращении наших мужей, а то бы уже давно сообщили нам об этом и потребовали бы выкуп.

– Да, Аня, я не подумала об этом. Но с другой стороны, если это подпольная организация с такими колоссальными возможностями и ресурсами, что ей выгоднее всего проворачивать свои делишки втайне от государств, а наших мужей использовать в своих корыстных целях, как высококлассных специалистов?

– Вот поэтому то, Собинова, все это мы будем снимать и держать в секрете, чтобы не одна живая душа не смогла, даже намеком, понять или догадаться о наших с тобой планах. Что ж будем строить из себя добросовестных туристок, которых, мужья бизнесмены отправили в длительную туристическую поездку. На целых двадцать четыре дня, чтоб не путались под ногами и не мешали их бизнесу. Вот и все.

– Ну, ты, Аня и голова? Полностью с тобой согласна и даже не спорю.

– Согласно этой-то программной установке и будем вести себя в поездке. Так нам будет намного легче, и так мы не будем вызывать не здоровое любопытство ни у местного населения, ни у местных властей, ни у дельцов разного пошиба.

– Я думаю, Анюта, что, играя роль наивных туристок, мы можем даже закатывать истерики по поводу разного рода сервиса, который отклоняется от расписания, указанного в туре, если таковое будет иметь место.

– Итак, будем играть роль капризных и избалованных богатством жен олигархов, что—то типа нефтяных супругов, разбогатевших на Российской нефти и импортных поставках.

Неожиданно на кухне появился заспанный Дима: —Мама, я ужасно хочу есть.

– О, сынок, это хорошо, что у тебя аппетит. Давай в ванную, мыть руки. А я тебе тут сейчас разогрею.

– Так, мама, меня же ты берешь с собой на поиски папы? Значит, я должен быть сильным. А то тут с вами маяться. Вы же женщины, значит бестолковые.

Аня и Анна посмотрели, ошарашено друг на друга. Первой опомнилась Аня, —Дима, сынок, о том, что мы едем искать папу это очень сильная и крепкая тайна. А то если пираты, похитившие папу, узнают, сразу казнят и нашего папу, и дядю Петра.

– Мамочка, я никому, никому на свете не скажу, куда мы едем и зачем.

– Вот—вот, сынок, помни об этом и никогда не забывай.

– А они страшные?

– Кто, они?

– Пираты?

– Очень страшные. Я поэтому раньше тебе об этом и не говорила. Они дикие. Они будут пытаться и мучить папу с дядей Петром, когда узнают, что мы едем их выручать. Ну, иди, помой руки.

– Мамочка, мне страшно.

– Сыночек, мой, с нами ничего не бойся. Пока ты молчишь, о цели нашей поездки, тебе и нам бояться нечего. Помни об этом. Ну, иди помой ручки. – Аня, сказав это, легонько подтолкнула сына под попку. Дима ушел в ванную. Аня же стала возиться у плиты.

– Что теперь делать с этим? – спросила она у Анны.

– А, что ты теперь сделаешь? – Анна сделала паузу, затем сказала, – Ну, хочешь, я поеду одна?

– Умнее ничего придумать не можешь? Ну да ладно, я знаю, что он будет молчать. – Аня сделала паузу, помешивая наваристый суп в кастрюле, затем сказала, – У него есть что—то от Лени.

Анна, сдержанно спросила, – И, что же?

– Упрямство. Упрямство такое, что сдвинуть даже уговорами не удастся. Вот если он пообещал, что будет молчать, то будет.

– Тогда это характер.

– Да, Собинова. Так, что я уверена, что он будет упрямо играть в тайну.

– Тогда строим дальнейшие наши планы. Да и подозрений будет меньше, когда на руках у нас будет пятилетний малыш? – Резюмировала Анна.

Все эти две оставшиеся недели интенсивно велась подготовка к поездке. Женщины со всей ответственностью подошли к предстоящей компании. Анна даже подсказала интересную идею, —Послушай, в каком отеле забронированные места в Сантьяго?

Аня порылась в путевках, нашла бронь отеля, —Вот, смотри, тут указаны номера и отель с почтовым адресом.

– Давай туда отправим на этот адрес, до востребования, посылки со снаряжением?

– Ай да молодец Анна. Все, что может привлечь внимание, сложим туда и отошлем.

– Когда прибудем на место, останется только получить и быть в полном снаряжении.

И они начали готовить посылки, куда вошли даже альпинистское снаряжение, включающее в себя спальные мешки, палатку, бинокль с многократным увеличением и два пистолета, с боекомплектами. Оружие Анна купила на барахолке у знакомого торговца, в которого

Петр покупал разные ружья для подводной охоты и взрывчатку для глушения рыбы, когда они выбирались на отдых. Петр, в отличие от Леонида любил иногда не традиционные методы лова рыбы, особенно, когда терпения не хватало. Аня в ужасе спросила, —Ты что, Анна, решила на корню завалить наше мероприятие?

– Ерунда, – с деловитой энергией отпарировала Собинова. – Я где—то читала, что пистолеты были спрятаны, героем одного романа при пересечении границы, в толстом словаре. Испанско—Русский словарь подойдет, как нельзя лучше. Вместо содержимого аккуратно укладываем оружие с магазинами и патронами к ним и вместо листков, муляж из листов свинца. Когда на мониторе появятся наши посылки, то на дисплее появится книга, свинец не даст высветиться оружию. У нас будет оружие, и мы всегда сможем постоять за себя.

– Нет! Ты, наверное, забыла, какая в мире ведется борьба против терроризма. Эти пукалки выявят у нас, как только посылки появятся под ренгеном таможенного досмотра.

– Ты что—то можешь предложить другое?

– Конечно, Собинова. Мы купим все это на месте с полным боевым комплектом. Там, слава Богу, это продается свободно.

– Хорошо, ведь мы военные женщины. – Как—то неуверенно отвечала Анна. Вопреки запретам Ани, Собинова, все-таки упаковала оружие в одну из посылок и отправила ее на свое имя. Аня об этом ничего не знала. Анна сама отвезла посылки на главпочтамт и вернулась под вечер.

– Ты где так долго была?

– По магазинам прошлась. – Уклонилась Анна от прямого ответа, – Вот купила еще немного еды.

Она стала выкладывать покупки на кухонный стол. – Да, кстати, вот квитанции на отправку посылок, мне сказали, что по ним там, в Сантьяго можно будет получить посылки.

– Отлично, Анна.

Осталось еще ждать одну неделю до поездки. И все это время женщины готовили себя, изучая все, что касается будущего маршрута, на случай если вдруг в туре произойдет сбой и ожидаемый сервис окажется не таким, каким его рекламирует туристическое агентство...

Глава шестая

С тех самых пор, как генерала Гаринова выдворили из Антарктической сверх секретной базы. Отобрав летающий диск, изолировав Коперника с его женой и Петра Собинова вместе с ними, генерал впал в глубочайшую меланхолию. Ему казалось все, абсолютно все на свете, безразличным ненужным и не имеющим никакого смысла. Чтобы хоть чем—то себя занять, он по многу часов проводил в саду, ковыряясь то в цветнике сада, то возле фруктовых деревьев.

Колония Дигнидад выращивала не только фрукты, но и овощи, перерабатывая их в консервы на собственном заводике. Эту продукцию поставляли в супермаркеты Сантьяго и магазины городка Талька, и даже в Европу.

В это время года, в мае, здесь в Чили пора осенних хризантем. Май последний осенний месяц, за ним начинается Чилийская зима. Но климат этой страны очень разнообразный и если на южных берегах, в районе Огненной Земли идет уже в мае снег, то в экваториальной части вечнозеленые леса благоухают цветением с яркой тропической растительностью издающей непередаваемо насыщенные ароматы цветущих тропиков. Колония раскинулась у самых подножий Анд, где—то в середине страны и здесь климатические особенности горного климата чередуясь с изумительно красивыми пейзажами, создавали уютный и приятный своей мягкостью климат. В горах ощущалась уже прохлада ночи, и бодрое вечернее настроение влиялось краткими импульсами в истерзанное сердце Алексея Алексеевича. Генерала, отдавшего все свое мастерство хорошего организатора, ученного и военного на благо служению Родине. Генерал Гаринов в сущности своей таковым и остался. Планируя побег, он хотел в изоляции, где его не могли достать правоохранительные органы России, доказать свою невиновность, аргументируя это подлинными фактами и неблагоприятным стечением обстоятельств, повлекших за собой иллюзию похищения сверхсекретного экспериментального аппарата. А то, что его услышат и поймут правоту не виновности, Гаринов не сомневался. Но он ошибся в одном, в том, что попадет в еще большую изоляцию. В изоляцию, где нет возможности ни связаться, ни передать хоть какое—то известие туда на далекую уже Родину. Изоляция оказалась настолько плотной, что чувство безликости и отсутствия веры в собственные силы с каждым днем все сильнее и сильнее внедрялись в сознание этого сильного волевого человека, стремясь стереть навсегда его человеческую индивидуальность. Единственным спасением теперь для генерала была жена и его маленький сын Дима. Сыну уже исполнилось два года. Он рос веселым и жизнерадостным малышом. Руководство колонии Дигнидад обязало его каждый день сдавать сына в детский сад, где малышу прививали уже немецкий образ мышления и не позволяли учиться говорить и разговаривать на русском языке. В те минуты домашней обстановки, когда Эльза приводила его домой, Алексей Алексеевич учил сына русскому языку. И малыш уже лепетал, путая немецкие и русские слова.

– Ты, Алеша, сбиваешь Димочку с толку, – смеясь, не раз говорила Эльза Эдуардовна мужу.

– А что же нам делать, дорогая Эльзочка? Как быть?

– Да пусть учит немецкий. Подрастет немного, мы его обучим и русской речи, и письму. Не думаю, чтобы эти порабитители игнорировали знание двух языков и более.

– Может ты и права, Эльзочка, но я все же так не думаю и буду его учить всему, что дала мне Родина и в первую очередь родному языку.

Эльза Эдуардовна не противилась, а наоборот старалась помогать своему Алеше. И они вдвоем учили своего сына разговаривать на русском. Здесь в колонии не было возможности ни найти подходящей книги, не было доступа до газет, журналов, не было радио, не было ничего, что давало бы хоть какой—то намек на новости. Вернее, все это было доступно, но не генералу. Служба охраны строго следила за тем, чтобы генерал находился в постоянной изоляции

с внешним миром. Ему разрешалось только писать мемуары, воспоминания о былой службе. Руководство колонии службой генерала в вооруженных силах интересовалось до мельчайших подробностей. Его рукописи быстро печатались на немецком и русском языках. Их уже набралось две стопки. Печатные листки лежали на его письменном столе в домашнем кабинете. Каждый месяц генерал обращался с рапортом в письменной форме к управляющему колонии с просьбой разрешить переписку с генералитетом вооруженных сил России. Но кроме иронической улыбки на лице у приставленного к нему куратора, здравенного белокурого арийца фон Фирса, ответа на его просьбы не поступало. Генерал однажды не выдержал и улучив момент прокрался в контору управления к управляющему. Из кабинета управляющего его буквально выволокли волоком два охранника. А управляющий объявил ему две недели домашнего ареста. Это предписывало не покидать дом, даже был наложен запрет выходить в сад, прилегающий к дому. Так и просидел генерал в комнатах дома ровно две недели. Да такое положение его существования не вязалось с деятельным характером генерала. И в одну бессонную ночь после домашнего ареста Алексей Алексеевич решил, что уж лучше заточение на Родине, чем пленение в золотой клетке. Во всяком случае, отсидев положенный срок можно выйти. А то и в процессе судебного разбирательства чего доброго можно доказать свою невиновность. Эта мысль стала сверлить его сознание, как назойливый комар, лишая сна. И, в конце концов, он решил посоветоваться с женой. Эльза Эдуардовна категорически была против безрассудного поступка. Но, рассудив, мудрая женщина поняла, что попасть с одного плена, быть может в еще худший плен, ей не хотелось, на что она сказала, – Ведь тут обращаются с нами уважительно. Дима уже в детском садике получает образование, и не плохое, должна тебе заметить. Да и сами колонисты, немцы, улыбаются нам при встрече.

– Да, оно и видно. – Ворчал Гаринов, – А вот скажи Эльза, хоть один немец с тобой заговорил? Пригласил, может тебя в гости, на чашечку вечернего чая, как у них здесь принято?

– Они чего—то здесь боятся и избегают контактов. – Ответила жена.

Гаринов посмотрел на нее долгим и грустным взглядом, выражавшим тоскливое одиночество и отчаяние своим безвыходным положением. Глубокий вздох вышедший из глубин генеральской души поразил даже его самого. И, чтобы не тревожить жену, он быстро повернулся и вышел в свою комнату. Там, на узеньком столике у окна лежали две стопки листов, его мемуаров. Каждый день так аккуратно исчезавшими оттуда с написанными его рукой листов, и появлявшихся в виде печатных страниц на немецком и русском языках. Даже этот канал уединения, что символически уводил его в воспоминания, и он был под особым контролем. И это тяготило, не давая покоя, лишая сна. Но все же это был тот единственный источник, который давал возможность оставаться еще самим собой и чувствовать еще себя не совсем потерянным и одиноким, по крайней мере оставаясь со своими близкими соратниками в воспоминаниях. В такие минуты тягостного одиночества генерал садился за свой маленький письменный столик и уходил в память тех прошлых дней, когда он воплощал свои идеи с Леонидом, Петром и ученым Коперником в жизнь.

– А ведь он сильный человек. – Отрываясь от пространственного экрана, на котором двигался в своей комнате генерал Гаринов, сказал седой человек с крупным красивым лбом и выразительными серыми глазами своим собеседникам. Его длинные седые пряди рассыпались по плечам и были аккуратно расчесаны ровным пробором. Седина, сочетаясь с длинной седой бородой, придавала этому человеку мистическое сходство с пророками прошлого. А белизна длинных одежд, схваченной у левого плеча большой круглой брошью со сверкающим кристаллом в середине, подчеркивали это сходство.

– Вы, Тео, возлагаете на него большие надежды? – критически заметил Ареал, сидевший напротив ученого за круглым столом из белого полированного мрамора.

– И не только большие надежды, но и уверен в победе над Селенитами под его руководством.

– Конечно стратегии ведения боевых действий человека нам не понять, ибо они основаны в основном не на математических расчетах, а на непредсказуемости, свойственной скорее диким племенам прошлого. – Парировал Ареал, – и все же я бы не рисковал так.

– Да говори же, Ареал, что у тебя на уме?

– Мои монстры, верные и преданные мне воины, смогут сделать гораздо больше в этой непонятной для нас войне за Землю.

– А ты давал отчет, хоть, когда ни будь о происхождении Селенитов? Ну, хотя бы спрашивал себя, кто их создатель?

– Глубоко уважаемый Тео, я высоко ценю вас, как своего создателя и отца и мне всегда болезненно спорить с вами. И только зная вашу правоту во всем, я могу согласиться с вашим мнением тем более в эти времена.

– Твое стремление к индивидуальности, к самостоятельному мышлению и поступкам твой злейший враг, Ареал. Вот если бы ты учитывал в своих действиях временной фактор, мы бы не дошли до этой войны.

– Фон Фирс? – повернув голову к сидевшему рядом арийцу, обратился Ареал к нему. – Вы знаете, что делать?

Ариец вскочил с места и кивнул головой. Ареал продолжил, – Так действуйте?

Фон Фирс в ответ, —Есть, Ваше Высочество! – и ариец удалился.

– Да и к чему эти самодовольные звания «Ваше Высочество», как в человеческие средние века эпохи Святой инквизиции? – спросил укоризненно Ареала Тео.

– Простите мой Учитель, но это действует, как магнит на подсознание и дисциплинирует подчиненного, а это, как воздух, необходимо особенно в период военных действий. Даст Бог, выиграем битву, клянусь, я отменю это высокомерие.

– Ох – хо—хох, Ареал, в чем я сомневаюсь, так это в твоей высокородной скромности? Ну да ладно, сегодня поставлен вопрос о защите Земли и всего, что на ней живого, что может быть выше этой благородной цели?

– Вы, хотите сказать, Учитель, что я не выполню своих обещаний?

– Боюсь я этого в тебе, но, как говорится, поживем, увидим. И еще, у меня к тебе будет личная просьба.

– Я Вас слушаю? – насторожился Ареал.

– С генералом Гариновым будь снисходительнее и постарайся держаться с ним на равных.

– Это еще, с какой стати? – вскипел Ареал. Но, взглянув в глаза Тео, сжался, стал жалким, как будто вдруг превратился в щенка выпрашивающего ласки у хозяина.

– Надеюсь, – с железными нотками в голосе сказал Тео, – ты меня понял?

Лишь только после этих слов, Ареал выпрямился, с уверенной миной на лице ответил.

– Я выполню все, что вы Учитель приказали.

– А теперь посмотри на себя и запомни это. – Сказал Тео, воспроизводя запись жалкого состояния Ареала с минуту назад. Тео, наблюдавший за реакцией Ареала на увиденный фрагмент, заметил, – Таким ты можешь стать, даже если меня не будет на этом свете, запомни этот кадр?

Ареал побагровел, с деревянной миной, возникшей на лице от увиденного, заявил:

– Учитель, вы, конечно, можете все, но, не может быть, чтобы это в будущем случилось со мной?

– Вот поэтому я тебе не советую идти на поводу у своих врагов. Твои враги – это чрезмерная гордыня и индивидуальный подход в решении своих важнейших дел.

Ареал вдруг вскочил со своего места и в глубочайшем почтении поклонился Учителю. Этим, давая понять, что разговор окончен. Тео поднял правую ладонь, жестом отпуская Ареала. Он вскоре вышел из зала. Тео вздохнув, сказал сам себе, —Во всяком случае, станет понятно, как довести войну с Селенитами до победного конца. И мои соколы Думар и Эфес

смогут учесть все, что там будет происходить, дабы поставить жирную точку в борьбе с этими монстрами. Спасибо сыну удружил и мне, и нам всем...

С этими словами Тео поднялся со своего места и неспешной поступью последовал к стене зала, которая находилась у него за спиной во время проведения встречи с фон Фирсом и с Аралом. На расстоянии полтора метра от белой мраморной стены на ее фоне стала, вырисовывается двустворчатая дверь, наподобие двери лифта. С ее отчетливыми очертаниями створки разошлись, впуская внутрь Тео. Ученный вошел в прямоугольный бокс, подняв правую руку на уровень плеча, сделал замысловатый жест, после чего створки двери открылись вновь, и он вышел из бокса. Тео очутился в комнате с зеркальными стенами, в которых многократно отражалось его изображение. Посредине комнаты было круглое сооружение внешне схоже на цилиндр из сверкающего серебристым блеском материала. Это сооружение со всех сторон окружали колоны из малахита, подпиравшие куполообразный потолок. Сверху серебристый цилиндр был плотно закрыт круглым щитом. Ученый подошел к сооружению, взмахнул правой рукой. Сверху, из куполообразного потолка спустились два металлические захвата. Щит, закрывавший цилиндр медленно открылся. Из открывшегося отверстия захваты вытащили прозрачный кристалл, с пульсирующим светло синим огнем внутри.

– Приветствую тебя, Думар! – Торжественным голосом сказал Тео. Огонь внутри кристалла стал менять окраску в такт вибраций, которые пульсировали в изменчивом ритме.

– Ты спрашиваешь, что я от тебя хочу?

Кристалл завибрировал, повторяя пульсацию.

– Я пришел сообщить тебе, что скоро мне понадобится ваша с Эфесом помощь.

Кристалл стал пульсировать новыми цветосочетаниями.

– Вижу, что ты интересуешься причиной? Слушай. Арал, мой названный сын, создал очень агрессивный и жестокий организм, практически неуязвим, способный генерировать жизненную энергию из светил Космоса и комфортно существовать в вакууме. Их имя Селениты, происшедшего от названия спутника Земли Луны. Они заселили Луну, внезапно объявив Землю сферой своих интересов. Войны не избежать. Поэтому я принял решение вернуть вас в форму ваших тел и помочь нам с моим новым отрядом из представителей Земли, уничтожить этих монстров.

Кристалл стал излучать ритмичную гамму цветов.

– Ты говоришь, что это не гуманно? Да, я согласен с тобой. Мы отберем их дээнка и разместим в Сферу Возрождения. Таким образом, освободим человеческое начало от порабощения производных организмов взятых за основу при формировании этих особей.

По ритмике новой гаммы цветосочетания, испускаемого кристаллом, Тео расшифровывал одобрительный ответ Думара.

– Ты точно ответил так, как и я, тебе хотел сказать. Таким образом, не произойдет сбой в развитии человечества в целом и рождения детей у людей не будет очередной деградацией или вырождением населения.

Кристалл замигал новым сочетанием цветов.

– Ты спрашиваешь, когда это произойдет? После обучения двоих пилотов и их командующего, которому, кстати, и вы будете подчиняться при ведении боевых действий против Селенитов. Но в основном вы будете выполнять особые поручения, и ваше подчинение сведется лишь к докладу генералу о состоянии боевых действий. Это делается для того, чтобы эффективнее использовать потенциал этих хорошо обученных людей, досконально владеющих тактикой и стратегией на театре военных действий.

Кристалл замигал с преобладанием розовых и красных цветов.

– Нет, не беспокойся, им можно доверять и на них можно положиться во всем. Это преданные и доверенные люди, они уже практически стали нашими соратниками, и я уверен в их благонадежности.

Кристалл замигал синими красками с белыми бликами в самом центре.

– Вот и хорошо, Думар. Отдыхай и набирайся сил.

Снова взмахом правой руки Тео закрыл кристалл. Он постоял еще с минуту у серебристого цилиндра, как бы убеждаясь в плотности и надежности герметизации хранилища. Затем повернулся и направился к стене, где по мере приближения стала проявляться двустворчатая дверь. Внутри бокса он подумал: – «Надо бы включить в программу, просматривающую Думаром и Эфесом эволюцию Селенитов, их колонизацию Луны и угрозу, которую они несут Земле и Землянам. Таким образом, воплощение их произойдет без помех. И они будут уже практически подготовленными. Останутся лишь незначительные дополнения». Взмахом руки Тео заставил двери открыться, и он вышел из транспортного бокса...

Глава седьмая

В подавленном настроении и в полном расстройстве чувств, Гаринов уселся за мемуары. Воспоминания, о последних днях работы со своей командой над завершением проекта по запуску в испытательный полет дисколета, которые вернули ему былую веру в собственные силы. И он стал до мельчайших подробностей излагать ход работ, дискутируя мысленно-то с Коперником, то с Петром, то с Леонидом. Это принесло облегчение, скрасившее одиночество. Он постепенно приходил в себя. Его плен уже не казался таким тягостным и мучительно однообразным. Неожиданно в комнату вбежала жена, —Алеша, Мария принесла уведомление.

Со счастливой улыбкой жена подбежала к Гаринову с красным бланком международного почтового уведомления. — Вот, посмотри, это ее подпись, ты видишь?

Она совала бланк ему в руки. Гаринов взял красную открытку внимательно стал изучать подпись.

— Да, Эльзочка, наконец то и нам повезло. Хоть какая—то весточка с Родины. Теперь уж точно Аня получила эти деньги.

— Да, милый. Она умница. Девочка умная. — Подтвердила слова мужа Эльза Эдуардовна с улыбкой.

— И сообразительная. Банк с хорошей Швейцарской репутацией и средства эти никуда не денутся. Благо она сохранила счет в этом Банке. Я когда шел в Московский филиал очень боялся, что Аня после учебы ликвидировала свой учебный счет для получения стипендий. Но банкир спокойно принял перевод средств, даже бровью не повел. Благо, по слухам еще в бытность мою на генеральском посту, я слышал разговоры в генералитете, что некоторые студенты еще и не такие суммы получали по переводу от своих богатеньких родителей для организации бизнеса в Москве. Гаринов с сентиментальной нежностью погладил бланк. Он и его жена еще несколько минут любовались росписью Ани. На бланке отчетливо была видна написанная Аниной рукой, почти детским почерком, фамилия «Кразимова». Она так и не научилась, за годы супружества, витиеватости в написании фамилии и подписывалась, тщательно выводя буквы. Эту подпись невозможно было подделать, так как на первый взгляд она казалась простой. Однако в простоте подписи и был скрыт тот неуловимый индивидуальный стиль.

— Ты знаешь, Алеша, я думаю, что этот счет сохранился только по одной причине.

— По какой же, Эльзочка?

— Да мне кажется, что она о его существовании забыла сразу же, как только окончила учебу.

— А вдруг она и карточку выбросила? Что-тогда? — Гаринов обеспокоено взглянул на жену, в надежде, что она его успокоит. Эльза Эдуардовна подумала в свою очередь:

— «Вот черт меня дернул, надо что—то придумать?», — она стала лихорадочно вспоминать, как объяснить мужу, что Аня всегда отличалась аккуратностью и бережливостью. И внезапно она вспомнила, что все, что связывало Аню с прошлой, не замужней жизнью, она любила бережно хранить в особом месте. И это место стала ее, Эльзы, подаренная на свадьбу Ани с Леонидом Кразимовым шкатулка.

— Алеша, я помню, как Аня складывала в мою подаренную ей шкатулку всякие безделушки и ненужную банковскую карточку.

— Ты точно это помнишь? — пристально глядя в глаза жене, спросил Алексей Алексеевич.

— Да, твердо ответила она! — ответ прозвучал убедительно и правдиво, ибо состояние хорошего настроения мужа Эльза Эдуардовна не хотела портить этим беспокойством по утерянной кредитной карточке Ани. Оставаясь до конца не уверенной в своей правоте, все же она решила ответить именно так. А там, как сложится. Власть, налюбовавшись бланком, Эльза Эдуардовна взяла его и бережно отнесла к себе в шкафчик, что стоял рядом с кроватью в их

спальне. В шкафчике стояла шкатулка. Эльза Эдуардовна бережно положила в нее бланк. В шкатулке лежали разные украшения из бижутерии, и теперь там суждено храниться и этому красному клочку плотной бумаги, как дорогой реликвии.

Гаринов вновь углубился в воспоминания, описывая появление ученого Афанасия Петровича с такой необычной и известной фамилией, Коперник. Внезапно двери комнаты широко открылись. Грузно ступая, стремительно буквально ввалился фон Фирс. — Генерал, срочно собирайтесь. Вас ждет Его Высочество Верховная личность Ареал.

— А нельзя ли проще, как-то называть этого Ареала? — не сдерживая своего раздражения, спросил Алексей Алексеевич.

— Здесь мы задаем вопросы? — отпарировал фон Фирс. — Жду вас через пять минут в машине. — Фирс круто по-военному повернулся и, хлопнув дверью, вышел.

Услышав громкие голоса, в комнате появилась Эльза Эдуардовна, — Что здесь произошло? — тревожно спросила она.

— Чтобы я через пять минут был в его машине, — вздохнув, ответил Алексей Алексеевич.

— И ничего больше?

— Ничего не сказал, куда и зачем вызывает к себе Ареал.

— Ох, чувствует мое сердце что—то не ладное.

— Не волнуйся так Эльза. Я выходил и не из таких ситуаций, а то, что он меня вызывает, означает начало каких—то подвижек в нашей однообразной и скучной жизни. А раз будет движение, значит будем ориентироваться в обстановке и принимать соответствующие действия.

— Ох, Алеша, хоть бы не наломать дров?

— Вот уж в этом-то я уверен на все сто процентов. Эта колония не заинтересована во вреде своим колонистам вопреки тем мифам, которые бродят вокруг «Дигнидад», которые насочиняла о ней эта пишущая публика из папарацци.

— Конечно, Алеша, отказаться мы же не имеем никакого права? Мы же подневольные люди?

— Но почему же? Отказаться я конечно могу. Но что потом будет с нами. Будем сидеть, как сидели и все. Нет, надо ехать.

Генерал поднялся из—за стола. Эльза Эдуардовна проводила его взглядом полным любви к выходу. — С Богом, Алеша.

Гаринов не ответил. Он быстро вышел из дома. Привыкший к железной дисциплине, генерал ровно через пять минут открыл дверцу машины и уселся на заднее сидение, грохнул дверцей.

— В следующий раз, закрывайте двери машины тише. — Заметил фон Фирс. На что Гаринов ответил, — У вас, что она приобретена в кредит?

Фон Фирс проигнорировал ответ, лишь стал излагать причины своего появления.

— Мы едем сейчас в Эдем. Во дворец Верховной личности. При встрече, обращайтесь к нему по званию Ваше Высочество. В ответ он будет обращаться к вам тоже по званию «генерал».

Гаринов ничего не ответил, но впервые ощутил, что он стал, почему—то нужен...

Под быстро летящей машиной над поверхностью земли бежала трава и цветочные клумбы. Мелькали за окном аккуратные домики колонии Дигнидад. Вскоре они очутились в ангаре, прилегающем к территории взлетно—посадочной полосы. В этом ангаре стояли легкие двухместные прогулочные самолеты и два вертолета. Между которыми застыл, как бы притаившись, диск на трех стойках. Гаринов с любопытством стал рассматривать необычной формы аппарат. Конструкция разительно отличалась от дисков Коперника. От куполообразной прозрачной кабины, словно лучи, расходились овальные спицы, поддерживающие наружное колесо, охватывающие диск по периметру. Диаметр этого колеса, по прикидке Гаринова, был

около восьми—девяти метров. Генерал не удержался, спросил, —Господин Фирс, зачем эти спицы и колесо?

Фон Фирс неохотно ответил, —Узнаете все в свое время.

Генерал, скрепя сердцем подумал, —«Откуда это высокомерие? Мне, нормальному военному человеку не понять». Но, вспоминая генералов из своего окружения, наткнулся на двух с такими, же высокомерными амбициями и успокоился. Подчиняясь жесту, фон Фирса, пригласившего следовать за ним, он вышел из машины. Вскоре по приставной лестнице они поднялись в диск. Гаринову открылась комфортабельная кабина с тремя креслами, что установлены возле пульта управления, что был усеян мигающими кнопками возле вертикального зеленого прямоугольника экрана.

Фирс уселся на среднее кресло, пригласив сесть генерала слева.

– Пристегнитесь! – скомандовал он.

Генерал застегнул привязные ремни, и вспомнил, что у дисков Коперника силы инерции не ощущалось. Он хотел спросить об этом фон Фирса, но сдержался. Вспомнив высокомерие этого отпрыска Арийской Расы. А Фирс, тем временем, уже манипулировал кнопками пульта управления, набирая программу полета. Затем нажал голубую кнопку, что размещалась рядом с красной и была немного больше по размеру от остальных. В ту же секунду диск качнулся и замер на месте. За прозрачной обшивкой кабины замелькало движущее пространство, ускоряясь, вскоре слилось в сплошной серый поток. В этой серой набегающей мгле различить, что —либо было уже невозможно. Но вот, что удивительно и не обычно, движения диска в кабине не ощущалось, словно за прозрачным фонарем кабины мелькал отснятый на цифровое видео движущийся сюжет. Генерал сделал вывод, что принцип полета диска идентичен диску конструкции Коперника. Он спокойно и с каким—то самонадеянным видом стал ожидать встречи с Его Высочеством Ареалом...

Тео, после посещения хранилища, вернулся в свой кабинет, который был расположен во дворце Ареала на втором этаже и примыкал к роскошному и помпезно обставленному кабинету Ареала. В глубокой задумчивости он опустился в кресло за письменным столом. Его мучили беспокойные мысли о пробуждающихся и так ему необходимых соратниках, на которых он возлагал очень большие надежды и без которых ему в назревающей ситуации не обойтись. Конечно с преданными воинами Думаром, Эфесом и Ортом, которых он спас в последнюю минуту из жернова катастрофы проблем не будет. А вот как быть с зоологами Лионом и Ки, к тому же бывшим по совместительству верховным Жрецом Шомона? На этот вопрос он не знал ответа. Во время катастрофы, огромный город парил среди сплошного огня и хаотического смещения обломков планеты с расплавленными кусками магмы, надежно укрытый сетью волновой защиты. Многие ученые укрылись в этом городе, спасая свои жизни. Их потенциал сейчас покоится в энергетических кристаллах, размещенных в хранилище, ответственность за которое Совет Ученых возложил на него. После разрушения планеты Фаетон Совет Ученых Шомона снял с зоолога Ки звание Верховного Жреца за то, что он не предотвратил катастрофы. И всю полноту власти, которой наделен Верховный Жрец Шомона, возложил на ученого Тео. Тео в тот миг торжествовал. Его единогласно возвели в Верховные Жрецы. Он давно ждал этого момента, и эта катастрофа послужила толчком для Ученого Совета принять единогласно его кандидатуру. Ки, этот непримиримый борец с Тео, критиковавший его теорию Неуравновешенных систем. И что в итоге? Ведь это Тео предложил альтернативу продления жизни. Поместить интеллект ученого в синтезированном для этой цели кристалле, аккумулирующего в себе вибрации мыслительной энергии. Такой кристалл может храниться вечно. Тео предложил формирование нового тела для хранящегося в кристалле интеллекта совместно с включением в этот процесс кристалла. По мере формирования тела в ускоренном режиме в течение девяти месяцев интеллект постепенно трансформируется в новом человеке и приобретает все признаки, присущи индивидуальности ученого. Предложенную альтернативу при-

няли Лион и бывший Верховный Жрец Ки, за ними присоединились и другие ученые. Вскоре в космическом городе Шомон не осталось никого, кроме Тео, призванного следить за хранилищем. И теперь перед возникшей угрозой Селенитов Тео, как никогда, нужны были сторонники в борьбе с этим злом. Тео также понимал, что Ареал только союзник и будет им, пока Селениты не будут свергнуты. Лишь только угроза исчезнет, Ареал превратится во врага. И чтобы обезопасить себя, поставить этого зарвавшегося злого гения на место, Тео нужна была сильная рука. Преданные люди с мышлением ученых, с опытом пророков, со святостью святых. Такими были Лион и Ки, которые в свое время направляли развитие первого племени поселенцев в Атлантиде их первых воспитанников Ана и Нис. Когда миссия ученых—зоологов была выполнена, они добровольно согласились хранить свой интеллект в синтезированных кристаллах. И Лион, и Ки ушли в глубокий анабиоз тут в лаборатории хранилища с последующей трансформацией в кристаллы жизни. И сейчас Тео размышлял, как вернуть их в свой мир. Сделать своими соратниками и единомышленниками. Размышляя над этим, он не заметил, как в его кабинет вихрем ворвался Ареал.

– Тео! – воскликнул вошедший. Ученый вздрогнул. Этот возглас вернул его к действительности, и в мгновение подсознание ученого включило волновую защиту. Мерцающий голубоватым отблеском ореол охватил фигуру старца.

– Как ты это делаешь? – не без зависти спросил Ареал.

– Не забывай, сын мой, что мне много миллионов лет.

– Я пришел тебе сообщить, что сюда едут эти люди, фон Фирс и генерал Гаринов.

– Ты хочешь использовать генерала с его воинами Кразимовым и Собиновым, как приманку для Селенитов?

– Именно так. – надменно выпалил Ареал.

– Ты очень самонадеян?

– Только таким образом мы увидим слабые стороны врага. А твои люди, Думар, Эфес и Орт завершат разгром этих взбунтовавшихся бестий.

– Я сомневаюсь в этом твоём начинании.

– Это почему же? – наседал Ареал.

– В первых ты очень самонадеян.

– Я уже это слышал. Но это мне не мешает быстро решать проблемные вопросы. И вообще мне с тобой нет времени решать воспитательные проблемы. Надо, как можно быстрее, восстановить твоих опытейших пилотов—воинов. Повторяю, как можно скорее?

– Я уже начал процесс.

– Я это сделал бы уже давно, будь у меня доступ к хранилищу.

– «Будь у тебя доступ к хранилищу, ты бы разрушил Землю». – Подумал Тео, а вслух добавил, – Ты помни одно, в первую очередь наш уговор?

– Я помню. Мои; Гаринов генерал, Кразимов и Собинов? Твои; Думар, Эфес и Орт?

– Ну, что же, что не смогут выполнить твои люди, доделают мои. А сейчас иди, встречай генерала.

Ареал удалился стремительной походкой из кабинета Тео и направился в свои апартаменты. Ученый остался один, погружившись в размышления. Ареал подстегнул его. Для того, чтобы мысли привести в порядок он решил еще раз зайти в лабораторию хранилища и еще раз проверить восстановительные процессы своей так называемой Твердой руки. Так любовно Тео стал называть своих соратников восстанавливающихся там. Он считал, что большой палец, этой Твердой руки это ученый—зоолог Лион, указательный это ученый—зоолог Ки, затем шел как бы безымянный палец Думар, средний Эфес и малый Орт. Вместе эти люди создадут железный кулак Твердой руки, способный сокрушить любого на своем пути врага. Тео сможет опираться в своей борьбе против Селенитов и затем обуздать неукротимого Ареала, чтобы никогда не повторилась история подобная проблема Селенитов. С этими мыслями он вошел

в бокс лаборатории хранилища. Тела Лиона, Ки, Думара, Эфеса и Орта проходили в лаборатории ускоренную стадию развития, которая должна, продлится девять месяцев. За эти девять месяцев они полностью будут сформированы под контролем их собственных вибраций, исходящих из глубины индивидуального кристалла каждого. Тео внимательно осматривал прозрачные цилиндры с уже почти сформированными телами. Вот Думар, его атлетически сложенная фигура, казалась несколько тяжеловатой. Но в прошлой жизни его сложение не отражалось на его ловкости. Эфес уже сформировался в атлета с изящной и красивой фигурой. Орт в узкобедрого широкоплечего человека с сухопарым продолговатым лицом и крючковатым носом. Несколько отличались своим телосложением Лион и Ки. Их тела сформировались в седебородых старцев с мускулистыми спортивными фигурами, никак не соответствовавшими облику. Глаза у всех пятерых были закрыты. В формировочном растворе находились еще тела с жизнеобеспечивающими трубками, по которым поступали насыщенные витаминами питательные составы. В этих растворах они должны еще пробыть последние тридцать дней. Затем растворы будут откачены. Помощники роботы аккуратно уложат спящих людей в их постели. Произойдет окончательная имитация сна. Пробуждение будет естественным и безболезненным, словно они заснули только вчера, а сегодня утром проснулись, невзирая на сон в миллионы лет. Убедившись в том, что процессы восстановления команды происходят хорошо, Тео покинул лабораторию-инкубатор...

Фон Фирс остановил дисколет у самого порога помпезного дворца Ареала. Гаринов терялся в догадках. Зачем он понадобился Верховному Ареалу? Тревожные мысли сменяли одна одну. В его изумленном сознании, не давая ответа, терзались догадки. В конце концов, он решил, что лучшее лекарство от беспокойства это знать причину последнего и стал ждать развития событий. Там временем фон Фирс снял привязные ремни с себя и сказал, — Следуйте за мной. — Энергичным движением вскакивая со своего места и стремительно направился к выходу. Заинтригованный генерал последовал за ним. Гаринов еле успевал за фон Фирсом широкой лестницей парадного входа, устланной красной ковровой дорожкой. На втором этаже дворца размещался кабинет—приемная Верховного Ареала, куда первым вошел фон Фирс, предварительно жестом дал понять генералу остаться в приемной. Гаринов недолго ждал. Почти сразу же, как только за фон Фирсом закрылась дверь кабинета, Фирс открыл ее и пригласил Гаринова войти. Генерал вошел в кабинет. На красном ворсистом ковре во всю просторную комнату стоял большой письменный стол. За столом сидел сам Ареал, генерал сразу узнал его. Рядом с ним справа сидел коротко стриженный коренастый с выдвинутой почти квадратной челюстью человек. С лева от Ареала находился седой старец. Он был с длинными, платинового оттенка, волосами, аккуратно расчесанными на прямой пробор и рассыпавшимися по плечам. Его длинная борода ниспадала на грудь и заканчивалась треугольной формой. Когда за вошедшим генералом закрылась дверь, Ареал поднялся со своего места, — Если не ошибаюсь, Гаринов Алексей Алексеевич, генерал?

— Так точно! — замямвшись в нерешительности, генерал все же выдавил из себя, — Ваше Высочество.

И тут же почувствовал, как острые и колкие черные глаза Ареала буквально впились в него. Буравя свою жертву этим пристальным взглядом, Ареал осматривал генерала с ног до головы, как осматривают на торгах лошадей, прицениваясь, чтобы не продешевить. Это длилось с минуту, показавшуюся Гаринову целой вечностью. Наконец Ареал сказал.

— Знакомьтесь, генерал, — он указал правой рукой на коренастого мужчину с выдвинутой челюстью и крючковатым носом. — Это тренер Кечо. Он преподает вашим бывшим подчиненным боевые искусства. Тренер кивнул головой и в слух сказал, — Кечо! Обращайтесь ко мне, господин тренер.

Но Гаринов не мог поверить в то, что сказал Ареал о его бывших подчиненных. Что это значило для генерала? Он боялся того, что может, это ему послышалось? Значит, Собинов

жив! А Кразимов, что он здесь? Гаринов уже ничего не слышал. Его лихорадочно мучила одна и та же мысль, – «Не может этого быть?».

Ареал между тем продолжал, указывая левой рукой на старца, что сидел у него с лева.

– Ученный и Верховный Жрец Шамбалы, Тео. Он будет курировать ваши действия, и лечить вас в случае необходимости.

Старец ничего не отвечал. Он лишь кивнул головой. Но Алексей Алексеевич, после упоминания о том, что тренер Кечо преподает его, генерала, подчиненным не мог еще прийти в себя от услышанного и не мог, ни слышать, ни понимать, что говорил этот Верховный Ареал. Все мысли по-прежнему вертелись около одного и того же, —«Значит, они живы. А вдруг это не они?», – генералу хотелось крикнуть этому Ареалу, перебить его речь, переспросить. Но нечеловеческим усилием воли генерал сдерживал себя. Ареал же продолжал, не замечая терзаний генерала, – Мы пригласили вас, генерал, с целью принять командование над своими людьми Собиновым и Кразимовым. . .

– Как, они живы?! – не сдержав эмоций, вскричал Гаринов. Его возглас вызвал разгневанный взгляд Ареала. Верховный засопел, наклонив голову вперед, и уже готов было сказать, что—то, но старец правой рукой дотронулся до предплечья Ареала и тот сник. Стал спокойно продолжать, – Я пригласил вас, генерал для того, чтобы вы согласились возглавить борьбу против Селенитов, готовящихся к нападению на Землю. Их цели нам хорошо известны. Их цели уничтожение Человечества и захват планеты.

Ареал умолк. Его черные пронизывающие глаза вопросительно уставились на Гаринова. Генерал, не колеблясь, сказал, – Вы пробовали договориться с Селенитами?

– Вы что, генерал не понимаете, зачем вы здесь?

Гаринов понял, что все методы испробованы, и что единственным аргументом является война. Опустив голову, генерал спросил, – Что я должен делать, Ваше Высочество?

Ареал снисходительно ответил, – Все вопросы к тренеру Кечо. Он теперь у вас и ваш наставник, и учитель на все время тренировок.

Гаринов ликовал. —«Значит, живы, живы. Значит, будет, о чем поговорить. О! скорее бы их увидеть!», – размышляя так, генерал не сразу понял, что к нему обращается Кечо.

– Генерал, я покажу вам вашу комнату, где вы будете жить на время тренировок. И расскажу о правилах, какие должны будут выполняться вами беспрекословно.

На слове «правилах» Гаринов понял, что Кечо говорит, обращаясь конкретно к нему. Дослушал до конца. . . Кечо повел Гаринова длинным коридором жилого крыла тренировочной школы.

– Мы идем сейчас к вашей комнате. Там вы найдете все необходимое, в том числе и инструкции. Внимательно их изучите. Если возникнут вопросы, задавайте и не стесняйтесь. Обращаться ко мне вы должны, господин тренер. Я же буду называть вас генерал. Вам ясно?

– Так точно, господин тренер! – отчеканил по-военному Гаринов, и поспешил добавить, – Господин тренер, можно вопрос?

– Конечно, генерал.

– Скажите, когда я увижусь со своими подчиненными?

– Как раз по этому поводу я сейчас иду на совещание к Тео. Он определит дальнейшие действия по подготовке вашей команды, генерал. Завтра на тренировках я вам доведу до вашего сведения результаты совещания и поставлю задачи. А пока, напоминаю еще раз, строго соблюдайте инструкции, которые вы найдете в своей жилой комнате.

– Я, господин тренер военный человек и привык к военной дисциплине.

– Это похвально, генерал. Ну, вот мы и пришли. Вот ваша комната.

Гаринов посмотрел на дверь с табличкой, на которой уже красовалась надпись на русском языке «Генерал Гаринов А. А.». Эта надпись казалось, вернула генерала в былые времена его службы, когда после потери сына и жены он с головой ушел в работу, которая помогала отвлечь

и забыть свалившееся на его голову несчастье. Так и сейчас, спасаясь от изоляции и бездеятельности, генерал был вне себя от переполнявших его чувств снова быть военным. Служить благородной миссии, а там, как знать, может слухи о его ратном труде дойдут до компетентных органов и его освободят от несправедливого обвинения в измене Родине. Кивком головы, генерал распрощался с Кечо. Он неторопливо вошел в свои апартаменты, где на журнальном столике он обнаружил инструкции по поддержанию установленных правил распорядка в школе. Там же была брошюра, в которой подробно описывалась история возникновения Селенитов и их устремлений захватить Землю. Но, оставшись один, он был вне себя от радостного возбуждения, которое нарастало с новой силой, захватывая все его естество. Эмоции захлестывали чувства. От столь резкой перемены в обнаружении своих бывших подчиненных, да еще и снова попадающих под его подчинение. Снедаемый любопытством, он не мог читать обнаруженные на журнальном столике материалы, за которым он устроился в кресле. Его мучили вопросы только об одном, что же все-таки произошло с Кразимовым? Почему, спустя столько лет, он обнаружился здесь в каком—то таинственном государстве Эдем? Теперь, при встрече с ним, причины исчезновения Кразимова можно обоснованно доказать и все объяснить следствию. Ведь с появлением Кразимова все станет на свои места, и будет выглядеть совсем иначе. И завтра он, конечно, поговорит с Леонидом об этом...

Глава восьмая

Тео, в жилом квартале Шамбалы, осматривал смежные комнаты, в особняке специально приготовленные для пробуждающихся подопечных. Снова и снова тревожные мысли будоражили его, не давая окончательной уверенности в задуманном предприятии. Он мысленно каждый раз возвращался к тем событиям, побудившим Думара в свое время совершить побег из Шомона. Дисколет еще не усовершенствованной модели чуть не стал причиной аварии, но благодаря мастерству пилота Думара все обошлось как нельзя лучше. А что теперь? Пробуждение беглецов произойдет здесь в Эдеме, где теперь вместо Шомона новый мегаполис, космический город Шамбала. Надежная защита наведенных полей делает этот город—корабль невидимым не только для человека, но и для Селенитов. Получается, что побег Думара, Эфеса и Орта не был их задуманным проектом, а хорошо спланированным и заранее подготовленным актом самого Тео, для того, чтобы использовать все возможные средства в предотвращении катастрофы Фаетона. Тео не знал, догадались об этом беглецы или нет? Как объяснить им это? Как сохранить кредит доверия этих людей? И как сделать их своими соратниками и друзьями? Размышляя над этим, он осматривал пять смежных комнат. Он решил поместить их в одном особняке. Особняк со смежными комнатами. Для сохранения индивидуальности каждого из них и в тоже время давая, возможность ощущать присутствие друг друга. Особенно это будет важно при ведении будущих боев с Селенитами. Два робота смонтированные под двух девушек близнецов осторожно несли носилки с первым жильцом особняка Думаром. Он спал. Его атлетическая грудь возвышалась над носилками и в такт дыханию поднимала простыню, укрывающую грудь. Носилки подняли над постелью, мягко опустили на белоснежное постельное белье. Раздался щелчок замков на поручнях носилок и поручни разъехались в стороны, освобождая тело. Отставив поручни носилок в стороны, девушки—роботы заботливо укрыли Думара легким цветным одеялом по грудь и бесшумно удалились. Аналогичные манипуляции были проделаны с остальными, будущими жильцами особняка, Эфесом, Ортом, Лионом и Ки. У их постелей стояли кресла с разложенной на них одеждой, в которой они были одеты в свое время. Тео, убедившись, что все размещены по комнатам, стал проверять скрытые камеры, сверяясь, все ли установлены в соответствующих местах. Затем, отработанным за века приемом, в одно мгновение переместился в свой кабинет. Там проверил видимость съемки на мониторе, переключаясь с камеры на камеру. Убедившись в безупречной работе подсматривающего устройства, выключил экран...

Пробуждение Думара было быстрым и энергичным. Он по своей привычке вскочил с постели, как всегда это он делал по утрам. Но, что это? Ноги подкосились, словно ватные не держали тело. Тяжело рухнув на пол. Лежа на паркетном полу с удивлением обнаружил незнакомую обстановку комнаты. Он сделал попытку осмотреть себя. Но взгляд обнаружил очаровательные ножки девушки, спешно подошедшей к нему. Девушек оказалось две. Они были одеты в голубые юбки и голубые жакеты. На головах их красовались голубые пилотки.

– «Как стюардессы, – подумалось ему. – Странно все это. Нет болезненных ощущений. Чувствую себя отменно. Почему же такая слабость?».

Вдруг знакомый голос Тео стал вещать, не понять откуда: —Думар, вы находитесь в своем новом теле. Надо освоиться с новыми ощущениями. И если хотите вновь научиться ходить.

Думар выслушал наставления Верховного Жреца Шомона, подумал, – «Что, я снова в этом секретном городе?». Он был поражен таким исходом побега, так бесславно закончившийся. С досадой наблюдая, как девушки ловко подхватили его под руки и с атлетической легкостью поставили на ноги. Обнаружив себя в одних плавках, Думар смущенно заметил, — Дамы, я в таком виде. Не могли бы вы отвернуться, я оденусь, – от смущения он забыл, что у него не послушное новое тело. Голос Тео вернул его к действительности, —Думар, это без-

молвные роботы, выполненные под девушек близнецов. Они запрограммированы научить вас ходить, и освоится в новом теле.

Думар, опираясь на роботов, пахнущих изысканной косметикой, был подведен к креслу с его одеждой. Они подвели Думара к его одежде, обходя кровать. Он на трясущихся ногах, с каждым шагом движения. Но его шаги удавались все легче и увереннее. У кресла он мог уже стоять без поддержки. Девушки—роботы сделали попытку помочь ему надеть рубашку, но жестом он отстранил их от себя, и попытка за попыткой стал надевать ее сам. Роботы повернулись друг к другу, посмотрели в свои искусственные глаза и ритмично, шагая абсолютно одинаковыми движениями шагов, вышли из комнаты, оставив Думара одного. Провозившись с добрых полу часа, это ему все же удалось. Мышцы ставали послушнее с каждым целенаправленным движением. С брюками вышло легче. И уже одетым он самостоятельно стал передвигаться по комнате, осматривая с любопытством свое новое жилье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.